

Перерождение задрота
любящего жанр стратегии!

Re:

Annotation

Говорила мама: не передергивай лишний раз за компьютером на мужиков, закованных в доспехи. В принципе на мужиков как-раз таки я никогда и не дёргал, хотя сильно мне это не помогло. Откинулся в игровом кресле, а его спинка как хрустни, а в след за ней и моя шея.

В общем, так и закончилась затворническая жизнь двадцатипятилетнего задрота девственника, и началась жизнь молодого и очень амбициозного аристократа.

Re: Перерождение задрота любящего жанр стратегии!

Глава 1 — Ты ещё не помер?

«Ты ещё не помер?»

Забавно или нет, но именно эти слова для меня стали первыми в этом мире. Принц Карл Людвиг Мидчел Четырнадцатый, именно так окрестил меня придворный маг-целитель, отвечавший за выздоровление четырнадцатого сына, кого? Правильно, хрен пойми кого: Карл, Людвиг, или всё-таки Мидчел? Где, блять, здесь имя, а где фамилия?! Именно этот вопрос хотелось в первую очередь задать целителю, коему, собственно, и принадлежал вопрос: «Ты ещё не помер?»

Кое-как смирился с наличием этой старой, скрюченной и седой козявкой, всю неделю таскавшей за мной по особняку. Задавая тупые вопросы, откровенно плясь и охеревая, узнал кто я, что я, и в какой жопе мира оказался.

Четырнадцатый и самый младший сын двух ста пятидесятилетнего императора, чья страна вот уже больше века пылала в огне бесконечных междоусобиц и мятежей. Всего сыновей у старого кабеля насчитывалось под двадцатку, ну а на данный момент я являлся самым младшим. Где или куда пропали остальные история умалчивала, но, в принципе, я догадывался, что с ними могло произойти. На папаню за выдавшуюся недельку я тоже вдоволь поглядел. Старый, едва дышащий и закутанный со всех сторон в шелка, он изо дня в день неподвижно сидел на своём белоснежном троне, возвышавшимся над простыми смертными вроде меня на добрые метров пятьдесят. Говорил ли он что и вообще не очурился ли там случайно — я так же не понял. Да и не до этого особо было.

Как говорил всё тот же маг-целитель, причиной моей «госпитализации» стал тринадцатый брат, так же как и я сейчас шлявшийся при дворе императора. Дрыщавое и прыщавое чмо, всюду тенью бродившее за нами со своей стражей, опасалось, что я попытаюсь подвинуть того в очереди на престол.

Понимая это, мне ради выживания даже пришлось прибегнуть к небольшой хитрости. Связавшись с тем через своего единственного верного слугу, того же целителя, предоставил братцу письменную гарантию, что ни при каких условиях не подниму на того меча, ну или чего-то другого. Разумеется, не проси я бабла в замен, этот додик мог и заподозрить неладное, но благо сумма, заставившая тринадцатого по списку заикаться, всё расставила по своим местам. И сейчас я, с мехом золота, нанятой при императорском дворце стражей, деловито рассевшись в позолоченной карете, направлялся туда, где хоть раз мечтал побывать любой, даже самый заёбанный клишированными попаданческими рассказами читатель. Я ехал в гильдию авантюристов, а после на рынок рабов, или, быть может, мне стоило сначала заехать на рынок рабов, а уже после с тем, что останется, нанять для своих задач какого-то авантюриста? В этих размышлениях я и пропустил всю поездку по «самому прекрасному городу».

При виде моей царской особы и именитой стражи за моей спиной, вся зачуханная таверна, переполненная разношёрстным сбродом, припала к нашим ногам, буквально лбами пробивая в поклоне старый, скрипучий, деревянный пол. Похоже, услуги имперской гвардии охранявшей меня, стоили куда дороже, чем любой из местных доходов.

Подойдя к приёмной, за стойкой которой так же рухнув лбом в пол лежал регистратор, величественно (как только может задрот с пятнадцати летним стажем) проговорил:

— Мне нужна группа: целитель, убийца, маг и ещё кого-нибудь на сдачу, — на стойку регистрации шмякнулся кошель с моими карманными расходами за прошлый, проведённый в больничной койке, месяц. Развязав верёвочку, бедный лысый дядька аж руками за сердце схватился.

— Вы их что, на три жизни нанять хотите? — На такое удивление заглянул в содержимое кошелька. «Блять, не тот кинул».

— Что же, ладно, вот моя плата, — вытянув из мешочка два самоцвета и подняв те над головой, продемонстрировал их собравшимся. — Мне нужны лучшие. Как решите, кто отправится мне на службу, незамедлительно отправляйтесь в поместье Принца Карла Людвиг Мидчела Четырнадцатого.

Гордо вскинув свой плащ и едва в том не запутавшись, быстро выскользнул из провонявшей лачуги на улицу, а точнее обратно в защищённую карету. Никаких тебе алмазновых приключенцев в дорогих и сияющих доспехах. Вообще ни намёка на пышногрудых эльфиек в коротких мини юбках и уж тем более никаких лолек. Помойка, а не гильдия авантюристов...

Моё нечеловеческое невезение завершилось на рынке рабов. Вот здесь, с первого взгляда на собравшуюся толпу, понял — скучать не придётся. Крича, махая, ругаясь, толкая другу друга и разбивая более расторопным лица, толпа купцов, аристократов и прочей местной нечисти радостно разбирала свежую партию рабов.

Всё немного изменилось с появлением моей царской персоны и двухметровой стражи, гордо вышагивавшей впереди и позади меня. Здоровенные мужики, нагоняя страха и раскидывая толпу, словно мешки с мусором, подминая под себя всех, вели меня к замершему в ужасе и панике торговцу, устроившемуся прямо на центре импровизированного подиума.

За его спиной сейчас находилось около двадцати рабов. Слегка побитые, с кровоподтеками, но при этом среди них были и подкаченные, а самое главное, с личика вполне симпатичные барышни. Именно бабу мне сейчас хотелось больше всего. Не светскую, хитрую, имеющую возможность упрекнуть или подвинуть меня в чём-то, а именно рабыню. Что даже умереть может лишь по одной моей прихоти.

— С-с-с-славься великий император и императорская семья! — С вытянутыми вверх руками рухнул на колени и звучно шарахнулся головой о доски торговец.

— Да-да, и вам доброго здравия, люд имперский. Почём нынче мясо? — Ведя себя точно так же высокомерно, как и другие мои братья, остановившись у сидящего на коленях торгоша спросил я.

— Э-э-э... — Едва попытался взглянуть на меня мужичок, как стоявший рядом со мной стражник, поставив тому ногу на голову, вернул взгляд торговца обратно на землю.

— Слышь, свинья сутулая, тебе кто голову разрешал поднимать, а? — Проговорив это, мой охранник, словно ожидая одобрения на свои действия, поглядел на меня. «Я всё правильно делаю, папа?» — читалось на самодовольном лице двухметровой детины.

— Спасибо, — ответив тому натянутой улыбкой, произнёс я и мужик, перенасыщенный гордостью, звучно стукнул себя кулаком в стальной доспех.

— Для вас бесплатно, юный господин. Берите всех, для торговца, вроде меня, это честь, великая честь! — пуская сопли и слюни взмолился торговец, словно ему вот-вот оторвут не только голову, но и яйца.

— Вот как, интересно, а ещё рабы у тебя есть? — Махнув рукой, отдал приказ поставить торговца на ноги.

— Ну разумеется, о, солнцеликий! — Почувствовав, что опасность миновала, с растянувшейся от уха до уха золотой улыбкой, залепетал торгоша. — Женщины, мужчины, взрослые, дети, мясо самый сок, всех отдам, а после детям рассказывать буду, что лично четырнадцатому принцу товар поставлял!

Эта смуглая рожа умела льстить, да и вблизи предложенные им люди оказались гораздо лучше, чем я думал. Вот только все они по прежнему являлись людьми, а помимо человеческой женщины мне хотелось попробовать и ещё чего-нибудь эдакого.

— Скажи мне, добрый друг, — неожиданно взяв того под руку, да так, что мужик чуть из смуглого в полностью белого от волнения не превратился, повернул того к стоявшей напротив нас партии людей. — А есть ли у тебя кто не из людей? К примеру, женщины с длинными ушками, звериными хвостами, или, быть может, крыльями?

— Зверья на каждой рабочей шхуне как де... — Хотел было злобно произнести торгоша, но вспомнив, с кем говорит, улыбнулся и поправился, — как звёзд в ночном небе, о, солнцеликий. В любую нору, или дыру руку засунь, какую-нибудь гадость, да вытянешь. Нет таким места в столице, я законы чту, зверьё в дом родной не тяну, мамой клянусь!

Пытаясь скрыть своё разочарование, улыбнувшись, похвалил торгоша, а после велел вывести весь его товар на наш подиум. К сожалению, к самым жарким торгам мы не успели: сейчас на дворе стоял вечер, а всех самых лучших, трудолюбивых и красивых разбирали ещё по утрам. Присмотрев себе одну смуглую и грудастую, одну светлолицую и даже немного ухоженную, в итоге не заморачиваясь плюнул и сказал, что забираю всех. Как не старался торговец сдерживать свои эмоции, одна морщинка да на лице его загорелом всё же нервно дрогнула.

— Сколько я тебе должен? — Стоя всё так же в гордом окружении моей личной стражи, угнетавшей народ одним лишь своим присутствием, что бы все слышали, спросил я.

— О солнцеликий, это подарок от щедрого Зуру Рура, верно служащего великому императору, — вновь спасая свою шкуру, начал юлить и осыпать лестью торговец.

— Хорошо, Зуру, — произнёс я, взглянув на всё так же стоящую позади нас на коленях толпу, из-под лба наблюдавшую за происходящим. — Тогда скажи, за сколько ты продал своего последнего раба?

— Пять больших серебряных, о, солнцеликий. Тот муж был сильным, крепким. Достойного раба купил достойный господин! — Гордо заявил торговец.

— Тогда скажи мне, Зуру Рура, каждый ли из твоих оставшихся рабов стоит пять серебряных? — Вновь спросил я.

— Нет! — С ходу чётко ответил торговец. — Если бы кто-то брал их всех вместе, то я с гордостью продал бы их по два с половиной серебряных, при чём не глядя! — Понимая к чему я клоню, радостно вскрикнул тот.

— Хорошо, Зуру Рура, тогда слушай меня внимательно. Я, Принц Карл Людвиг Мидчал Четырнадцатый, забираю всех твоих рабов, и за каждого плочу тебе по семь серебряных. Запомни мою доброту, — громко заявил я, а после, чуть тише, для того, чтобы нас не услышали лишние люди, добавил: — и когда будет что-то интересное, приходи ко мне...

От мимолётного хорошего настроения торговца не осталось и следа. Вновь рухнув на колени, тот запел хвалебные серенады. Благо мои уши, порядком подуставшие от чистого рода лести уже его не слышали.

— Советник, светлокожую блондинку, и ту, темнокожую с большими дойками в мою карету, немедленно. —

Обратился я к придворному целителю и тот неожиданно возразил.

— Простите ваша светлость, но не по статусу принцу с рабыней в карете ездить. — Его слова меня сильно раззадорили, я купил их именно с этой целью и хотел получить то, собственно ради чего всё это и сделал. — Прошу не гневайтесь и дождитесь, когда мы хотя бы выедем за город.

— С этого и стоило начинать, — кивнув старому в ответ, отдал приказ кучеру двигать в мою собственную резиденцию.

— Эй, стража, ту и ту, на лошадей и за принцем! — Злобно рявкнул маг-целитель, в ответ на что стража весело и созвучно ответила: «Есть»!

Весело стуча колёсами по выложенной камнем дороге, карета в сопровождении пятидесяти конных рыцарей неслась напрямик к моей резиденции. Я нервничал: с минуты на минуту командир стражи должен был отдать приказ о привале, а это означало, что я наконец-то получу свой желанный приз. В прошлой жизни меня бабы к себе даже на пушечный выстрел не подпускали. До двадцати, даря подарки, уделяя внимание и тратя свою жизнь на этих неблагодарных, я в ответ только и слышал: ты такой хороший друг; прости но я слишком плохая для тебя; или вот ещё: тебя достойна девушка получше.

Весь этот парад абсурда, честолюбия и пафоса сломил меня. Двенадцать раз я слышал одно и тоже, тринадцатый стал последним. Запил, выгнали с работы, сел на шею родителям. Нет, в этом всё нет вины тех сук, бегавших за вырожденками, после встречи с которыми они обратно прибежали ко мне плакаться на «дружеское» плечо. Просто тот мир оказался сильнее меня. Моего понимания, желания бороться и что-то делать. Я никогда и ничего в жизни не пробовавший, и не имевший возможности попробовать, слишком рано сдался. Но теперь, когда в моих руках все необходимые инструменты — я наслажусь жизнью по полной!

Карета постепенно стала сбавлять скорость, а через пару минут после нашей остановки ко мне вновь заглянул старый советник. Поинтересовавшись, когда я желаю принять гостью, прямо сейчас, или после того, как поднимут шатры и ту приведут в порядок?

Сложный вопрос заставил задуматься, всё же это был мой первый раз, пусть и с рабыней. Предположив в каких условиях те содержатся, вдохнуть ароматы застывшего на женщине дерьма и мочи как-то не хотелось. Ждал столько лет и ещё с пол часа подожду!

Махнув тому рукой, дал добро на приведение моего главного лакомства в порядок. Взглянув в окно увидел, как один из магов, двигавшихся вместе с нами, под своим личным, чутким присмотром, повёл полностью оголённую, длинноволосую блондинку куда-то к кустам, за которыми резко громыхнуло, а после появилась какая-то маленькая тучка с настоящим водяным потоком, появившимся из неоткуда. Спустя минуту всё та же, белая как смерть блондинка, словно маятником покачивая своей грудью велась в нашу сторону. Трофеей, мой, собственный!

От одного лишь её вида в штанах стало тесно. Захотелось прямо сейчас вскочить, поставить ту раком и плевать, что все смотрят. Чёртовы женщины, как же легко они завладевают нашими умами. Оставив блондинку трястись голой на ветру в поле, маг неожиданно направился за второй, смуглой и грудастой. В этот раз он не стал отводить женщину в сторонку, и, словно зная, что я наблюдаю, велел смугляшке мыться прямо в поле. С этой он работал гораздо дольше и более усердно. То наклоняя ту ко мне задницей, то большой свисающей грудью, старикашка знал толк в построении шоу. Стоило хорошенько его наградить за проделанную работу. Жаль только самые красивые места дам прикрывала эта ёбаная матня. Минуточку...

Вытащив руку из-под тюли, прятанной в карете моё лицо, жестом подозвал мага, а следом, нашептав тому о «дискомфорт для моих глаз» вложил в руку серебряную монету. Старый пердун так запрыгал от радости, что уже спустя пол минуты дамочки, рассевшись на специально предоставленных для них колодках, расставив ноги по направлению ко мне, брили свои пещерки. Другое дело...

И вот он, наконец-то долгожданный, походный вечер. Императорский шатёр воздвигнут, вокруг его потрескивают костры, и бдительная стража из всех сил бдит за одним единственным человеком — мной. Еда предоставленная мне оказалась выше всяческих похвал. Попробовав кусочек, с трудом остановился. Не хотелось из-за переедания испортить свой первый и волшебный.

— Советник, — едва заждавшийся я повысил голос, как в шатре, вместе с старой козьявкой показалось и это молодое чудо, что дрожа от холода, не смело даже взгляда поднять в мою сторону.

— Ты знаешь, кто пред тобой? — Обратился к девушке старик и та кивнула. — Знаешь что должна сделать? — Вновь пугающий вопрос и немой кивок. — Не смею больше вам мешать... — Не дав мне и слова сказать, откланявшись, исчез за плотной тканью шатра маг-целитель.

Сейчас я должен был казаться сильным и величественным, но блять, как это сделать, когда у тебя голос дрожит и даже ладошки вспотели?! Подглядывать за ними через тюлю было куда проще...

Пытаясь скрыть своё стеснение тяжело вздохнул и закрыл глаза. Вот она, мечта всей твоей жизни, так чего ты тупишь, мудила?! — Кричал я в себя, не зная как начать.

— Простите ваша светлость... — не выдержав молчаливой паузы, захлопала носом блондинка. — Пусть я относилась некогда к знатному лорду, но всё же, я даже взгляда вашего не достойна. Простите, пожалуйста, только не отдавайте меня солдатам, я не выдержу этого, молю, молю вас, милостивый господин... — двигаясь по высланному специально для меня ковру на четвереньках и рыдая, просила та, пробуждая во мне то, что не надо. Залпом осушив кубок с терпким напитком, перевёл взгляд на лежащую у моих ног девушку и спросил:

— Ты ведь знаешь зачем тебя привели? — Забыв как дышать, та испуганно подняла взгляд и кивнула.

— Если не хочешь, заставляя я тебя это делать не буду. Можешь есть, пить... — Слова из моих уст до ещё большой дрожи напугали девицу и та отрицательно закивала головой. — Как будешь готова, можешь приступать, а я пока полежу.

Едва мои стопы оторвались от ковра и коснулись кровати, как на моих коленях, поспешно расшнуровывая мои штаны, сидела блондинка. Кидая косые взгляды на меня, та за секунду добралась до моего малыша, а после, собственным дыханием отогрев свои заледеневшие руки, осторожно, кончиками пальцем прошлась по моему члену. Реакция последовала незамедлительно. На плачущих баб у меня редко вставал, а тут всё само. Столь быстрое приведение в боевую готовность, да ещё и без дополнительной стимуляции, удивило и рабыню, что слегка повеселев, с меньшей опаской и большей раскрепощённостью решила исполнить волю господина. Её горячий язык, пройдясь вдоль ствола и да самых камушков оставил после себя прохладный след, который вскоре скрыли такие же горячие, засасывающие всего меня, губы. Неожиданно для себя издал стон, отчего глаза рабыни ещё больше округлились. Кажется, до неё постепенно стало доходить: перед ней сидел не изнеженный имперскими блудницами принц, ублажить которого могли разве что боги, а самый обычный, любящий ласку и потехи мужчина.

Лёжа на подушке, едва не сходя с ума от наслаждения, наблюдал, как медленно, и с каждой секундой всё более уверенно двигаются её губы по моему жезлу. То всасывая, то выпуская и лаская язычком, осмелевшая рабыня игралась с моим достоинством крайне умело, да вот только её длинные волосы, постоянно наползающие девушке на мордочку, всё время загораживали мне вид.

— Хочу видеть твоё лицо... — Едва я произнёс это, и покорная самка тотчас одной свободной рукой скрутила волосы в хвост и перебросила через плечо. «Приятно, когда мы понимаем друг друга с полуслова». — Глядя, как за её щёчкой то появляется, то вновь исчезает выпуклость от моего члена, подумал я.

Развязка пришла крайне неожиданно, и заметить не успел, как почувствовавшая дрожь и пульсацию в моём агрегате девушка, пропихивая член себе в самые гланды, застыла, принимая в свой рот и глотая мою сперму. Не знаю, как долго я, выгибаясь, прижимал её голову к своему паху. Но когда сладостное ощущение меня покинуло и я отпустил ту, рабыня даже не поморщилась. С хитрицей улыбнувшись, девушка облизала кончик своего указательного пальца, наползая на меня, словно змея. Языком она принялась ласкать сначала пупок, затем выше и выше, пока её губы не остановились на уровне моей груди.

— Неужели потомку императора может нравиться кто-то вроде меня... — Взглянув на меня от чего-то мокрым взглядом, тихонько спросила блондинка. Её соски, подрагивая от каждого соприкосновения с моим животом каменели, редкими волосками на небритой юношеской груди я ощущал её жаркое, взволнованное дыхание, в след за которым и падение холодных женских слёз. Какого хрена она портит такой момент своими соплями?! Тем более, когда её трущаяся об моего друга пещерка уже во второй раз заставляет того подниматься на неравный бой.

Красное смазливое личико, слёзы, подтянутое тело и сочная красивая грудь, так и зовущая к себе требовали от меня величественного ответа, достойного сына императора, считавшегося в местных краях если не богом, то его наместником. Поразмыслив пару секунд, хмыкнув и одарив рабыню максимально злобным взглядом, на который я сейчас был способен, спросил:

— Ты думаешь, что сын императора будет сношаться с любой, в ком есть дырка? — Слёзы на лице блондинки тотчас растворились. Словно рыба, хватая губами воздух и не в силах ответить, та отрицательно закивала головой.

— Вот и славно, — приложив немного усилий, наклонил голову девушки в сторону моего восставшего из мёртвых напарника.

— Я вас поняла... — Засияв от радости, словно звезда в тёмном небе, голубоглазая, в очередной раз пройдясь язычком и убедившись в полной готовности, начала ёрзать своими бёдрами по моему паху. Нечто горячее, подобно следу оставалось от каждого её движения. Распираемый любопытством, велел той остановиться.

Приподнявшись, от чего-то дрожащей рукой коснулся её лона. Молодая девушка, до крови прикусив губу ойкнула, а я кончиками пальцев ощутил вязкую жидкость, вытекавшую из той.

— Тебе это нравится? — непонимающе спросил я, впервые заставив рабыню покраснеть от её острого подбородка и до самых кончиков ушей.

— Вы великий сын, великого императора, ни одна женщина в империи и мечтать не могла о том месте, в котором сейчас оказалась я... — В очередной раз облизнувшись, заявила блондинка.

— Не понял... — почесав репу, на полном серьёзе спросил я, и лишь когда та, улыбнувшись, взяла меня за член и захихикала, осознал о чём говорила рабыня.

Слова этой шаловливой суки, а так же ощущения вседозволенности, пробудили во мне своего рода монстра. Устав всё время находится снизу, рывком завалил ту на спину, застыв всего в нескольких сантиметрах от рта, ещё пару минут назад ласкавшего меня снизу.

— Для меня большая честь, ваше величество... — Всё так же улыбаясь и не выпуская из рук мой прибор, проговорила блондинка, всё так же стремясь собственными силами пропихнуть того в свою пещеру и противиться этому я не собирался.

Она думала я жесток, величественен, непостижим, что ж, придётся соответствовать. Сильным рывком вошёл в ту на полную глубину, вызвав болезненный крик, а следом за ним и стон.

— Смилуйтесь, о, великий господин, прошу, не так глубоко... — Взмолилась девушка и я снисходительно вошёл в неё повторно, всё также резко, но лишь наполовину. Вновь некий болезненный вскрик, но в этот раз разбавленный маленькой порцией наслаждения. — Прощу, ещё мягче, — попросила та, и я вновь даровал ей желаемое, от чего из её розовых складок донёсся крайне пошлый и ещё больше распалюющий моё либидо звук.

— Нравится, когда тебя заставляют просить о чём-то, испорченная женщина? — Наравивая темп и всё так же входя в девушку лишь на треть, спросил я.

— Да-да, о юный господин... — Её руки, обхватив меня за задницу, с каждым движением прижимали меня к себе всё плотнее. Чем быстрее мы двигались, тем больше она требовала той первоначальной жёсткости и

глубины. — Прошу, не останавливайтесь... — закрыв глаза, взмолилась рабыня и я в противовес её желаниям замер.

Растерянная, думая, что сделала что-то не так, та, обхватив меня ногами и прижимая руками, приподнялась, пытаясь как можно сильнее сжать мой член своими бёдрами.

— Прошу, ваше высочество... — Её язычок скользнул по моему соску, отчего внезапно наступившая сухость в горле резко отступила. Не желая, чтобы внезапно возникшая проблема помешала нам в дальнейшем, рукой поднял со стола рядом стоявший кувшин и прямо из того сделал несколько плотков. Завистливый взгляд рабыни ушёл в сторону, её так же мучила жажда. Что ж...

Силой взяв ту за подбородок, приставил к губам рабыни кувшин и вдоволь позволил той насытиться терпким напитком.

— Что скажешь? — Поставив кувшин обратно и вновь завалив девушку на спину, спросил я.

— Это угощение, второе в списке лучшего, что я когда либо пила... — Задвигав бёдрами, деловита произнесла рабыня. Подобное заявление меня слегка удивило, и даже разозлило.

— А что на первом? — Вновь резко войдя в ту и услышав её сладостный стон, грубо спросил я.

— Семя, ваше семя, о великий, — полностью откинувшись и схватившись пальцами за простыню простонала та, при этом не забывая требовать, чтобы я не останавливался. Раз за разом, быстрее и быстрее, я наращивал темп, вгонял в ту так, как только мог и она радовалась, обнимала, целовала и облизывала меня везде, где только могла.

Моё принуждение оказалось для той наградой, а то, что я считал изнасилованием — величайшей милостью. Этот проклятый мир просто создан для отброса вроде меня и обязательно попробую всё, что только тот может мне предложить!

Впившись зубами в левую грудь рабыни, под её дрожь и сладостный крик кончил прямо внутрь. Больше минуты та боясь и на секунду отстраниться, жалась ко мне, обнимала, и не смотря на то, что мы уже закончили, продолжала ласкать меня как снизу, так и сверху, языком облизывая мой живот и грудь.

— На сегодня мы закончили. — Понимая, что устал и навряд ли возбужусь в ближайшие часы, произнёс я, и девушка, покорно спустившись с кровати на ковёр, тихонько произнесла:

— Ваша милость, прошу, разрешите ночевать на вашем ковре, а не в клетке, клянусь, я вас не побеспокою!

Вот тебе и новость. Я вновь забыл, в каких условиях содержаться местные рабы. Тяжело вздохнув, прикинул все за и против. Из плюсов: в шатре действительно было прохладно и её упругое тело могло стать хорошей подушкой «антистрессом». Из минусов: она вполне могла ночью меня придушить, порезать, или ещё как-то сделать так, что я не проснусь.

— А в друг ты решишь меня прирезать пока я сплю... — Решив поглядеть на реакцию блондинки, проговорил я.

— Никогда в жизни! — С силой ударившись лбом об ковёр, вскрикнула та, отчего даже стража за пределами шатра поспешила поинтересоваться, всё ли у нас в порядке. — Знай я, что волею небес мне уготовано стать наложницей самого сына императора, самолично пошла бы в рабыни!

Ну пиздец, опять этот культ психанутых и помешанных на том старом кобеле, сидящем на троне. Да этот хрыч ложку себе в рот без чьей-либо помощи не вставит, не говоря уже о чём-то другом, а его боготворят, да ещё и как.

— Хорошо... — Произнёс я и рабыня, довольно поскуливая, как дворняжка, сжавшись комочком, спиной стала прижиматься к моей деревянной лежанке. Глумливо наблюдая, как девушка пытается устроиться поудобней, дождался, когда она уляжется и произнёс: — Мне не нравится то, что я вижу...

Подняв голову и взглянув на меня, рабыня задумалась, а следом взглянув на прорезь у шатра спросила:

— Прикажете лечь у выхода?

— К ноге, — похлопав ладошкой по белоснежной, влажной простыни, проговорил я, и та, ломая все мои стереотипы о неприступности женщин, радостно сверкая своей красивой улыбкой, чуть ли не в один прыжок оказалась на моей кровати, а следом, положив голову мне на бедро, обняла меня, взявшись за мои игры. Приказ «к ноге» восприняли слишком буквально.

Усмехнувшись, одним из трёх одеял, предоставленных мне для сна, укрыл свою новую «игрушку», другим укрылся сам, а третье и вовсе не понадобилось.

Так вот, лёжа в шатре, возведённом возле леса специально для одного меня, я глядел в потолок, думал и боялся. Что вот сейчас в очередной раз расслаблюсь, закрою глаза и проснусь, но только не в мире, где я четырнадцатый сын, а в другом, том сером, злобном, неблагоприятном и очень жестоком ко всем слабакам, вроде прошлого меня.

Под тяжёлые сон, в котором я воевал с бомжом за случайно обронённую мною сотню, принятую тем за милостыню, резво подорвался. Тот бой я безоговорочно проигрывал, но больше всего в этом меня пугал не урон, который я от того получал, а стояк, коим старый и вонючий хер собирался воспользоваться. Разлепив глаза, заметил всё так же лежащую у моих ног рабыню. Проснувшаяся раньше моего, та не нашла занятия лучше, чем

своими тонкими пальчиками гонять из стороны в сторону мой стручок и то, что болталось чуть ниже его.

— А я знала, что вы скоро проснётесь, мой господин, — весело проговорила та, пальчиком указав на мой детородный орган. — Желаете расслабиться, или быть может позже, после завтрака?

Насчёт утра у меня были совершенно другие планы. Изначально весь сегодняшний день я планировал провести в обществе той смуглой пышногрудой дамочки, что сейчас томила в очереди ко мне на приём. Но видя эти жаждущие моего внимания глаза, ничего с собой поделывать не смог.

Как итог, пока я дожидался пищи, кое кто очень старательный, при помощи своих тонюсеньких губок, помог решить мне проблему утреннего стояка. Следом был обед, за которым, беседуя с той же рабыней и узнавая всё больше нового об этом мире, я упустил момент, когда нам вновь предстояло отправиться в дорогу. Несмотря на то, что блондинка была старше нынешнего меня на целых шесть лет, если брать в расчёт моё прошлое «я» — мы являлись ровесниками. До сего момента частенько упрекающий свою судьбу за жестокость, я с открытым ртом слушал, как жестоко поступили с Лили собственные родители, что под тяжестью долга сначала продали её невинность одному из приграничных баронов, а после, когда не смогли ту выдать за мудака, и вовсе продали дочь как товар в один из городских борделей, откуда вскоре девчущку со смазливym личиком выкрали, толпой изнасиловали и перепродали, но только уже на другом невольническом рынке, с которого её забрал какой-то мелкий аристократ, что уже спустя сутки проиграл ту в карты тому же торговцу.

И подобные случаи по её же рассказам здесь были не единичными. Женщины — это свиноматки, товар, малоэффективная рабочая сила, от которой больше проблем, чем пользы. В бою малопригодны, способны развратить и переманить даже самого преданного слугу, а если забеременеют, так ещё и новых ртов, а вместе с ними и бастардов могут наплодить. Всё это крайне пагубно сказывалось на значимости женщин в нынешнем, средневековом обществе, где за одну корову, дающую молоко, можно было купить сразу двух, а то и трёх молоденьких рабынь восемнадцати лет от роду. К тому же, несмотря на междоусобные войны, генеральный штаб империи крайне эффективно из года в год расширял территориальное влияние нашей державы, посему цены на рабов с каждым месяцем становились всё ниже. В стране с крупнейшей армией и числом рабов, так же остра чувствовалась нехватка продовольствия, дефицит которого острее всего ощущался на периферии. Малоразвитые окраины империи, отдалённые от основных городов и поселений, умирали под тягостью непомерных налогов, коими тех облагали помещики и знать. Со слов моего советника, похожая картина наблюдалась и в моём имении, дарованном мне при рождении отцом. Всё, что я имел, так это небольшой городок, да с два десятка малых деревень, расположенных у лесов, одной не сильно широкой речки, и шахты. Именно шахта, в которой добывалась руда для создания оружия, приносила мне больше всего денег. Однако, от чего-то с каждым годом из моего города их приходило всё меньше и меньше. Ворчливый маг-целитель, обходя стороной некомпетентность старого «меня», предположил, что всему виной вор-бургомистр, о котором ходило множество дурных слухов, проверить которые мне в ближайшее время и предстояло.

Святых чиновников не бывает, это я хорошо знал. Вопрос оставался лишь за тем, достаточно ли тяжёл его грех, и как я буду того наказывать. Ведь убей я его уродца сразу, кого мне назначить решать его вопросы? Город — это ведь огромное множество проблем, дел и вопросов, требующих наискорейшего решения. Тонуть в бумажках, когда вокруг такой прекрасный и любящий меня мир я не хочу. Заниматься изучением магии, говорить, что нам нужно и где строить, а так же управлять армией, которой у меня нет это запросто, но только не работать!

Вот так вот думая о всякой херне, и позволяя три ночи подряд молодой Лили натирать мой хер, да причём так, что в нём отражение можно было увидеть, я совершенно забыл о второй рабыне и вспомнил о пышногрудой лишь под час, когда моя карета остановилась у врат в мой же город, и стража поинтересовалась, можно ли ей воспользоваться моим трофеем.

Ну разумеется нет! В ближайшее время в моей резиденции намечался двойничок, отказываться от которого из-за ссадин, ушибов и плохого состояния смуглой я не собирался. К тому же, постоянное общество Лили так же стало приедаться. Осмелевшая рабыня, постоянно ночевавшая при мне, стала позволять себе лишнее, и мне, как умному и доброму господину предстояло вернуть ту с небес на землю.

— Господин, извольте ли чего-либо? — Когда я наконец-то сменил свою позолоченную карету и походную кровать на шикарные апартаменты и мягчайшую трёхметровую кровать, поинтересовался всё тот же советник.

— Да, позови мне ту смуглую рабыню, с большой грудью и пышной задницей, но перед тем велите слугам привести её в порядок, — словно гром среди ясного неба, точно так отразились эти слова на улыбчивом лице блондинки, вечно дежурившей неподалёку. — А то эта слегка наскучила... — произнёс я, добывая голубоглазую, отчего та, переведя на меня растерянный взгляд, чуть ли не рухнула на колени.

«Вчера красотка не захотела делать то, что ей велели. Видите ли, посчитала проникновение с заднего хода слишком грязным действием. Мне и самому то это делать не очень то и хотелось, но проверить насколько далеко могли зайти наши игры стоило. Она мне нравилась, решив той слегка напомнить своё место, дал девушке временную передышку. Так что пусть теперь смотрит и пожинает плоды своих прихотей» — Вновь наблюдая, как

моя рыбка, растерянно глотая ртом воздух глядит в след приближающейся смуглянке, виляющей своим аппетитным задом, подумал я.

Лили, принаряженная в костюме горничной, предоставленный той моим доблестным и всё понимающим советником, молча глядела на то, как я, нарезая круг за кругом вокруг неподвижно замершей смуглой рабыни, оглядываю ту, словно живого манекена.

Бьянка — так звали эту рабыню, чьё тело ещё с детства готовили для работы в столичных борделях. Из большинства рабов, купленных мною ранее, именно её личико, а также упругий оттопыренный зад с аппетитной складочкой между попкой и ляжкой, стоил гораздо дороже уплаченных мною серебряников.

Смуглянка, опустив голову, молча стояла напротив моей кровати, при этом крайне заметно нервничая. Её поведение совершенно повторяло поведение Лили при нашей первой встрече. «Ублажение наследного рода, крайне опасная работа для которой при дворе заранее готовят девушек» — Так говорил старик, когда по дороге в мою резиденцию зашёл разговор о женщинах. Стоило рабыни причинить господину неудобства, или не дай бог случайно оцарапать плохо постриженными ногтями, кара могла быть настолько страшной, что живой начинал завидовать мёртвому. Она раб и даже скот при столице имел большую цену, чем человек, закованный в цепи.

— Сколько тебе лет? — Проходя мимо спины черноволосой, пальчиком провёл по одной из загорелых булочек, отчего по спине и рукам девушки побежали мурашки.

— Двадцать один, — отозвалась красotka, загнав меня в лёгкий ступор. Несмотря на хорошее тело без шрамов и других дефектов, с лица она выглядела куда старше. Возможно сказывались издержки работы в борделе, откуда девушку и выкинули, вслед за чем та вновь попала в рабство. Постоянное пьянство, плохая пища, недосыпы и дурман травы, о вреде которых я уже наслушался от мага-целителя — всё это сказалось на лице Бьянки.

— Лили, а она куда младше тебя... — Обратился я к бледной блондинке, только-только примерявшей на себя чёрное платье и передник. Не смея таращиться на меня, голубоглазая, поджав кулаками чёрную ткань и опустив голову, кивнула. Ещё вчера она буквально умоляла меня оставить себя при дворе, позволив обучиться у моих слуг искусству горничной. Я согласился: решил попробовать с той новое и неожиданно встретил возражение. Настаивать, разумеется, не стал, но осадочек-то остался...

— Как думаешь Бьянка, сможешь справиться с обязанностями горничной? — Решив, что хочу ту именно в белом переднике на голое тело, задумчиво спросил я и девушка тот час рухнув на колени и схватившись за мои ноги, попыталась поцеловать мои ботинки...

— Для меня великая честь, это честь! — Напугав меня и заставив попятиться, ползла в след за мной рабыня. Совсем какая-то ебанутая попалась, может ну её? В конце концов позволив ей сделать задуманное, приказал той стать на колени. Это её поведение и смущающий, ревнивый взгляд Лили с пол оборота завели меня, но резко ворвавшийся в комнату стражник, не суля мне хорошего вечера, вскрикнул: Бунт, бунт ваше величество!

У высоких врат собралась немалая толпа, с факелами, вилами и топорами. Они двигались вдоль острых, торчавших вверх металлических пик забора особняка. Из редких и немногочисленных воспоминаний оставшихся мне от этого тела, я знал, что подобного раньше на подконтрольных мне землях не было. Я легко мог отдать приказ личной гвардии, размещавшейся в этот момент внутри особняка, вырезать мятежников, а сам продолжить развлекаться, но зачем мне убивать тех, благодаря кому я и являюсь тем, кто я есть. Задача правителя — править, рабочего — работать. И если до этого спокойно жившие крестьяне восстали, значит тому была веская причина, которую я обязательно должен услышать.

Высыпавшая в след за мной из трёхэтажного поместья стража, что вместе с моей нанятой гвардией и слугами насчитывала больше сотни голов, сильно удивила и напугала одетый в трепьё крестьян, при одном лишь моём виде вздрогнувших и принявших взглядами искать пути для побега.

— Ваше высочество! — Хрипя прокричал один из стариков и по видимому зачинщиков местных беспорядков. — Вы всё-таки приехали, мы верили, что вы не можете нас вот так вот бросить!

Рухнувший на колени дед обречённо склонил голову и бросил свои старые, ржавые вилы на землю. Его примеру последовали и все остальные жители, среди которых я заметил даже женщин.

— Прошу вас понять наши чувства, — в голосе деда чувствовалась боль и отчаяние. — Наш городок, живя и процветая под началом великого рода никогда не знал бед и войн, за что мы признательны короне и его величеству императору, но происходящая сейчас на наших улицах несправедливость куда хуже любой войны и даже самой смерти!

— Встань, старик, — понимая, что мне никто не угрожает, вместе с десятком лучших гвардейцев шагнул на встречу к толпе. — И говори, что заставило уважаемого слугу лить горькие слёзы. — Губа деда дрогнула, по морщинистым чумазым щекам побежали скудные мужские слёзы.

— Наместник, деспот! — Подобрал сопли и утерев рукавом слёзы, проронил плешивый старик.

— Подробней, — более требовательно произнёс я и тот, склонив голову, начал свой рассказ.

Прошлый наместник этих земель скоропостижно скончался около десяти лет назад. Лакомое место занял его заместитель, коего местные и подозревали в убийстве «наидостойнейшего градоначальника». После произошедшего, налоги резко взлетели в гору. Отбирая у горожан львиную долю урожая, правитель очень быстро обобрал город и все наши владения до нитки, обосновывая это тяжёлыми боями за пределами империи и повысившимся военным налогом. Более пяти лет крестьяне, считая, что подобное сейчас везде и по всей стране, исправно платили дань, и даже когда прибывающие в город торговцы стали доказывать тем обратное, всё также исполняли свой долг. Но после начало происходить невообразимое для этих мест.

Сначала по всему городу и окрестностям стали пропадать молодые и красивые девушки, чуть позже, и вовсе потеряв совесть, наёмники градоначальника среди бело дня стали ходить по хатам, высматривая самых красивых женщин, которых местные перестали выпускать из домов, и вот, год назад началось самое ужасное. Успевший за десять месяцев похоронить трёх своих молодых жён, Лорд Тутлюс, растеряв честь и достоинство дворянина, в пьяном угаре заявился на свадьбу старейшины одной из деревень. Изнасиловав молодую жену и убив сына старейшины, тот забрал девушку в своё имение, и спустя неделю тело той нашли у реки. Новость как пожар разлетелась по округе. Люди стали возмущаться и вскоре появилась новость, что семья старейшины готовила мятеж. Проглотив обиду и гнусную ложь, совет старейшин стерпел произошедшее и последовавшую за этим казнь одного из своих членов. Но спустя два месяца инцидент повторился. Тутлюс стал заявляться на все свадьбы, о которых до него доходили сведения. Люди стали говорить о его страшных казематах, где были заключены множество бедных женщин, лишившихся своих любимых. Молодые парни и девушки больше не могли терпеть подобного скотского отношение, и предпочли смерть в огне мятежа, чем скотскую жизнь без права на любовь и продолжение рода. Подобное я уже видел в одном историческом фильме, и там, для ребят занимающих мой пост, всё закончилось не очень хорошо. Думаю, для моей резиденции, а следом за ней и поместьем Тутлюса, всё закончилось предположительно также. Вот только...

— Почему вы первым делом вы пошли ко мне, в мой дом, а не дом лорда грабящего ваши дома? — Мой вопрос крайне болезненно отразился на лице старика. Частично я знал ответ, но мне требовалось убедиться.

— Мы желали добиться от ваших слуг поддержки... — Недоговаривая проронил плешивый дед.

— Или бы вы сначала сожгли и разграбили мою резиденцию, завладели бы нашим оружием, ресурсами, с которыми двинулись бы дальше, к Лорду Тутлюсу? — Мой хмурый взгляд встретил точно такой же взгляд деда.

— Именно так, ваше высочество. Я стар, и знаю цену своим действиям. — Заглянув мне за спину, дед понял, что в этом бою у них не было шансов, а после добавил: — Если вы решите наказать нас за наши деяния, то прошу, пощадите хотя бы наших молодых. Пусть лучше проживут жизнь в рабстве, чем сложат свои головы на вашей прекрасной лужайке...

— Ваша беда — моя ошибка, старейшина. К сожалению, я, как не самый опытный правитель, допустил ужасное и прямо сейчас займусь нашей всеобщей проблемой. — От моих слов дедка чуть инфаркт не схватил, уж слишком редко здесь аристократы принимали на показ выставление своих ошибок и слабостей. Говорил я громко, так что даже жители находившиеся от нас на отдалении изумлённо зашабуршали. — Советник, подайте карету и отчёты о налоговых сборах, — Вскинув по ветру плащ и подняв руку, пальцем указал на деда. — Вы старейшина, обвинили человека знатных кровей в страшном грехе, наказание за который может быть только одно, и если ты солгал, да простят меня небеса за то, что я сделаю с тобой и каждым, кто пришёл с оружием на мой порог!

Люди в страхе замолчали, и неожиданно один за другим взорвались радостными и решительными выкриками. «Славься четырнадцатый принц!», «Славься хранитель Нивгарда!», «Славься принц Карл!»

Прикольно, значит меня всё-таки Карлом зовут, а Нивгард, по-видимому, название местного региона. Как-то уж совсем я по распиздяйски отнёсся к своим прямым обязанностям. Надо с этим что-то делать.

Чумазый старейшина не врал. Судя по отчётам, налоги в моём регионе действительно оказались завышенными. Вот только ни о какой половине от урожая и речи идти не могло. Через моих слуг и до моих карманов доходило максимум на десять процентов больше положенного. То-есть, если крестьянская семья ежемесячно зарабатывала примерно десять средних медных или одну большую медную, то её налог составлял пятьдесят процентов, то бишь пять средних медных, из которых в мои карманы оседали четыре. Можно было бы сослаться на то, что тот пропадающий медный идёт на оплату услуг городского совета, но их работа так же оплачивалась с моих, всё тех же четырёх медных, а значит ссучившийся Тутлюс каждый месяц обдирает меня и престол на добрых двадцать процентов от всего налога. Таким образом, если бы вообще не интересовался делами в городе и просто считал получаемый доход, этот подонок спокойно мог бы грабить моих людей и дальше.

— Удивлён, что молодой господин может читать и понимать столь специфические трактаты о финансах и прочем. Раньше за вами я подобного интереса не замечал... — Усевшись вместе со мной в карету, пробубнел мой личный полуживой советник по имени Гвиний Мэдэс.

— Ну, побывай на том свете и не такое понимать начнёшь...

— Возможно... — задумавшись, пробормотал слуга. Из себя дедок представлял такого божьего одуванчика. Маг вообще редко что-то у меня спрашивал. Все его действия сводились к удовлетворению всех моих хателок и нужд. Читая меня, словно раскрытую книгу, он отлично знал, когда позвать ко мне Лили, когда оставить одного и дать подумать. К тому же он хорошо помог мне во дворце, и если бы не его забота, я уже давно кормил бы червей в придворной гробнице нашего рода. Уверен, тринадцатый братик со своими возможностями с лёгкостью мне бы это устроил. Ведь в отличии от старших братьев, у меня в подчинение не было медных, серебряных и уж тем более золотодобытческих шахт. Про чеканный двор разделяемый первым и вторым принцем я вообще молчал. Единственное, что у меня сейчас было — это поля да леса у окраин столицы. Безопаснее места, чем мой надел ещё поискать нужно, к тому же по моим землям проходила широкая река, по которой часто двигались торговые галеры. Жаль только площадей у меня насчитывалось также крайне мало. Даже некоторые бороны, графы и даже лорды имели участки побольше, пусть и на опасных приграничных регионах.

— Гвиний, почему ты нянчишься со мной? — Уже решив как поступлю с вором, решил отвлечься и пообщаться с магом, спросил я.

— Меня никто не спрашивал, хочу ли я этого, или нет, — дедок, растегнув пуговку на своей мантии, показал странного вида пентаграмму, выбитую на солнечном сплетении. — Кажется молодой принц забыл, что маги не выбирают, кому служить. Меня назначили вашим стражем, и пока ваше сердце бьётся, моё тоже способно продолжать жизненный цикл.

— Получается, если умру я, умрёшь и ты? Поэтому ты спас меня? — Слегка разочарованно спросил я.

— Верно. — Отозвался тот, — Умирать вместе с вами мне хотелось меньше всего, и не считите мои слова за грубость, но вы не тот человек, за которым можно пойти на смерть.

Сказано это было в такой форме, чтобы пробудить во мне злость, какие-то эмоции или чувства. Однако я и до этого предполагал, что тут что-то не так. Уж слишком достойным человеком оказался этот Гвиний. За честность, которой я сейчас был крайне благодарен. Даже представить сложно, сколько он сделал для этой оболочки, на которую во дворце все смотрели с таким презрением, коего я даже в прошлой жизни не испытывал.

— Я услышал вас, Мэдэс. Когда разберёмся с продажной тварью ворующей мой день, отправьте весточку своим друзьям магам, пусть пришлют вам целителя на замену. Вас же я в благодарность за выслуги отпущу на покой. Так же, я предоставлю вам крупную денежную сумму и земельный надел. Одной из моей деревень будет достаточно? — Мой вопрос тот встретил испытующим, холодным взглядом. Неужели я сказал что-то лишнее?

— Вы хотите отправить меня в отставку? — По своему истрактовав мои слова, спросил дед, ставя меня в неловкое положение. Ну не сказать же ему, что таким вот образом я хотел выказать уважение и дань памяти моим родителем, выращившим и воспитавшим такого оболтуса, как я.

— Я хочу по достойному отблагодарить тебя за все годы твоей службы. Ведь если бы не твои знания и навыки, мы бы уже давно кормили червей, — коротко отозвался я и тот, хмыкнув, задумчиво прошёлся рукой по седой бороде.

— Должен заметить, ваше предложение застало меня врасплох, молодой господин, и если вы действительно хотите освободить меня, я с благодарностью приму вашу волю, и как только мы закончим с вашими делами, тотчас отправлю весточку своим братьям. — Кажется, тот по-прежнему мне не доверял, и быть может думал даже, что я хочу того убить. Всё же люди, обладающие его знаниями о придворных и дворе, без должной осторожности редко доживают до его возраста.

— Значит так и поступим, — ответив на напряжённый взгляд старика улыбкой, кивнул я, а после уставился в

окно.

Огромная резиденция, притаившаяся за маленьким леском, с виду казалась как минимум в два раза больше моей. Четырёхэтажное здание с двумя башнями и маленькой часовней возле себя встретило нас с распростёртыми объятиями, нарядной стражей, персоналом и тем самым лордом казнокрадом, успевшим хорошенько подготовиться к нашему с магом визиту.

Высокий, худой, с тонкими усиками и сощуренным взглядом. Мужчина в чёрном смокинге с позолоченными лампасами на плечах, в сопровождении десятка горничных и одного статного дворецкого ждал у самых дверей.

Несмотря на всю свою браваду и гостеприимство, тот взглядом больше уделял внимания не мне, а Гвинию, и тем восьми десяткам солдат, прибывших за мной верхом на своих закованных в сталь лошадях.

— Четырнадцатый принц, какая честь видеть вас в моей скромной обители. — Не разгибаясь ужом подполз ко мне лорд, а следом, поцеловав перчатку спасшую мою руку от его ядовитых губ, добавил: — Пожалуйста, проходите, мы с моей женой целый год молились за ваше здравие и скорейшее возвращение в эти земли.

Я находился в коме целый год? Взглянув на напряжённое лицо мага, не сводившего взора с личного дворецкого Тутлюса, понял — приём нам оказали не совсем уж тёплый.

— Я прибыл к вам по серьёзному делу, уважаемый градоначальник, и, надеюсь, вы позволите моим людям испытать ваше гостеприимство точно также, как его планировал испытать я сам. — Взгляд лорда оставался сощуренным, даже не дрогнул.

— Мой дом, ваш дом, о великий... — Всё так же не разгибаясь, жестом руки тот предложил нам войти. После чего вместе со мной внутрь ввалилась вся моя многочисленная свита. Этот хитрый выродок хорошо приготовился к нашему визиту и наверняка приготовил нам множество доказательств своей невиновности, вот только и я явился сюда не с пустыми руками.

Тутлюс, являя из себя самую любезность, взялся провести экскурсию по первому этажу своего поистине богатого особняка. Множество четырёхметровых картин с портретами его предков, а также моих, правивших данными землями задолго до моего появления говорили о его статусе и показушном почтении к короне и самому имперскому роду. Мужчина крайне лестно отзывался обо мне, моих братьях и «Богородном императоре», желая старой сморщенной оливке на троне долгих сотен лет жизни.

Я же тем временем, точно также как и он при нашей первой встрече, оценивал стражу Тутлюса. Соотношение наших сил примерно один к трём в мою пользу. При этом, физические данные его ребят невозможно было противопоставить моим гвардейцам. Дядя полностью в моих руках и бежать тому было некуда, а значит, следовало приступить ко второй фазе нашего «знакомства». Накрытый стол ломился от обилия разного рода угощений, фрукты, диковинные для меня жаренные животные, десерты, соки, вина. Всем этим можно было как минимум трижды накормить всех моих солдат, и несмотря на это, за длинным столом наблюдалось только четыре стула. Один для меня, второй для мага-целителя, третий для лорда и четвертый для его жены, ожидавшей нас у банкетной залы.

— Принц Карл Людвиг Мидчел Четырнадцатый, для меня честь лично встретиться с вами. — Также как и лорд поцеловав мою перчатку, произнесла женщина в пышном белом платье и с вуалью прикрывающей её глаза и нос.

— Позволить представится, моя молодая жена Жозефина. Она из обычной крестьян и если его величеству будет неудобно делить с нами стол, я прикажу ей немедленно удалиться, — не скрывая желания как можно скорее избавиться от женщины, проговорил лорд.

— Ну что вы, Тутлюс, как может скромный гость прогнать из-за стола хозяйку столь величественного особняка? — Воспользовавшись помощью капитана стражи, любезно пододвинувшего для меня стул, проговорил я, заострив внимание на женщине, что вопросительно глядя на своего «мужа» ждала его слова.

— Я сказал села. — Когда Тутлюс едва заветными кивками головы стал намекать женщине, что той пора, добавив пафоса своему голосу, напомнил хозяевам, что несмотря на их радушие, они здесь являлись личностями подневольными.

— Простите принц... — Пискнула девушка, шлёпнувшись задницей на стул. Забавно, однако в этот момент она испугалась меня куда сильнее, чем «муженька». Кажется, ребята до конца не успели обговорить и скоординировать все свои действия на случай моего визита. Это радовало. Жестом подозвав одного из стражников, велел принести мне моё вино и бокал, привезённый специально, чтобы не сидеть с пустыми руками. Жрать поданные блюда, в надежде, что загнанный мною в угол лорд не попытается отравить меня, я не собирался. Этот гадёныш вполне мог сделать что-то подобное, а после, манипулируя наличием противоядия, взять меня под свой контроль.

— П-принц, вы можете быть уверены, еда в нашем доме не отравлена... — Видя, как на стол рядом с хозяйской посудой стала бутылка вина и золотой кубок, расстегнув пуговку на воротнике, невнятно пробормотал Тутлюс.

— Я уже по горло сыт вашими картинами и рассказами о былых успехах наших предков, лорд Тутлюс. Пусть я и не говорил, зачем прибыл, вы ждали меня и знали о моей спонтанной инспекции, — сделав глоток красного как сама кровь вина, уставился на всё так же гордо державшегося хозяина особняка.

— Ожидать прихода хозяина — долг любого уважающего себя слуги... — произнёс плечистый слуга из-за спины растерявшегося Тутлюса.

— Верно, вот только не помню, кто позволял слугам резать, топить и убивать своих жён, а после кошмаря родовые имения наследных принцев, запускать руку в городскую казну, предназначенную королевскому роду. Одних лишь подозрений в этом вопросе достаточно для казни путём четвертования! — С силой стукнув о стол своей не такой уж и большой ручкой, гордо выпалил я. Лорд побледнел, а его прислужник, стреляя глазами то по своему господину, то по его жене, вновь без позволения взял слово:

— Вы обвиняете помазанного самим вторым принцем лорда в государственной измене, и смеее угрожать ему на пороге его же дома?! — Этот выродок начинал меня бесить.

— Я не угрожаю, — перестав акцентировать внимание на гавкающей собачонке, встал из-за стола и приблизился к замершей в ступоре женщине, — я пытаюсь вывести на чистую воду очередную сволочь, убивающую и грабящую подданных его величества императора от моего имени. Капитан гвардии, если этот дворецкий ещё раз откроет свой рот, убей его. — Кинул я здоровяку за моей спиной и добавил: — а вот это уже была угроза.

Подняв вуаль жены Тутлюса, не скрывая разочарования заметил, что женщина так старательно пыталась

спрятать под головным убором и огромным слоем пудры. Рукой приподняв опущенный подбородок женщины, второй взял со стола салфетку и провёл по молодому лицу. Раз, другой, и казавшаяся морщинкой отметина на прекрасной мордочке стала ужасным и свежим рубцом, проходившим практически по кругу всей женской головы. Такое чувство, что голову её либо сжимали каким-то металлическим ободом, либо чем-то похожим.

— Значит это всё-таки правда... — отпустив голову девушки и кинув на стол салфетку, вновь перевёл взгляд на лорда.

— Ваше вы-вы-высочество, — заикаясь, расстегнул ещё одну пуговку худощавый. — Мы же с вами мужчины и у всех нас есть свои маленькие слабости. Слышал, что вы тоже не ровно дышите к рабыням, пусть и немного постарше вашего. Мы с вами в этом очень похожи! — Обливаясь от волнения потом, проговорил тот.

— Согласен, — ответил я, деловито кивнув, — вот только право отнять жизнь раба имеет каждый гражданин империи, а убить крестьянина принадлежащего короне, это ой какое страшное преступление. Хотя могу допустить, что их убивали не вы. — Остановившись за спиной молодой женщины, проговорил я. Лорд вопросительно взглянув на меня, а после на свою молоденькую жену вновь прищурился, обдумывая, как ему следует выкрутиться.

— Золото у меня предостаточно, женщин при дворе тоже, любая из них готова выполнить любую мою прихоть, и от этого порой становится так скучно... — Мои слова заставили мужчину улыбнуться. В своём извращённом мозгу он уже придумал как насытить ненасытного.

— Я вас понял, господин. Жозефина... — Ничего толком не говоря девушке, произнёс имя жены Тутлюс. Та замялась, глаза ещё несколько минут назад глядевшие на меня как на бога, наполнились разочарованием. Поднявшись, та, осторожно взяв меня за руку, попыталась сдвинуть с места, но уходить я не собирался. — Почему ты ещё ничего не сделала?! — Стукнув двумя кулаками по столу, рывком Лорд и та, рухнув на колени, в спешке стала пытаться отыскать ремень и шнуровку на моих штанах. Девушка рыдала, руки её дрожали, а сам Тутлюс с безумной улыбкой и животным интересом наблюдал, как его бедная жена при доброй сотни солдат пытается найти член и отсосать сыну императора. — Я понимаю ваши интересы, господин, лучше кого-либо другого. Она слишком неумела, да и к тому же на ней так много лишней одежды. Дворецкий, помоги этой нерасторопной суке! — Едва Лорд произнёс это, как его прихвостень своим кинжалом вспорол девушке корсет и схватив его двумя руками, в рывке попытался содрать.

— Довольно! — Злобно выкрикнул я и в ту же секунду вокруг меня, дворецкого, Жозефины и самого Тутлюса, обнажив клинки, возникли гвардейцы. — Градоначальник Лорд Тутлюс, вы обвиняетесь в воровстве, массовых убийствах и измене короне. Отныне, все ваши заслуги перед империей аннулированы, земли и богатства переходят в счёт погашения причинённого вами ущерба, а сами вы приговариваетесь к смертной казни.

— Постой, ваше величество, вы же сами...

— Приговор привести в действие незамедлительно! — Увиденного и услышанного мною сегодня оказалось вполне достаточно. Сразу четыре длинных меча гвардейцев вонзились в ублюдка со всех сторон. Вслед за хрипящим мерзавцем, на тот свет отправился и его верный пёс, связанный с тем меткой, схожей с той, что носил мой придворный Гвиний. Стража самого лорда даже не попыталась того спасти. Сняв пояса с оставшимся в ножнах оружием, они вместе со щитами побросали своё имущество на землю. Сняв с себя свой дорогой пиджак, укрыл плечи застывшей в молебной позе девушки.

Стоило ей лишь взглянуть на труп, как забыв обо всём случившемся, словно замороженная, та поднялась, взяла со своей тарелки столовый нож, а после, плюхнувшись на тело, стало вонзать остриё мёртвому лорду прямо в лицо. Срываясь на истерический смех резала его кожу, пронзала глаза, рот, нос. Её психическое состояние вызывало у меня настоящее опасение.

— Мэдэс, — обратился я к целителю и тот тотчас стал по правую руку от меня. — Сначала вылечи её раны, после попробуй поколдовать с разумом и стереть из него последние события, а потом узнай, чья она дочь и верни обратно домой. — Поглядев на меня, а затем и на заляпавшуюся в кровь девушку, мужчина неуместно улыбнулся и ответил:

— С превеликим удовольствием исполню вашу волю, юный господин.

Переполенного девушками склепа в поместье мы не нашли, а вот за его пределами, в той самой казавшейся маленькой и незначительной часовне, нашлось кое-что гораздо хуже. Если от смерти лорда меня лишь слегка передёрнуло, то увиденное в огромном подвале, скрывавшемся под тайным ходом из молебна, вывернуло всё мною съеденное за обедом и выпитое за ужином. Более двух десятков тел, обезображенных до такой степени, что сам владыка ада мог бы похвалить выблядка лорда за хорошую работу, были подвешены к потолку в одной, большой круглой комнате. Одни из жертв болтались в воздухе прикованные за руки, другие за ноги, а третьи... Кто на пробивших плоть крюках, а кто и вовсе на хреновинах, вставленных в женские гениталии. Ублюдок Тутлюс любил мучить своих жертв, когда на него смотрели другие. Из-за моей ошибки эта мразь умерла слишком лёгкой смерть!

— Двадцать семь... — Пересчитав висевших, вместе со стражей проверил каждую на наличие признаков жизни. Повезло, если так можно сказать, лишь двум, помимо той девушки, которую лорд выдавал за свою жену. Обратившись к магу, сопровождавшему меня во время отсутствия Гвиния, попросил того усыпить бедолаг, а после, как мы снимем их — излечить. Хотя, видя во что их превратил садист, возможно милосерднее было и вовсе их убить. Нет, кровью этих женщин сегодня я не запачкаю свои руки, дам им возможность жить, а уж они сами пускай потом решают как поступить с оставшимся им отведённым временем.

Резиденцию покидал в состоянии «полного ахуя». Такого треша не то, что в жизни, в фильмах ужасов моего мира не видел. Их обезображенные тела, запах, стоны выживших и мерзкий взгляд обезображенного собственной женой лица Лорда, преследовали меня каждый раз, когда я закрывал свои глаза. Образ мертвецов и стойкая вонь их потрошёных, протухших тел ещё дважды воспоминаниями нагоняли меня в карете, заставив желчью и кислотой заблевать красивый коврик и сидение моего личного транспорта. Как эти ебанные школьники попаданцы из новелл умудрялись не только глазеть на тела, но ещё и убивать, — я хуй знает. От одной мысли о трупах внутри всё сжималось, а руки начинало трясти. Сегодня по моему приказу впервые кого-то убили. Причём так легко, что аж самому страшно...

Не желая возвращаться в резиденцию, предчувствуя, что на трезвую точно не усну, велел направить экипаж в город. Нивград находился в часе от места нашего текущего расположения, и его относительно невысокие стены и множественные крыши отлично просматривались с холма, на котором, собственно, и стояла резиденция бывшего градоначальника.

При виде позолоченной кареты и имперского знамени у врат поднялась паника, и уже спустя полчаса забили колокола. Простой люд, торговцы и местное подобие знати, перемешавшись в массу своей, глядели, как по узкой улочке их города проезжает тот, кого здесь отродясь не видели.

«Сам Принц Карл» — шептались люди, хотя оваций и дорог, усланных цветами не наблюдалось. Добравшись до ратуши, в плотном кольце стражи и под чутким присмотром мага-целителя, по дороге помогшего мне прибраться в карете, вышел на встречу с тем стариком, что ещё несколько часов назад, с вилами и факелом в руке, стоял у моего порога.

— Ваше высочество, — без страха глядя в мои глаза, вновь поприветствовал меня дедок. — Полагаю, вы приняли неверную сторону... — рухнув на колени и склонив пред нависшим над тем стражником голову, прошептал тот, а после принялся едва слышно читать молитву.

— Думать — это не твоё... — Махнув рукой и велев принести находившихся без сознания женщин, фыркнул я. Толпа загудела, узнав своих пропавших девушек. Кто-то закричал, кто-то, видя, что у одной отсутствуют обе руки, заплакал.

— Доченька... — подорвавшись с места и трясущимися пальцами проведя по бледному, частично запудренному лицу, проплакал старичок.

— Она жива, и те тоже. Но все остальные, — кинув взглядом на повозку двигавшуюся позади нас, запнулся, наблюдая, как взволнованно женщины обращаются к стражникам, кричат и проговаривают женские имена.

— Сука... Не знал, что говорить это так тяжело, — прикусив губу до крови, почесал затылок, выругался, а после завершил: — Извини папаша, эти трое все кто выжил, тела остальных в повозке, мне жаль... — Пауза затягивалась. Большими, круглыми, наполненными усталостью, болью и тоской глазами глядел на меня этот маленький сгорбленный старичок. Опираясь на свою трость, тот медленно доковылял до повозки, а после, приподняв покрывало, коим мы укрыли тела убитых, взгляделся в каждое из лиц.

— Эти девочки, многие из них выросли в этом городе, кого-то я видел на полях наших деревень, мой господин. Я хочу знать, что произошло с той... — Дед запнулся, и стиснув зубы взревев продолжил, — с той СУКОЙ, что сделало это с нашими малютками?!

— Он мёртв и больше никогда не побеспокоит этот край. — Внутри всё сжималось, подползающие к телеги обеспокоенные старушки, узнавая своих детей, падали на колени и до боли терзая душу, оплакивали своих детей.

Не препятствуя, стража расступилась, позволив родным людям и любимым мужьям забрать истерзанные чудовищем тела. Сегодняшний день наверняка станет днём траура и скорби для местного населения. Проще было бы избавиться от трупов, дать им ложную надежду, сказав, что больше никого не нашёл, но тогда я лишил бы тех последнего, той крохотной возможности хотя бы попрощаться.

— Спасибо, ваше высочество, что вернули наших девочек домой. — Он благодарил меня, серьезно? Да даже вдарь он мне своей клюшкой по чердаку, я бы ему и слова не сказал, а этот старый идиот... Он ведь знал, что именно из-за таких, как я, погибли их девушки и всё равно благодарил. Не найдя в себе сил ответить, кивнул в ответ, и велел направить экипаж в лучшую местную таверну. Я планировал нажраться, напиться, впасть в забытье и в гордом одиночестве, возможно даже посапывая на грязном столе какого-нибудь кабака, встретить новый рассвет. Чтобы потом ещё как минимум пару дней провести в состоянии алкогольного состояния. Ибо по-другому я не знал, как удержать мою едущую крышу на её законном месте.

Глава 8 — Зорфы

Расплющив подзаплывшие от ночного пьянства глаза, вместо сексапильной и голой красотки, коих в моём распоряжении было как минимум двое, обнаружил старого и от чего-то очень весёлого Гвиния, что явно наслаждаясь моим печальным состоянием обрабатывал мою большую голову своей целебной магией.

— Доброе утро. Как ваше самочувствие, юный господин? — Дразня, поинтересовался тот.

— Я прикажу казнить следующего, кто назовёт это утро добрым... — Натянув на голову одеяла, дабы спрятать глаза от яркого, пробивающегося сквозь окна света, вновь попытался отдаться в руки сна.

— Доброе утро господин, вы уже проснулись? — Словно испытывая меня на прочность, поинтересовалась Лили, на что старый хрыч хмыкнул и спросил, исполнить ли моё предыдущее пожелание.

— Ах ты старая оливка, — понимая, что тот дразнит меня, простонал я и добавил: — забудь...

— Как пожелаете, — нахально сдёрнул с моего лица одеяло советник, а после не спрашивая, чего я хочу, приказал Лили и паре местных слуг привести «это» — именно так он меня назвал.

Подхватив меня под руки, слуги, не обращая внимание на моё зудение и негодование, закинули в чан с прохладной водой, а после принялись шаровать и драить всё, до чего дотягивались их очень длинные руки. Несколько раз блондинка Лили попыталась привести моё мужское достоинство в боевой порядок, лаская того руками. Девушка хотела реабилитироваться в моих глазах, но, увы. Единственное, на что я сейчас был способен, так это бранную ругань, ворчание и принятие своего невольного положения.

— Старый хрен, ты случаем не забыл кто твой господин? — Трясаясь от холода под быстрые движение обтирающих меня слуг, спросил я.

— Перед тем, как решите меня наказать, разберитесь с тем бардаком, оставшимся после ваших вчерашних действий, или вы думали, что убийство градоначальника осталось без последствий? На его пост вы же никого не назначили, а значит, пока подберёте нужного кандидата, вы обязаны позаботиться об ваших людях. Неужели вы забыли вчерашнее? Сейчас они как никогда ранее в вас нуждаются. — Не оценив выбор слуг, касающийся моего яркого костюма, велел тем принести более тёмный, под цвет траурных настроений царивших в городе.

— Забудешь их, — выругавшись, отозвался я, напяливая брюки. — Слушай, Гвиний, может займёшь эту должность на первое время? Мужик ты толковый...

— Нет, нет и ещё раз нет. Вы заварили эту кашу и вам её расхлёбывать... — Сразу открестился тот, поправив чёрную бабочку на моей шее.

Металлической болванкой, гоняемой по судну в десятибалльный шторм, меня, поставленного на ноги и придерживаемого как по бокам, так и со спины, спешно вели к ожидавшей у ворот карете. Ещё вчера планировавший пить как минимум три дня, старый «я» умер после четвёртой кружки местного трактирного пойла, отдававшего бражностью и хлебом. По факту, чем-то напоминающий квас напиток на вкус оказался лучше любого местного вина, а компания из бледного от страха трактирщика, и такой же его молодой дочери, никогда не думавшей, что в их захолустье пожалует сын императора, и вовсе расслабляюще подействовало на мой разум. Девчонка вместе с папаней как в жопу ужаленная носилась по своей харчевне, то и дело что-то разбивая, роняя и извиняясь. Наблюдение за их фейлами сильно веселило, особенно когда те косячили в непосредственной близости от меня, тем самым выводя из себя и без того вспыльчивую стражу. Именно эта комичная ситуация, а так же снисходительные беседы с владельцами заведения и стражей, помогли забыть обо всём произошедшем вчера.

Мэрия встретила меня своими серыми и крайне скептическими взглядами. Местные трудяги частенько имели дело со всевозможным аристократическим помётом, тянувшимся в это место для получения лицензии на торговлю, оттого и лишних эмоций при виде меня они не испытывали. Даже больше: скорее всего они презирали меня, не считая достойной заменой тому же «образованному» Тутлюсу, чьё тело сейчас, разорванное на куски, висело над воротами города. Но недоверие их ко мне, а моё к ним — являлось чем-то взаимным. Уверен, местные знали о проделках своего градоначальника, и том, что ублюдок запустил руку в мой карман. А значит, среди них могли находиться и его подельники, подкармливавшиеся за счёт подачек. Возможно, кто-то даже подумает отомстить, хотя это уж совсем из ряда фантастики, ибо связаться с одним из наследников «самого императора» чистое безумие.

Игнорируя всех местных, первым делом отправился в кабинет бывшего градоначальника. Просторная комната с множеством сквозных стеллажей для книг и отчётов покрылась добрым слоем пыли. В моём «новом офисе» заметил удобный деревянный стол, пару мягких кресел, два больших окна и даже самый, мать вашу, настоящий сейф. В средневековье, мать его, сейф! Помассировав виски, первым делом оглядел эту странную металлическую штуку, но по просьбе следовавшего за мной Гвиния трогать не стал. Опасаясь ловушек оставленных прошлым хозяином, тот чутка поколдовал, лично открыв мне странную штуку. Первое, что меня слегка смутило и удивило, так это наличие весьма круглой суммы и кое-какого следа, не заметить который было ой как не просто. Среди

покрывшихся плотным слоем пыли мешочков с золотом заметил полукруглое пятно. Здесь что-то стояло и исчезло отсюда не так уж и давно. Вместе с магом прошлись по кабинету, оглядывая давно не использовавшееся по назначению помещение. Такие же следы остались на стеллажах с отчётами о сборе налогов с горожан и близлежащих деревень.

— Кажется местные работники постарались и удалили всю документацию, свидетельствующую о их причастности к махинациям с налогами и сборами, — подтверждая мои догадки, констатировал Гвиний. — Прикажете найти и наказать виновных?

— Пусть живут, — коротко отозвался я. — Пока у меня нет альтернативных кандидатов на каждый из занимаемых постов, придётся довольствоваться тем, что имеем. — Проговорив это, взглядом наткнулся на интересную книгу с непонятным для меня термином. Чем-то напоминая такой же финансовый справочник, книжка хранила в себе данные об неких других тратах, но не драг металлов, а неких Зорфов.

— Советник, кто или что такое Зорф? — Мага удивило моё незнание.

Оказалось, Зорфами в этих краях называли звероловцев, доставлявших сюда в больших количествах для работ в полях, лесопилках и в первую очередь на рудниках. Положительный приход — это закупка и число новоприбывших, отрицательная смертность и траты на их еду. Цифры под подведённой чертой — общая сумма, зарабатываемая городом с вычетом всех трат. В конечном счёте, на моём руднике работало более тысячи рабов, ежедневно теряя при этом от семи до двенадцати Зорфов, гибнущих от болезней, завалов, недоедания и нагрузок. Именно посещение этого места, приносившего мне основной доход и являлось моей первостепенной задачей. Наладив условия труда рабов и убедившись, что тех хорошо кормят и дают возможность отдохнуть, я планировал установить двухсменную систему добычи, ведь в шахтах, что днём, что ночью без факела все равно ничего не видно, а так, пока одни спали, другие работали, трудовень не прекращалась, да и рабы имели возможность отдохнуть чуточку больше. Мне требовалось направиться туда для налаживания рабочего процесса, и уж точно не из-за того, что я хотел поглядеть на полуголых зверодевушек-рабынь с большими сиськами и мохнатыми ушками!

Сказав, что не могу работать в таком «свинарнике», и что здесь требуется провести уборку, заметил, как большинство местных после этих моих слов с облегчением выдохнули. В мэрии были свои правила, порядки, коим местные трудяги старались следовать. Предположив, что я не заметил на скорую руку вынесенных из офиса градоначальника бумаг, старики снисходительно пообещали, что к следующему моему визиту всё будет прибрано. Что «прибирать» там собираются не только пыль, я хорошо понимал, поэтому попросил мага оставить пару заклятий, благодаря которым нам в дальнейшем удастся выяснить, кто именно шароёбился по кабинету в моё отсутствие.

Оценив по-своему наше тактическое отступление, не заподозривший подвоха Гвиний с радостью согласился и позволил нам покинуть не сулившее чего-либо хорошего место. Старик думал, что сейчас я в первую очередь озадачен поисками мерзавцев, обворовывавших меня годами, и отчасти он был прав, но только отчасти. Голова моя по-прежнему раскалывалась. Уделив чтению и счетам всего полчаса, я едва с ума не сошёл от головокружений, да и к тому же появившиеся сведения о возможных звероловках, обитающих на руднике, подняли по боевой готовности Карла младшего. Хотя я и не думал, что после увиденного мною ранее, в ближайшее время у меня появятся подобные желания.

До лагеря разместившегося у рудника добирались мы долго. Дорога, разбитая постоянно двигающимися в сторону города телегами, превратила мою вечно подпрыгивающую на мягком сидении задницу в отбивную. Пару раз в окне видел, как вместо тяговых быков в телеги были запряжены по шесть-восемь рабов мужчин, с разного рода чётко выраженными звериными отличиями. Казалось бы — имея такие финансы, почему не приобрести скотину, что куда эффективнее в упряжке, — но это только казалось. Раб стоил очень дёшево, мог выполнять множество разных функций, а животное не могло, да и к тому же тот же бык стоил сразу как двадцать рабов. К чему лишние траты? Вот она логика моего советника и всего этого мира.

Сам лагерь из себя представлял несколько двухэтажных каменных зданий, возведённых для местной стражи и администрации, пару прикрытых дырявой крышей длинных столов, способных вместить в себя добрые сотен пять человек; нескольких печей, у которых весело что-то обсуждая кашеварили всё те же стражники, по-видимому выступавшие сегодня в роли поваров; также пары длинных, ветхих сараев, накрытых соломой вместо крыши. Именно последние выполняли роль пристанища для тысячи трудяг, хотя я и понятия не имел, как в подобном месте может разместиться целая армия работяг.

Нервная стража, мельтеша под копытами моей охраны, поспешила направить нашу делегацию напрямик к зданию администрации, но я, отдавший команду остановиться, решил сначала оглядеться и своими глазами увидеть то, о чем в последующем мне могут не сказать. Первым делом кухня: не секрет, что именно это место сердце любого лагеря, ведь если человека плохо кормить, он будет плохо работать, а следовательно и пользы приносить меньше.

— Ваше высочество! — Рухнув в песок, не смея поднять головы, льстивыми речами стали приветствовать меня кашевары, держащие при себе холодное оружие вместо того же черпака или половника.

— Подайте тарелку того, чем вы кормите рабов, — отдал я приказ и перед моим носом, на закаревшем от грязи столе, появилась деревянная посуда со странной, прозрачной жидкостью, даже отдалённо не напоминавшей какой-либо бульон. Ни тарелки, ни вилки, лишь вода, половинка не чищенной луковицы и такой же картофелины, брошенной в чан прямо со шкуркой. Тысяча человек питалась вот этим? От вида такого обеда мне стало слегка не по себе. Оглядевшись, заметил у всё тех же поваров всего четыре таких бады, накормить которыми от силы можно ну сотен шесть-семь. — Хлеб рабам даёте?

— Хлеб? Зорфам? — Непонимающе переспросил солдат, а после от чего-то радостно вскрикнул. — Конечно же нет, ваше высочество! Кормить зверей достоянием человеческого общества великая трата!

— Понятно... — Поначалу ожидавший увидеть какую-нибудь кашу и попробовать её, я разочарованно встал из-за стола, решив двигаться дальше к баракам. Винить этих недоповоров было бессмысленно. Они никто, и звать их никак. Если я хотел изменить это место, то предстояло в первую очередь начать с верхов, провести проверку, устранить финансовые утечки на сторону. Если нужно, то дать больше денег для обеспечения шахтёров, и только потом уже браться за пешек вроде местной охраны и их обращения к тем, с чьими жизнями в этом мире не привыкли считаться.

Когда до сарая, именуемого «бараком», оставалось всего пару метров, услышал странные, и весьма характерные для одного занятия звуки, а вслед за ними мужские и женские стоны. Ворота здания были распахнуты настежь, один из охранников, сопровождавших нас на экскурсии, было дело дёрнулся вперёд, желая, по-видимому, предупредить «увлёкшихся» товарищей, но моя всё понимающая гвардия быстро остановила торопыгу.

Молодая и очень худошавая девушка с короткой стрижкой и большими, обвисшими собачьими ушками,

лежала на одном из солдат, приватизировавшем Зорфовскую вагину. Её рот занимал толстый мужицкий член, свой левой и правой та наяривала ещё два ствола, покуда сзади, судя по всему, с чёрного входа её долбил четвертый охранник. Хлыстая ту по заднице, до крови прикусывая соски и закрывая пальцами нос, толпа из десяти мужиков, кончая, сменяла друг друга. Казавшаяся едва живой девчушка даже и не пыталась как-то сопротивляться, когда одна из её дырок освобождалась, и тотчас занималась кем-то другим.

— Что здесь происходит?! — Рывкнул один из подбегавших к нам стражников, как видно прибывавший в более высоком чину, чем те, что развлекались в бараке. Разгорячённые парни, увлечённые своим делом так бы и не заметили пляшущую на их толпу, не появившись этот крикливый дядя. Всего несколько секунд и десяток бойцов, натянув портки, уже стояли построеными, лишь изредка, косо поглядывая на кашляющую у их ног, залитую спермой, голую зверолодку, даже не попытавшуюся подняться. — Я спрашиваю, что здесь происходит, сукины дети?! Молчание затягивалось. Растволкав свою стражу, я подошёл к вышедшему вперёд местному охраннику. При виде меня тот рухнул на колени, вслед за ним, наконец-то осознав, кто перед ними, пали ниц и его подчинённые.

— Кажется, ваш командир задал вопрос? — Данная картина меня слегка разозлила. Если эти парни таким образом решили развлечься, доведя мою собственность до предсмертного состояния, мне следовало наказать их. Не слишком жёстко, ведь казнив их я терял сразу десятерых работников и уважение в лице привыкших жить в таких обычаях людей, но и не слишком мягко, так как постоянных траты на поиск новых рабов и рабынь это так же не есть хорошо. Если это изнасилование, один из них точно поплатится своей жизнью, но если нет, придётся думать о другом способе наказания.

— Командир, мы просто предложили этой Зорфу заработать лишний кусок хлеба для себя и своих братьев. Её никто не принуждал, и более того, она сама нас об этом попросила, — не поднимая головы проговорил мужчина с краю.

— Я принц Карл Людвиг Митчел Четырнадцатый. Зорфу, не боясь последствий и тех, кто за твоей спиной, ответь мне честно, без утайки — это так? Ты сама предложила своё тело этим мужчинам? — Шагнув вперёд, спросил я у вставшей на четвереньки зверолодки, что лишь взглянув на меня в страхе затряслась, а после кивнула. Кажется, в не зависимости от того, что с ней сейчас произошло, меня она боялась куда сильнее, чем людей за её спиной. — Я тебя не слышу! — Сделав шаг вперёд, желая получить чёткий ответ прикрикнул я, и та, схватившись руками за голову, пискнула: — «Да, это я попросила их трахнуть меня, прошу, о великий принц, пощадите моих близких. Я всего лишь Зорфу, я не из Зифоф, прошу, прошу!»

Зифы? Это племя какое-то или что? Непонимающе взглянул на поморщившегося Гвиния Мэдса. Он что-то знал и при виде моего вопросительного взгляда пояснил:

— Кажется, ранение повредило вашу память. Зифы, это племя звероволков, переданное после поражения и пленения в полях Патиллы первым принцем в ваше распоряжение. Когда их принцесса отказалась выполнять ваши законные требования, вы лично отдали приказ вздёрнуть каждого зверолода из клана Зифы, а после подвесить у тракта в назидания другим покорённым народом. Пленённых зифовцев оказалось так много, что аллея из их подвешенных тел беря начало возле Нивграда оканчивалась аж возле самой столицы.

«Пиздец... Теперь я понимаю, почему тот работоровец с таким с страхом говорил со мной о зверолодах».

— Где её награда? — Спросил я и к рукам девушки тотчас от всех стражников полетели куски хлеба, что та, бережно собрав в кучку, обернула в кусок ткани, бывшей до этого, скорее всего, набедренной повязкой. «Спасибо-спасибо»... — Всё же сумев подняться и встав на ноги, повторяла она, не смея поворачиваться ко мне спиной. С всё так же опущенной головой она стала пятиться к воротам.

— Стой, — когда та поравнялась со мной, окликнул я зверолодку, отчего из её рук выпала повязка, а сам хлеб полетел в песок.

— Прошу, простите меня, я всего лишь хотела накормить свою семью... — Обречённым голосом и проступившими на лице слезами, прошептала девушка.

Зверушку трясло, даже когда её посменно насаживало десяток солдат. Она выглядела куда лучше, чем сейчас, стоя на коленях и сложив предо мной в молельной позе свои тонкие костлявые ручонки. Плоская грудь, ниже которой чётко виднелись рёбра и таз обтянутый кожей не могли меня возбудить. Худое, разбитое и измазанное мужским семенем лицо с чётко виднеющимися от голода впадинами на щеках вызывало скорее отвращение, чем сострадание. Мне не хотелось на неё даже смотреть, но и отпустить ту просто так мне совесть не позволяла. Да-да, именно эта ебаная совесть, о наличии которой у себя я даже и не подозревал.

— Сколько женщин на руднике и какие задачи они здесь выполняют? — Спросил я у зверолюдки, но та настолько была испуганна, что за своими постоянно повторяющимися молитвами так мне и не ответила, после чего я продублировал этот вопрос, но только уже командиру.

— Около полусотни, их берут только когда мужчины рабы на соседних аукционах заканчиваются, а норму без людей не выполнишь. Вот и берут тех, кто помоложе да покрепче в шахту, а там ебашат, как и все, ваше благородие... — Не выбирая слов, проговорил стражник, за что в конечном итоге и получил мощной, стальной перчаткой моего капитана по своей чумазой морде.

— Забыл с кем говоришь, смерд?! — Злобно рыкнул гвардеец, отчего даже бедная Зорфу забыла как молиться. С разбитым от одного удара носом и губой, охранник, что как минимум на полторы головы был ниже любого из моих стражников, рухнул на колени и принялся извиняться.

— И многие из них попутно своим телом приторговывают? — Дождавшись, когда мужик слегка придёт в себя, спросил я, получив в ответ чёткое и ясное «все». Непорочные или желающих умереть побыстрее в таких местах, как это, быстро заканчивались. Спасая себя, своих любимых или близких, с коими им и довелось попасть в рабство, женщины шли на любые уступки и ухищрения ради выживания. Спасти всех их, сделав своими служанками и прислугой я не мог. Такой глупый и нелогичный ход не изменил бы естественного для этого мира положения дел. Ведь если исчезнут эти, им на смену приведут других. Запрети я использование женщин в своей шахте, те, которые могли попасть ко мне, отправятся к другим хозяевам, отношение которых к своему работнику может оказаться ещё более ужасным. Требовалось найти применение на шахте женскому труду, снизить до минимума их число в добыче, перенаправив человеческий ресурс на другие нужды. Но какие? Об этом я решил подумать, когда встречу с ответственным за добычу. А пока...

— Псину в цепи, чтобы не сделала чего с собой и к моей повозке, хочу поговорить с ней в особняке. Этих десятерых наказать, «хлеб» не еда для Зорфу, кажется, так говорил один из поваров? — Обратился я к Гвинию и тот кивнул. В отличии от меня, советник вообще не испытывал какого-либо сострадания к рабыни, и даже напротив, моё желание забрать в город вызвало отвращение на его лице. Хотя на деле противиться моей воле он не стал. Напуганная своими знаниями обо мне, рабыня кричала и пальцами цепляясь за землю истошно молила о прощении. Либо я слишком дерзко отдал приказ, либо мы просто друг друга не поняли, но на разбирательство во всем этом, тем более при посторонних, у меня не было ни желания, ни времени. На прощание ещё разок окинув барак своим презрительным взглядом, двинулся к зданию администрации.

Вот в нём-то худых или стройных личностей как раз таки и не оказалось. Коротконогий лысый хряк, с запозданием встретивший меня в дверях первого этажа, низко поклонился. С испуганным лицом поприветствовал меня, а после, вытащив из своего токсично жёлтого фрака платок и отерев свою взмокшую лысину, предложил за чашечкой чая рассказать о целях моего визита. Именно с ним и его такой же «упитанной свитой», расположившейся по всем этажам здания, мне и предстояло проделать главную работу. Голд Нолберт, вместе со своим сыном и женой, больше двух десятков лет верой и правдой служили империи, отвечая за добычу в этой шахте. Лысый отец и его начинающий лысеть сынок, с радостью отчитывались о своих достижениях и растущих из года в год показателях добычи. Мужчины действительно являлись хорошо осведомлёнными в шахтёрских делах личностями, а вот их жена у меня вызывала немалое беспокойство. Упрекая своих мужчин, эта толстая карга, окружённая четырьмя весьма статными и разодетыми мужчинами Зорфами, постоянно говорила о слишком малых объемах золота, выделяемых на нужды шахты, при этом даже не пытаясь скрыть свои золотые перстни, коих на каждом из её толстых пальцев наблюдалось по две, а где и три штуки. Уверен, эта кикимора при своём то муже ни в чем не нуждалась, да и поёбывали её эти кабели из свиты весьма недурно. Вот только было в ней что-то такое, от чего мне хотелось избавиться. Только что — хрен её знает.

Первым делом подняв тему еды, узнал, что с продуктами проблем нет, всё покупается в точности с нормами, согласованными с градоначальником ранее. Другой вопрос: как, когда и в каком состоянии эти продукты прибывали? Так основной проблемой стала дорога, из-за которой телеги с припасами, идущими напрямик из Нивграда, нередко застревали в грязи и опаздывали к ужину. Также сами продукты, когда Голд приезжал в город, на прилавках рынков он видел одно, но по факту приезжало совершенно другое, отчего и приходилось часть

продуктов прямо на месте выбрасывать, иначе из-за отравления работа могла стать на всём руднике. Скорее всего Тутлюс, сговорившись с кем-то из местных, спихивал сюда испорченные продукты своих городских друзей торговцев по хорошей цене, тем самым позволяя торгашам и себе немного подзаработать. Сам же Нолберт Голд казался мне весьма порядочным человеком, хоть и с внешнего вида так о нем не скажешь. В этом вопросе мной было предложено введение второго приёма пищи и увеличения процентной ставки выделяемой от общей выручки на дополнительную покупку продуктов. Теперь, если от торговцев Нолберту прибудет некачественный товар, он обязывался уведомить об этом городской совет, который в свою очередь должен был по всей строгости, плетью или золотом наказать недобросовестного поставщика. Мою просьбу о работе в две смены, как ночью так и днём, Голд так же воспринял с интересом, пообещав, что как только нормализуются поставки, попробовать разделить коллектив и ответственность за участки добычи между разными группами рабочих.

Следующей темой для наших с ним разглагольствований стали женщины на руднике. Вновь мы с Голдом достаточно быстро нашли между собой взаимопонимание. «Не бабское» это дело — говорил пухляц, но из-за установленных норм, огромной смертности и отсутствия иных работников, по требованию всё того же Тутлюса, для которого деньги всегда являлись приоритетом, Нолберт послушно продолжал покупать рабынь, чья смертность в его шахтах на семьдесят процентов превосходила смертность среди мужчин. Использовать слабый пол решили для всё того же улучшения качества снабжения шахт. Голд от счастья аж на стуле подпрыгнул, когда я разрешил тому использовать побочно добываемый в шахтах камень для создания и улучшения дороги шедшей к моему руднику. В итоге, у нас получалось следующее: мужчины в шахтах кирками машут и породу грузят, а женщины роют и кладут дорогу. Плюсом я взял с пухляца слово, что отныне за готовку для рабов в лагере станут отвечать рабыни. Это не сильно снижало напряжённость женского труда, но во всяком случае теперь смерть под завалами им не грозила.

Когда вопрос с рабынями закрылся, на улице уже вечерело. Сделать предстояло крайне много. На эту шахту я возлагал большие надежды, и лес, окружавший её, так же должен был сослужить хорошую службу в создании целого шахтёрского городка. Уже сейчас на фоне этих сараев я видел: лесопилки, домики плотников и кожевников, а также множественные фермы, что займутся выращиванием кур, гусей и уток, чья выгода при содержании множество раз отмечалась по ТВ передачам моего мира. Много раз, будучи затворником, я, натываясь в интернете на очередного «удачливого» фермера сколотившего свой первый миллион на чьи-то яйца, представлял себя на его месте; засыпая по ночам считал и тратил не заработанные деньги...

Благо, среди всех этих мечтаний мне запомнилось пара разного рода крестьянских фишек, благодаря которым я уже в реальности планировал заработать свой первый миллион, правда не зелёных и хрустящих, а серебряных и медных.

Разговоры с Голдом, а так же запланированная перестройка, напомнил один, мною очень любимый жанр игр. «Стратегия», именно они всегда казалась мне чем-то более возвышенным. Ни один шутер не заставит тебя обдумывать так долго покупку или продажу того или иного предмета. Не одна из клишированных ММО, не даст такой свободы действий, и не позволит создать такой мир, который лишь ты видишь у себя в голове. Как на мой взгляд, именно стратегия являлась самым главным сокровищем игровой индустрии моего мира, хотя от эро и порно игр я тоже не отказывался...

Жаль только, что в этой моей новой игре не было кнопки «сохраниться», и каждое моё решение могло стоить кому-то жизни. Так, к примеру, было с Тутлюсом, и я уверен, так непременно будет со множеством других людей, считающих себя в этом мире умнее и хитрее остальных. К сожалению, я хорошо понимал, что являюсь не лучшим правителем, что мог свалиться на голову моего народа. Не гениальный мастер меча, что генерируя чакру из задницы мог призвать дождь в пустыни. Не великий целитель, что отрыжкой мог вылечить от неизлечимого проклятья целый город. Не даже инженер или техник, способный из одного лишь своего воображения вытянуть чертежи водной или воздушной мельницы, способной облегчить местным жизнь. Я обычный задрот, при том ещё, до попадания сюда остававшийся девственником, и всё что я умею, так это кидать пафосные фразочки и говорить другим, что и в какой форме я хочу увидеть. Я не герой и это сто процентов, однако, по сравнению с прошлым принцем Карлом, вздёрнувшим несколько тысяч рабов лишь для потехи ради, злодеем себя назвать тоже не могу. Тогда кто? Нейтрал или же второстепенный персонаж, судьбой которого является прожить жизнь в тушке одного из влиятельнейших людей страны? Последний вариант мне понравился больше всего.

Опустившаяся на город ночь, с показавшимися на небе луной и звёздами очаровала меня. Лёгким касанием невидимой руки властительницы всех ветров, растрепало волосы. Впервые с момента, когда меня в последний раз отшили, мне захотелось с кем-нибудь прогуляться, обсудить все сегодня случившееся, спросить совета или же просто по-идиотски пошутить и посмеяться. Вот только таких людей в этом, как и в том мире у меня не было. Тогда я был неудачником и трусом, до которого большинству не было дела, а сейчас являюсь великим и непостижимым принцем, маска идиота которому уж точно не к лицу.

Под присмотром вечно молчаливого Гвиния и десятка гвардейцев, постоянно гремевших своей бронёй, пешком нарезал два круга вдоль сада, окружавшего мою резиденцию. Перекинувшись парой слов с капитаном гвардейцев, узнал как звали моего самого главного вышибалу, имя которому Магнус. Терзаясь между желанием выпить и немного поработать во благо города, отдал предпочтение второму, и попросил своего советника принести в мою комнату пару бумаг с отчётами, прошениями, предложениями и прочей херней, требовавшей моего личного внимания.

Десятки магических светильников ярко пылали в моей комнате. На столе, как и просил, разместилась целая кипа бумаг. Старый хер как всегда не стал мелочиться и по ходу притарабанил всё, что только мы взяли с собой из мэрии. Однако, помимо рабочих бумаг, на столе так же разместилась тарелка с овощами, фруктами, вяленным мясом в каком-то соусе и конечно же бутылочкой вина. Что же, так работать будет куда веселее!

Стакан за стаканом, страница за страницей; заметить не успел, как треть прочитанных и подписанных мною бумаг легла в сторонку. К делу я подошёл с огромной осторожностью, всё непонятное и вызывавшее сомнение шло на дальний край стола, разбираться с такими проблемами лучше на трезвую и с советником, ну а остальное, менее важное, для экономии места клал в пустующие ячейки моего стола. Увлёкшись одним прошением о разрешении конфликтной ситуации возникшей между двумя мелкими дворянами, случайно зацепил рукавом свой кубок, что, со звоном рухнув, покотился к центру комнаты. Едва оторвав задницу от кресла, заметил, как едва слышно отворилась дверь, после чего в мои покои с ещё одной бутылкой в руках, вошли Лили и Бьянка. Их чёрные наряды с белыми передниками и рукавами, в лёгком свете падавшего на тех лунного и магического света казались крайне скромными, я бы даже сказал, девственно нетронутыми.

— Ваше высочество, — отвесив полупоклон и присев, проговорила Бьянка. — Уважаемый Гвиний Мэдэс от всего сердца благодарит вас за труды и просит сильно не перетруждаться. Так же, это вино его подарок вам...

«Вот же оливка сутулая, обычно ему ничто не мешало самому прийти, а тут...» — С опозданием, но до меня наконец-то дошло, зачем он прислал ко мне двух этих горничных. Судя по грустному лицу Лили, она уже смирилась со своим наказанием, смугляшка же напротив, светилась от счастья. Кажется, девушки всё уже между собой обсудили, и блондинка, уступив главенствование над званием любимой горничной, позволила Бьянке первой пойти со мной на контакт.

— Вот как, я рад, что смог оправдать его ожидания. — Вернувшись и сев за свой стол, взглядом зацепился за одежду кареглазой. Подняв мой укатившийся кубок, она передала его Лили, а сама же, взяв с стоявшего рядом шкафа новый, принесла и поставила тот передо мной и наполнила.

— Благодарю, Бьянка, — проговорил я, от чего назагорелом личике девушки проступил едва заметный румянец. — Что-то не так? — остановившись глазами на её полностью скрытой под одеждой пышной груди, спросил я.

— Вы запомнили моё имя. Раньше не один аристократ не удосуживался запоминать имя рабыни... — Видя куда я пялюсь, но не решаясь начать действовать, проговорила девушка. Все в этой комнате понимали, чем должен закончиться визит служанок, вот только я слишком трезвый и уставший, да и смелости у меня чутка сегодня не хватает...

Откинувшись в кресле, как бы намекая, опустил свой взгляд на мои слегка приподнявшиеся брюки, а после, вновь уставившись на грудь служанки, слегка жестоко спросил:

— Дерзко сравнивать принца, пусть и четырнадцатого в списке на престол империи с какими-то другими дворянами, или, быть может, тебя удосужил посетить один из моих старших братьев? — испугавшись, Бьянка мигом поспешила оправдаться, растеряв весь свой эротический настрой. Исправить сложившееся положение поспешила вышедшая к нам и молчавшая всё это время Лили.

— Прошу простить нас за дерзость, добрый господин, — положив Бьянке на голову ладонь и склонив в поклоне, чётко произнесла та и вместе с подругой поклонилась. Большая грудь темноволосой под собственным весом качнулась, словно гипнотизирующий маятник. Глядевшая на мою реакцию из-под лба блондинка выпрямилась, всё так же продолжая держать свою соратницу наклонённой. — Бьянка ещё не опытная и много чего не знает, ваше сиятельство. — С этими словами, свободная рука Лили развязала на смуглянке фартук, затем, всё так же держа ту рукой за голову, расстегнула поочерёдно все пуговицы скрывавшие смуглую грудь.

— Проси прощение у нашего господина, — требовательно проговорила Лили, вытаскивая наружу пышную грудь рабыни.

— Мне очень жаль... — Искренне, всё так же стоя раком, отозвалась та.

— Ты готова своим телом искупить вину? — прошептав эти слова, Лили рывком заставила Бьянку выпрямиться, от чего и без того шикарная грудь, подпрыгнув, своими большими, коричневыми сосками упёрлась в скопившуюся под рёбрами служанки одежду, тем самым визуальное став ещё больше.

— Прошу, позвольте мне искупить свою вину телом... — Смущённо глядя в мою сторону, проговорила кареглазая. Внутри меня разгоралось пламя. Эта хитрая Лили слишком хорошо узнала меня за последние дни. Она знала, что я люблю, когда та начинает приставать ко мне, когда сама требует от меня внимания и ласки. Именно это её знание одновременно возбуждало меня и злило.

— Лили, не помню, чтобы разрешал тебе говорить... Кажется, помимо Бьянки, сегодня наказание придётся понести и ещё кое-кому, к тому же, я не забыл, как не так давно ты ослушалась моего приказа и даже осмелилась проявить свою волю.

Моя реплика не на шутку перепугала Бьянку, ещё до конца не успевшую понять, что сейчас здесь происходит.

— Прошу простить меня за такую дерзость, в тот раз, там, внизу, я была так грязна, что не могла предстать перед его величеством в столь непотребном виде, — лёгким движением руки блондинка расшнуровала все, по видимому, заранее подготовленные элементы своего наряда. Прошло меньше полу минуты и громоздкий костюм рухнул, предъявив полностью нагое тело. — Из того случая ваша покорная рабыня извлекла горький урок, и теперь каждый сантиметр её тела всегда будет готов принять любовь её повелителя.

Пока Бьянка возилась со своим нарядом, никак не желавшим слазить с её красивых бёдер, Лили, встав на четвереньки проползла под стол, и медленно, словно дожидаясь, когда её подруга наконец-то разберётся со своим костюмом, принялась пальцами ласкать меня через одежду. Сначала её руки лишь плавно бродили от ремня до ширинки, державшейся на трёх близко посаженных друг к другу пуговицах, но по видимому посчитав, что такое моё одеяние может стать проблемой для её соратницы копуши, перешла к высвобождению моего верного друга из тканевой темницы.

Каждый раз, когда её взгляд встречался с моим и без ласок готовым к делу членом, блондинка как-то по глумливому радовалась. Ей доставляло удовольствие наблюдать, как удовлетворённый одним лишь её видом я, принц целой империи, вынуждено, словно слуга собственной рабыни, жду от неё первого шага. Не торопясь, но и не задерживаясь больше нужного, дразня меня снизу своим дыханием, лёгкими касаниями пальцев или языка, она всё сильнее пробуждала во мне желания, растягивая по максимуму время сладостного соития.

Ожидая подхода Бьянки, так желаемой мною последние несколько дней, блондинка решила зайти издалека. Сначала её тоненькие пальчики прошлись вдоль ствола, словно намекая, что вот-вот схватятся за него со всей силой, но после, обманным движением руки девушки ушли чуть ниже, слегка растягивая прятанную мной камушную плоть. Массируя сначала один, после и оба, Лили, решив подключить свой ротик, язычком прошлась по головке, стволу, а после и моим вываленным на всеобщее обозрение яйцам.

Так мягко всосав их в свой ротик она, случайно задев пальцем член, едва не заставила меня кончить.

— Господин... — Внезапно появившиеся у моего колена смуглые руки бесцеремонно обхватывают верхушку. Едва взглянув на это растерянное, смуглое лицо, глядящее на меня снизу, стиснув зубы пытаюсь сдержаться, но проигрываю схватку с мужским началом и тут же выплёскиваю всё накопившееся Бьянке прямо на лицо. Сладостное чувство длилось не долго: растерянно захлопавшая глазами рабыня, с вопросом «мол всё?» глядит на скалящуюся Лили, прекрасно понимающую, что мы только начали.

— Бьянка, я хочу, чтобы ты надела фартук. — Мои слова ещё сильнее удивили девушку, взглянув на подругу та кивнула, а после, прикрывая рукой собственную грудь, словно стесняясь, потянулось за платьем. — Лишь фартук. — Обрезал я. Девушка вновь задумалась, а после, убрав руки от своей груди, что колыхнувшись вновь повисла на подтянутом животике, принялась завязывать за спиной белую ленту. Огромные буфера прижались к узкой полоске белой ткани, из-под которой так маняще на меня глядели большие круги её коричневых сосков. Этот фартук не мог скрыть в себе всю красоту её тела, внутри меня, практически без помощи Лили, всё вновь стало просыхаться. — Повернись, — отдал я приказ, и девушка послушно повернулась ко мне своим спелым задом. — Теперь повернись ко мне лицом и подпрыгни. — Вновь беспрекословное выполнение. Ножки отрываются от земли, попка Бьянки под действием гравитации соблазнительно задрожала, а одна из двух больших грудей, не сумев удержаться под прикрытием тоненькой полоски ткани, вывалившись наружу, продемонстрировала всю себя.

Жестом подзываю ту к себе, и та, быстро перебирая ножками подбегает, вслед за чем тянется к переднику, желая спрятать вывалившуюся грудь.

— Оставь... — Требовательно проговариваю я, опуская взгляд на разочарованно надувшуюся и глядящую на меня из-под стола Лили. С ней то у меня ещё никогда так быстро после первого раза не поднимался. Поправив волосы, блондинка, осторожно взяв подругу за руку, тянет к себе, и кареглазая, послушно опускаясь на колени, головой повисает над моим пахом. Губы Лили вновь тянутся к моим камушкам. Видя свободное место для своих манёвров темноволосая сразу же губами пытается полностью заглотить мой член, за что блондинка с силой прихватывает ту пальцами за большой и красивый сосок.

Сложив губы трубочкой от неожиданности та аж пискнула, а после, освободив свой рот, с обидой спросила: За что?!

— Посмотри на господина, разве похоже что он куда-то торопится? — в очередной раз пройдясь языком по складке кожи, соблазнительно прошептала голубоглазая и Бьянка, взглянув на меня так же тихонько извинилась. — Господин никогда не скажет тебе, что ему не понравилось, и если будешь действовать так грубо, однажды можешь совершить такую же ошибку как и я, после чего тебя могут никогда больше не позвать в его покой, а без этих привилегий, ты и я, снова станем «никем». — Данная реплика, сказанная Лили, казавшейся мне до этого глупой и слегка навязчивой заиграла в моей голове новыми красками. Теперь я отчётливей понимал о чём та думает.

Пока она при мне обслуживает и делает то, что я хочу, её кормят, за ней приглядывают и защищают. Небывалая роскошь для рабыни, которую ещё вчера за провинность взбешённый хозяин мог отдать толпе своих слуг на растерзание. То, что она стала горничной, уже само по себе чудо. Ведь в основном уходом за имперской семьёй занимались профессиональные дворецкие и горничные, чьи аристократические корни порой были даже

глубже, чем любого из местных дворян. Одних только прибывших из дворца вслед за мной слуг насчитывалось больше двух десятков; о дворецких, косо поглядывающих в сторону этих двоих, я вообще молчу.

— Бьянка, поднимись. — Понимая, что уже готов приступить к главному блюду, произнёс я, а после, так же как ранее и Лили, держа опасную лишнюю движением рабыню за руку, усадил ту так, чтобы мой дружок, минуя главное интимное место смугляшки, был доступен для использования рукам и рту Лили. Нависшая надо мной Бьянка, в тишине, всё так же с непониманием следила за каждым моим взглядом и движением. Своей кожей я ощущал её влажность и выделяющиеся из пещерки соки. Кажется, сейчас она хотела выпустить меня также сильно, как я хотел губами впиться в эти прекрасные молочные железы. Руками прижав ту к себе, языком коснулся той единственной, оголённой вишенки, что сжавшись, так аппетитно глядела на меня. Несдержанный выдох, горячим, свежим дыханием прошёлся по моим волосам. Бёдра Бьянки механически скользнули вперёд, а после попыталась съехать назад, но уже принявшаяся ласкать своим ротиком мой член Лили не позволила смугляшки отступить слишком далеко.

Словно между молотом и наковальней, застрявшая кареглазка, ёрзая на одном месте, потянулась к своей пещерке, но я не собирался той позволять удовлетворять себя своими же руками. Слегка ударив ту по пальцем, дал понять, чтобы девушка сидела смирно и не мешала. Вновь раздался этот чёртов, манящий стон, вслед за которым я, сжав фартук, пропихиваю тот между двух грудей, хватаясь за вторую, пока ещё свободную своей рукой. Снизу, под Бьянкой настоящий потоп, по-своему освободившемуся от чьих-то жарких уст члену, понимаю — Лили уже во всю играет с попкой новоиспечённой подруги. Она выгибалась дугой, изо всех сил пытаясь схватиться своими половыми губами хотя-бы за основание моего члена.

— Пора... — Неожиданно и резко прихватив ту обеими руками за задницу, приподнимаю, а следом бесцеремонно вхожу. В этот раз я никого жалеть не собирался, и сделал это настолько грубо, насколько только мог. Раздавшееся мычание, а так же сжавшие мой воротник кулачки говорили о том, что коварное нападение прошло успешно. Сейчас, когда она поднимет голову, я надеялся увидеть тот самый мокрый взгляд, коим при нашей первой встрече наделила меня Лили.

— Как вы жестоки, юный господин... — Пошлая, жаждущая боли и терзаний улыбка на раскрасневшемся от экстаза лице меня даже немного напугала.

— А ты оказывается не так проста... — С этими словами, и подавшеюся на меня вперёд стонущей рабыней понял — Лили одним из своих пальчиков вошла к смуглянке сзади.

— Накажите меня, я была плохой рабыней, всё делала не так... — Не нуждаясь во мне от слова совсем, наращивая темп движения бёдрами, простонала Бьянка. — Прошу, укусите меня, пожалуйста... — Всё так же прыгая на мне, сжала своими руками грудь смугляшка, а после специально, чтобы я мог до неё дотянуться, наклонилась. — Прошу вас господин...

Едва я коснулся её губами как та, сжав мой член своими бёдрами, задрожала и изогнулась, проговаривая одно и то же: «о да, мой господин...» — как ненормальная повторяла она.

— Мы только начали, а ты уже кончила?! — в эмоциональном порыве, не вынимая, хватаю ту за бёдра, поднимаюсь с кресла, едва ногами не задевая оказавшуюся под нами Лили, после чего заваливаю смуглую красотку на стол. Девушка стонет, её тело вместе с упругой грудью качается взад вперёд. Пытаясь руками ухватиться хоть за что-то. Та, ломая мною возведённые стопки бумаг, разбрасывает их вокруг нас. Охи и стоны заставляют Лили в очередной раз заревновать. Забравшись с ногами на стол, девушка верхом залазит на всё так же стонущую от наслаждения Бьянку, а после, ложась на ту сверху, словно приглашая меня войти, оттопыривая зад, оборачивается. Две прижатые друг к другу пещерки, заливающиеся любовными соками, маняще ёрзая, ждут моего пришествия. Пристроившись поудобней, пускаю свой член вдоль обоих влагилиц, стараясь хотя бы косвенно зацепить оба клитора.

Чувствуя тепло друг друга девушки стонут; жаждущая хоть чьего-либо внимания Лили жадно впивается в губы Бьянки, а после, слегка приподнявшись, ещё больше преподносит мне свой зад, при этом закрывая рукой щель своей же подруги.

«С её на сегодня хватит, займись уже мной!» — как бы говорит мне Лили, и я готов пойти той на встречу.

Глава 13 — К нам едет ревизор?!

Утро выдалось красочным, тёплым и одним из самых неприятнейших в обоих моих жизнях. Сочная, смуглая красотка, обхватив меня по рукам и ногам, дремала с права. Осторожно, чтобы не разбудить, поглаживая меня по груди слева, так же прижимаясь, лежала голубоглазая блондинка. Обе эти девушки интересами и внешне полностью противоречили друг другу, и несмотря на это, каждая из них вчера смогла получить от меня то, чего хотела. Они могли пытаться обманывать меня на словах, даже что-то требовать, но почему-то, когда дело доходило до интимной близости, их тела не сильно то и отличались от моего. Даже будучи рабынями, они как-то умудрялись получать кайф от своей жизни, того, что кто-то ими пользуется. Странные они — женщины этого мира.

— Вы уже проснулись, юный господин.

— Доброе утро, Лили... — Заметив мои раскрывшиеся глаза, она тотчас отдернула руку от моей груди.

— Рядом с вами оно всегда доброе. — И бровью не поведя, отвесила мне жирный комплемент засранка, заставив краснеть с утра по раньше.

Солнце ещё не успело полностью подняться из-за леса: в комнате творился настоящий беспорядок. Перевернутый стол, кипы валяющихся бумаг, разлитое на полу вино и влажная постель. Всё здесь говорило о прошедшей бурной ночи и о том, чего я ещё никогда не испытывал. Желая подняться для наведения порядка, Лили едва успела опереться на левую руку, как я, прихватив её за ту же, вывел из равновесия. Девушка, слегка пискнув, падает на мою грудь, после чего я в жарком поцелуе впиваюсь в её губы.

— Меня целует в губы четырнадцатый принц империи. Я должно быть сплю. — Оторвавшись от меня, закрыв глаза и уткнувшись своим лобиком в меня, прошептала голубоглазая.

— И как тебе этот сон? — схватив её поперёк талии, на ушко спросил я.

— Я бы с радостью умерла, лишь бы он не прекращался. — Выскользнув из моих объятий, горько проговорила Лили. Девушка понимала — между людьми нашего статуса в этом мире слишком большая пропасть. К тому же, она пусть и являлась некогда аристократкой, но так же попала в мои руки через бордель. Многие побрезговали бы такой женщиной, вот только не тот, у кого их никогда не было. Она стала моей первой, той, кто живьём содрал с меня бутон целомудрия, мучавший меня так долго. Так что уже за это хотелось её сохранить.

Настанет день, и я ради выгоды женюсь на другой богатой аристократке, и да, если бы представилась возможность завладеть чьими-то землями путём свадьбы, я бы так и поступил. Более того, пожелай я взять рабыню в жены, либо кто-то из братьев пришёл бы со своей армией, дабы я не опозорил имперскую кровь, либо меня бы попросту прирезал во сне какой-нибудь нанятый семьёй убийца, или целый клан убийц. Уж слишком чистой, святой, что ли, считалась наша кровь, но бастардов, кстати, всем, кроме первого и второго принца, делать разрешалось. Странная система, странные правила запрещали мне жениться на Лили или Бьянке, но не запрещали иметь множество жён и гарем хоть из сотни любовниц. Так, к примеру, если бы у близ расположившихся у моих границ Баронов и Графов возникло желание отдать мне одну из своих дочерей, то в качестве платы за возможность породниться с имперской семьёй им пришлось бы передать часть своих земель в качестве приданного. И как говорится, завладей я тремя-четырьмя подобными девицами, глядишь, приобрёл бы земель столько же, сколько у меня сейчас. Вот только проблема заключалась в том, что я четырнадцатый, самый-самый малоперспективный жених, имеющий к тому же по всем тем же слухам садистские наклонности и задрюпанный клочок земли. Своё имя, статус и прочее мне только-только предстояло создать. А рабыни, пусть для всех других они лишь дешёвые шлюхи, пока они при мне и я не решил одеть одной из них кольцо на палец, проблем возникнуть не должно.

Благим матом поднял на ноги Бьянку, желавшую повалиться чуть подольше. Приодевшись, наведя у меня в комнате минимальный марафет, дамы поспешили прочь из комнаты. Так как я решил взяться за дела сегодня пораньше, мне требовалось принять ванну, одеться, и разобраться с этими треклятыми бумагами. Благо, дальновидный я спрятал готовые документы в стол, избавив себя от ненужной волокиты по поиску готовых материалов.

Мыльно-рыльные процедуры подгоняемые мною служанки завершили крайне быстро. Многие из более взрослых прислужниц, таская воду, косо поглядывали на меня со стороны, тем временем, когда девицы по-младше, растеряв былую серьёзность на оборот, весело улыбаясь стреляли по мне своими молоденькими и хитренькими глазками.

Обмазав и обтерев меня ароматическими маслами, дамы под чутким присмотром всё того же Гвиния, приходившего лишь когда моя задница и достоинство уже были спрятаны в трусы, вновь облачили меня в чёрный костюм. В этот раз старику не понравился плащ со светлой внутренней стороной и туфли со слишком высокой подошвой, так как данная модель, по его словам, предназначалась лишь для дождливых дней и разбитых дорог. Не став спорить позволил тому нарядить меня как старому в голову взбрédёт. Омрачать столь хорошо начинающийся

день спорами из-за вкусовщины я не собирался. К тому же, на сегодня у меня уже была парочка грандиозных планов, начать исполнять которые я собирался с рынка и закупки всего необходимого.

— Когда господин соизволит принять привезённую из рудника зверолодку? — стоило мне лишь присесть за стол для завтрака, поинтересовался советник.

— Её в порядок привели, отмыли, одели? — мой вопрос слегка обеспокоил Гвиния. Неприязнь того к Зорфам чувствовался на расстоянии.

— Разумеется, даже зверю в подобном месте следует прибывать в подобающем виде. — Ответил старик.

— Хорошо, тогда можешь привести её, у меня к ней много вопросов.

— Смею отказать вам в данной просьбе. — Удивив меня своей категоричностью, молвил тот. — Банкетная не место для животного, и я бы не хотел портить столь хорошую еду и старания наших поваров запахом и непристойным поведением животного.

— У тебя какие-то счёты с Зорфами, а, старик? — спросив это понял: прошлый хозяин моего тела хорошо знал, почему Гвиний не любит зверолодей, вот только сейчас, здесь, перед ним, была совершенно другая личность.

— Четверо моих сыновей отдали жизни, сражаясь с Зорфами. Двое погибли в битве, двое, попав в плен, лишились голов. Все они сражались на одном поле, в одной битве. В тот день наши силы проиграли, и когда враг узнал чьих детей пленил, вместо стандартной процедуры выкупа или обмена военнопленными, лидеры Зорфов прислали мне две головы и записку. В ней говорилось, что виной их смерти стала моя сила и что тёмные чародеи, вроде меня, не имеют право на размножение. — История старика всё слегка разъяснила. Старый, рассудительный, спокойный, он с лёгкостью мог принять практически любую мою прихоть. Будь-то наложницы из бордельных девок или убийство без суда и следствия местного лорда. Но одного, а именно моей связи и вежливости с врагом, по факту отнявшим у него всё — прощать не собирался.

— Хорошо, тогда можешь как-то замаскировать её происхождение и позволить нам поговорить по пути в город. Мне позарез нужно знать кое-какие детали из её рабского прошлого. — Делать это Гвинию совершенно не хотелось, но всё же повторно отказывать своему господину он не стал и согласился. Подождав куда я доем, схожу в туалет, заберу бумаги и прикажу подать карету, старый хрен, сопровождая везде, где только можно, готовил мне какую-то каверзу. Жопой чуял, не с проста он сегодня такой странный и загадочный.

— Как погляжу вы сегодня в приподнятом настроении, ваше сиятельство, — когда мимо нас, пряча глазки и свою широкую улыбку, с тазом грязного постельного прощмыгнули Бьянка и Лили, проговорил старый, а после добавил: — должно быть этой ночью случилось что-то хорошее.

— А ты, как погляжу, собираешься мне его испортить, — отозвался я, заслужив в ответ коварную улыбку.

— Вы видите меня насквозь. Сегодня утром пришёл почтовый голубь. Одна из ваших старших сестёр решила почтить нас своим визитом.

— У меня есть сёстры? — мой очередной глупый вопрос вновь застал старика врасплох.

— Разумеется. Тридцать пять прекрасные особ, двадцать из которых старшие и пятнадцать младших. — «Дану на хер... Походу специально для этой кабелины на троне мне лично придётся разработать средства контрацепции». — Принцесса Августа в наших краях исполняет роль «Знатного судьи». Узнав о вашей расправе над аристократом, она лично решила посетить город и провести проверку в отношении этого дела.

— А с каких пор над мужчинами, принцами и наследниками теперь стоят судьи женщины? — Хмуро поинтересовался я.

— С тех самых, когда один взбесившийся принц усеял трупами пленных дорогу от Нивграда и до столицы, — всё так же улыбаясь, отозвался Гвиний, а после заключил: — Хотя, в том вашем решении я вас полностью поддерживал!

Глава 14 — Смотри куда ступаешь, путник!

Скорый визит «любящей» сестрёнки инквизитора не сильно обрадовал, в принципе, как и не особо опечалил. Главное, чтобы та завтра не лезла в мои дела, а самое главное в мою постель, иначе две бывшие куртизанки из числа вчерашних рабынь могли оказаться в месте куда похуже темницы. Через Гвиния и капитана стражи Магнуса, передал всем своим служащим чёткую мысль: «если из-за чьего-то длинного языка из моей прислуги пострадает хоть один — пизды получают все». А после на пафосной ноте поспешил покинуть резиденцию и направиться в мэрию.

Вместе со мной в карете ехал мой придворный маг-целитель и зверолодка, выглядевшая сейчас, как монашка. Тело от головы до пят прикрывала чёрная ряса, на голову был накинута капюшон и даже рот зверолодки был закрыт некоей непроглядной шалью. Девушка еле-еле в таком виде до кареты дошла, и вряд-ли могла причинить мне вред, но это не стало для Гвиния достаточным предлогом не держать потенциального врага всю дорогу под прицелом своего магического заклинания.

Сейчас от неё мне требовалось узнать следующее: положение дел в краях зверолодей, обстановку царившую на главных точках и узлах работорговцев; отношение самих рабов к тем или иным регионам нашей империи, ведь наверняка те обсуждали куда бы могли бежать, а куда нет. Ну, и конечно же отношение всех местных рабов к моей персоне, пусть я и догадывался, но всё же требовалось узнать, насколько всё плохо.

На наше с магом счастье эта девушка ещё в звериных краях, подрабатывая столь не хитрым делом, оказалась крайне говорливой, и лишь за моё обещание увеличить ей и её близким паёк вылила на мою голову всё, что только знала. Говорила она и о объединившихся принцах Зверолодей, решивших воспользоваться «временем смут» царившим в империи, и о торговцах, всё больше и больше предпочитавших нанимать бандитов, грабить и убивать, чем захватывать и тянуть всё менее востребованный рабов в столицу. Ну и конечно же о лютой ненависти всех зверолодей, знавших о моём поступке с их братьями. Как я понял, инцидент произошёл достаточно давно и информация об этом уже успела просочиться во все уголки империи и за её пределы. «Душегуб, Костляворукий, Губитель» — как только меня не называли зверолоды в своей стране. Матери пугали детей моим именем, а старые шаманы перед очередным тяжёлым боем жгли чучело с моим именем, дабы напомнить воинам с кем те сражаются и что их ждёт в случае плена. Рабыня, прознав в чьи владения попала, так же крайне переживала, и даже по началу желала покончить жизнь самоубийством, лишь бы не терпеть муки о коих рассказывали старшие, но не смогла из-за всё той же семьи.

История её пленения и переезда в мои края оказалась крайне душещипательной. Мне хотелось бы помочь ей и перевести на более лёгкую службу вместе с семьёй, на конюшни, или быть может на скотный двор. Но Гвиний мне точно это сделать не позволил бы. Этот человек всем сердцем ненавидел зверолодей, и множество раз говорил мне о том, что тех от резиденции требуется держать на расстоянии выстрела из лука и то только для отработки точной стрельбы нашими лучниками. Поэтому рабам требовалось не локальная помощь, в виде освобождения тройки другой мною выбранных особ, а полномасштабная.

Первым делом, прибыв в мэрию, договорился о понижении налога с пятидесяти процентов до сорока. После чего задвинул местной счетоводческой палате следующее требование: каждому крестьянину работающему на земле и имеющему в своём подчинении раба снижать налоговый процент. Так, по моим размышлениям, и без того эксплуатирующие на своих полях рабов крестьяне, могли получить налоговую скидку аж до десяти процентов (за десятерых рабов в своём хозяйстве). Понимая, что некоторые могут специально под день выплаты налога брать, а после избавляться от рабов, также ввёл обязанности по временному содержанию раба и штрафы для населения за гибель или приведение раба в нерабочее состояние. Всё это должно было слегка улучшить состояние содержания последних, а также позволит получать налоговую скидку только тем, кто действительно нуждался в дополнительных рабочих руках.

Разобравшись со своей «гениальной» налоговой реформой, вместе со стражей отправился на улицы своего чудесного города, дабы понять, чего мне бы такого в нём изменить. Долго раздражающих мою царскую душу вещей искать не пришлось. Решив пешком прогуляться по моим улицам, уже через пару минут своим чистым сапогом вляпался в чью-то, так удачно расположившуюся на моём пути, мину. После чего моё дальнейшее странствие превратилось скорее не в прогулку, а пляску между чьих-то зловонных подарков.

— Гвиний, почему я раньше не чувствовал этой вони? — понимая, что от ароматов нечистот у меня начинают слезиться глаза и забиваться нос, спросил я.

— Я предположил, что вы хотите поглядеть на город со стороны обычного гражданина и посмел снять с вас одно из своих защитных заклятий. Прикажете вернуть? — шурясь и давя лыбу, издеваясь надо мной, спросил тот.

— Не надо, — оглянувшись и заметив, что мой плащ, тянувшийся по земле уже безнадежно испачкан, отозвался я. Требовалось провести хоть какое-то подобие канализации, создать общественные выгребные ямы, а в

след за ними и бани. Пусть в той жизни я и не был чистюлей, но и на улицах, прямо перед людьми, да ещё и на дороге срать себе никогда не позволял!

Решение принято; подзываю к себе одного из писарей и начинаю зачитывать требования. Из средств, изъятых у семейства лорда Тутлюса, предоставить городской мэрии сумму на возведение и постройку по всему городу общественных выгребных ям, с разделением на женские и мужские. В том числе создать при городе орган управления, что будет следить за чистотой и наполненностью тех самых ям. С завтрашнего дня срать на общественных улицах запрещалось всем, вне зависимости от чина и происхождения! За нарушение полагался большой штраф или серьёзные физические наказания.

Следом, наткнувшись взглядом на сгоревшую лачугу, чьи остатки так удачно расположились близко к центру, приказал очистить участок, и из собственных денег возвести в этом месте общественную баню, с колодцем и водостоком, что требовалось провести через весь город и за его пределы. Слава богу, в этом мире о банях знали, точно как и о системах, позволявших городу избежать затопления. Всё это я видел в столице, много раз слышал об подобном в телике и на Тв, ну и конечно же в аниме и манге, где у япошек существовал настоящий культ горячих источников и прочего. Подобное заведение и обязательное его посещение моими жителями, в первую очередь, могло защитить нас от лишних проблем со здоровьем. Вши, блохи, крысы, мыши, эти твари, плодившиеся в подобных моему городу «гадюшниках» много раз выкашивали старую патоскушку «Европу», и пусть в этом мире существовала магия, лишних жертв, как из крестьян, так и из рабов, требовало избегать в первую очередь. Люди — это деньги. А деньги я очень и очень сильно люблю.

Глава 15 — Первая личная армия, Моего величества!

Заткнув пальцами нос, и войдя в кураж по придумыванию всяких приколов, что могут позволить мне подзаработать на нужды города и прочего, стал перебирать роившиеся в моей голове идеи. Я планировал построить общественную баню, сначала одну, после больше, чтобы заставить ходить туда всех горожан, и по идее, постройка мыловарни стала бы офигенной темой, вот только я в душе не ебу как варить это сраное мыло, да и гугла под рукой у меня нет!

Следующей на очереди стала прачечная, но находившаяся за городом река минимизировала количество желающих платить за то, с чем могли справиться даже маленькие дети. Семьи крестьян здесь были очень многочисленными, для стирки всегда находилось пару лишних рук, да и к тому же основной класс горожан бедняки, а значит, пока наше благосостояние не улучшится, идея так же откладывалась в ящик.

Создать типографию и печатать при помощи отлитых из стали букв? Нет чернил, и ни одна местная гильдия чернильщиков не продаст нам их рецепт, а значит придётся тратить огромные деньги на закупку дефицитного товара из столицы. Создавать инструменты для крестьян? У меня всего навсего медная шахта, а этот металл, как известно, не отличается прочностью, да и дороговато будет. Может вернуться к теме разведения кур и прочего? Но опыта в этом у меня тоже особого нет, а на его наработку требовались целые годы! Единственное, что я хорошо умел в прошлой жизни, так это солдатиков по компьютерному полю боя расставлять. В те моменты, когда всё шло как надо, я чувствовал себя богом, вёвшим своих последователей к великим достижениям и победам. Не счесть то число моих выигранных битв за замки и селения, которые я лишь благодаря скиллу настоящего задрота, вытягивал на волевых. Всего-то и требовалось три составляющих для победы. Первое — лёгкие и мобильные юниты, второе — заманивание врага в заранее подготовленную местность, третье — лучники, много лучников, именно на них, дешёвых, многочисленных, способных вымотать любую пехоту я всегда делал свой упор.

— Вот бы сейчас в обороне какой поучаствовать, нубасов побесить... — Вырвавшаяся из моих уст, непонятная фраза заставила мага-целителя, шедшего со мной под руку, впасть в ступор.

— Ваше высочество, неужели вы желаете отправиться на поле брани? — Схватившись рукой за сердце, выплюнул тот.

— Совсем сбрендил старый, нас же там с тобой двоих зашибут... — Едко выплюнул я, на что советник даже бровью не повёл. — Вот если бы можно было за денюжку отправить кому-то в помощь наш отряд другой, то было бы совсем другим разговором.

— Прошу прощения, но ваша гвардия, это не обычные войны, и я крайне настоятельно не советую вам в погоне за деньгами разбрасываться их жизнями. Каждый гвардеец стоит десятка, а то и двух обычных солдат. Их мощь в плотном построении неопишима, а верность с коей те пойдут на смерть за императора — бесценна! — Кажется старый неправильно понял меня и завёлся. Его слова вызвали множество редкие довольные взгляды среди стражников и лишь командир Магнус, вечно хмурый, недовольно поморщившись, попросил права молвить.

— Если его величество испытывает проблему с золотом, я, как командир стражи, с гордостью отдам всё своё жалование на достижение его благих целей. — Мужчина сильно изменился со дня нашей с ним первой встрече во дворце. Тогда он казался мне крайне алчной личностью, а сейчас... — Более того, если вы прикажете, я соберу из местных отряд и отправлюсь с ним даже на край света, только скажите!

— Магнус, прошу простить мне моим слова и откровения, но не ты ли, перед нашей отправкой, лично просил меня о возможности передачи своей должности капитана стражи принца Карла на кого-либо другого? — «Вот это приколы, а дядя то, оказывается, по видимому изменил ко мне своё отношение!»

— Так и есть... — Рухнув на колени, склонил перед мной свою голову здоровяк, — и сильно об этом сожалею. Ранее, при дворце, я редко имел честь общаться с господином, и по большей степени занимался организацией безопасности его передвижения по дворцу и за пределами. Так же, до меня часто доходили слухи об неподобающем поведении принца, к сожалению, злые языки ввели меня в заблуждения, затуманили веру и разум.

— Да ладно тебе, — говорил дядька крайне смущающие вещи, потому мне всё больше становилось не по себе. — Я как бы и сейчас не особо себя подобающе веду, ну, ты же помнишь, кто мне служит и для чего...

— Вздор и лишняя скромность не к лицу четырнадцатому принцу. — Впервые оспорив мои слова и повысив на меня голос, проговорил капитан. — Моя семья из Нивграда, они часто рассказывали мне об ужасах происходящих на их улицах. Тогда я думал всему виной банды разбойников и мародёров, на истребление коих в этих землях не выделялось и ломаного медяка. Но вы, зная что тому виной, глядя в самую суть, корень проблем этих земель, не пошли к испорченной властью знати, что точно покрывала бы мерзавца Тутлюса, а обратились к народу, услышали голос тех, кого я некогда, будучи обычным стражником, поклялся защищать! — Преисполненный гордостью, хмурый взгляд Магнуса упёрся мне в лоб. — Вы, рискуя пасть в немилость дворянства, и великой Инквизиторши следующей за вами по пятам, приняли самое опасное и правильное решение, раз и навсегда в моих

глазах развеет все гнусные слухи, витавшие вокруг вашего доброго имени!

«ДА Я БЛЯТЬ ОБ ЭТОМ ДАЖЕ НЕ ПОДУМАЛ!» — двумя ладонями от смущения прикрывая своё лицо стиснув зубы судорожно стал прикидывать как ответить на подобное откровение. Мужик там себе с три короба напридумывал всякой всячины, а мне сейчас что, все его ожидания оправдывать?!

— Хм... — Пройдясь рукой по своей бородке, отвлек меня от размышлений маг-целитель. — Капитан Магнус превосходный воин и неплохой тактик, вот только его воинский предел, звания сотника и столько же бойцов под рукой. — Как всегда заходя из дали, затянула старая, сморщенная оливка. — Если принц не передумает и всё так же решится на сбор отряда, могу предложить попытать счастья в компании моего старого знакомого Ливидия. Сейчас Граф отчаянно ищет помощи среди высших членов общества, но, к сожалению, из-за своей чрезмерной любви к золоту и скверного характера, тот задолго до конфликта с лордами, настроил всех своих соседей против себя. Представляете, против него его же вассалы целую коалицию создали.

— Гвиний, я не хочу помогать негодяям, доводящим своих подданных до мятежа. — Понимая, как подобное заступничество в первой же компании скажется на моём имени, произнёс я.

— Боюсь, вы не так поняли причину, по которой в графстве начался конфликт. Уважаемый Ливидий никогда не разорял своих граждан, напротив, его регион считается одним из наиболее благополучнейших, а причиной тому — его инвестиции в ремесленные мастерские, а не воинское общество. Лорды требовали увеличения числа воинов на землях графства, а уважаемый Ливидий, чьи земли не так уж и далеко от наших, наоборот считал это нецелесообразной тратой. Вот и загнали Лорды недалёковидного Графа в родовую крепость, где того уже больше двух месяцев держат в осаде. — Пояснил картину происходящего старик.

— Предлагаешь воспользоваться титулом принца и вмешаться? — спросил я.

— Ни в коем случае. Ваше имя не должно фигурировать в этом конфликте, иначе все заподозрят вас в связи с личностью не пользующейся особой любовью среди дворян. Думаю, нам лучше будет поступить немного иначе. Лишите Капитана Магнуса чинов, и сделайте сотником наёмного отряда, что базируясь в нашем городе, будет подчиняться вашим приказам. Так, мы сможем как и другие принцы, влиять на происходящее вокруг наших земель при помощи личных армий, не пользующихся именитыми гербами. Доказать кому те служат крайне сложно, ведь по большей части наёмники это сброд, чьё слово, никогда не станет по значимости равным слову дворянина.

Идея показалась мне крайне привлекательной и перспективной. С одной стороны, помогая кому надо и завоёвывая уважение соседей я мог спокойно обзавестись парой тройкой должников; с другой, ни одна сволочь, даже докопавшись до истины, не позволила бы себе осадить город и уж тем более родовое поместье четырнадцатого принца, тем самым настроив против себя всё верное нашему роду дворянство. Да и старшие братики со своими сотысячными армиями вряд-ли позволили бы кому-то унижать и атаковать себе подобных, тем более в такой опасной близости от сердца империи, столицы.

— Гвиний, авантюристы из столицы прибыли? — Прикидывая как получше оснастить и укомплектовать будущую сотню, спросил я.

— Пока ещё нет, — коротко отозвался старик.

— Не торопятся значит, ладно. Капитан Магнус, с сего момента вы более не являетесь имперским гвардейцем, и становитесь независимым, свободным человеком, имеющим право делать всё, что вам заблагорассудится. Я рассчитываю на вашу преданность, и желание сослужить мне и всей империи добрую службу, а также вверяю в ваши руки идею по созданию отряда, что понесёт мою волю за пределы нашего светлого города! — Пафосно повернувшись к тому спиной и скинув плащ, и скинув на того все обязательства по рекрутингу, тренировке и прочему, добавил: — не подведите меня.

— Костями лягу, но оправдаю ожидания его высочества... — Всё так же стоя на одном колене, чётко и решительно отозвался здоровяк.

Так у задрота с раздутым чувством собственного величия и появилась своя маленькая, наёмная армия...

Вчерашний день завершал я в мэрии, подписанием Куевой тучи бумаг. Часть решений, касавшихся приведения города в надлежащий вид, вызвала бурную поддержку; другая, касавшаяся общей бани и размещения лагеря наёмников за окрестностями города вызвала осуждения.

Всё же палата Нивграда не горела особым желанием подкармливать наёмное подразделение, чьё появление всегда сулило проблемы. Дебош, грабежи, драки — всё это являлось неотъемлемой частью любого военного формирования, возглавляемого любителем. Но только не нынешним сотником и командиром Магнусом. Взяв собственные, отложенные деньги на оплату первых месячных жалований новоиспечённых рекрутов, вояка попросил лишь об помощи оповещения местных и жителей соседних деревень о начавшемся наборе. Так же, были разговоры о еде, шатрах для солдат, размещавшихся за пределами города, но всё это Магнусом отметалось на второй план: «В вашей сотни ещё никто не заслужил права спать в воинском шатре», — с серьёзной миной говорил мужчина, посещая с первым отобранным десятком торговую площадь и закупаая для себя всё необходимое. От чего-то, когда мы с утра с ним встретились, он выглядел куда более весёлым и общительным, чем в дни моего сопровождения. Да и не удивительно, ведь по факту я подарил ему свободу, и пока ничего не приобретаю в замен, лишился одного из величайших воинов имперской гвардии. Какая растрата...

Утро пролетело незаметно, за ним и день. Всё так же катаясь по городу, лично проверил выкопанные и возведённые на скорую руку и по моему чертежу общественные сартыры, чем-то напоминавшие обычные деревенские туалеты из моего мира. В том числе оценил и чутка подчистившиеся улицы; много где продолжалась уборка, где-то стражники, заломав очередного засранца, пороли того прутьями, при этом как котёнка серливого чуть ли не макая в собственную кучу. Хотя я и попросил подобного не делать, но инициативу, проявляемую стражниками, сдержать оказалось крайне сложно.

Расчистка местности от развалившегося здания шла полным ходом. Всё же не удержавшись, я приказал снять семью той псины извращенки, вытянуть тех из шахты, и отправить на службу мэрии, где сейчас из-за моих реформ остро не хватало рук рабов. Привоз коих был запланирован через пару дней. О точных датах в этом средневековом мире никто старался не говорить...

Именно из-за этого моё возвращение в резиденцию и встреча с женщиной закованной в доспехи, стала для меня очередным сюрпризом.

Девушка ростом выше меня на голову, заняв ожидающую позу у главного входа, встретила меня хмурым взглядом своих зелёных глаз. Чёрные волосы средней длины развевал лёгкий ветерок, под одним из глаз сестрички красовалось три чёрные точки-родинки, в принявших в моих глаза форму ромба. Под вторым хорошо виднелся свежий, зарубцевавшийся шрам, не большой, но весьма заметный. Одета девушка была в стальной пошарпанный доспех. От какого деда или бабки он ей достался даже представить не могу, но выглядел тот крайне убого.

«С лица так себе, не сисек, ни жопы, — сама посредственность», — хмыкнув при нашем первом зрительно контакте, выслушал предупреждающую речь своего верного советника. Августа знала меня ещё до того как произошёл тот случай с рабами, и более того, со слов советника, она часто приглядывала за мной в детстве, отчего слишком откровенные беседы могли стать для неё лишним поводом усомниться в моём психическом состоянии и возможности править своими землями. Именно возможность лишиться меня права управления Нивградом являлось для меня самой большой угрозой. Посему старик постоянно просил меня вести себя с той как можно более нейтрально. Сравнивая Августу с тем же Магнусом. На словах то это звучало просто, а вот на деле.

— Приветствую в моей скромной обители, сестра, — проговорил в полупоклоне. — Как добралась?

— Ещё скажи, что рад меня видеть. — Фыркнула и даже не поздоровалась, сука! — Сколько рабов сегодня отправилась на плаху по твоему приказу?

— Не понял... — Данный наезд после всех моих сегодняшних стараний казался из ряда вон выходящим неуважением к моим «не трудным трудам»!

— Карл, зачем тебе понадобились все те рабы из столицы? Ты хоть знаешь какие слухи поползли в сторону Силистины?! — позволив повыситься себе голос и прикрикнуть на меня, девушка спровоцировала на резкие действия обступившую меня гвардию.

— Силистина это что? — интересуясь шепнул я на ухо старику, и получил точно такой же ответ: — Вторая людская империя материка.

— Издеваться смеешь?! — явно услышав, крикнула Августа. — Мы так долго добивались мира с ними, и как только те прознали о том, что «Кровавый принц» взялся за их пленных граждан, те тот час отправили нам сразу три ноты протеста и угрозу возобновления военных действий!

«Кровавый принц?» Звучит куда лучше, чем «Костляворукий».

— Уважаемая принцесса, прошу вас смирить свой гнев. Принц Карл не причинил вреда рабам. Большая их

часть сейчас задействована на работах в Нивграде, другая, отправлена на рудники. — Слова старика она восприняла с большей серьёзностью, чем мои. Однако, пытаясь отстоять свои поспешные выводы, вновь спросила:

— С каких пор вы, Гвиний, помогаете моему брату скрывать столь гнусные деяния от взора правосудия?

— С тех самых пор, когда я погиб и изменился, сестра. Завтра я лично приведу тебя к каждому из рабов, а после заставлю извиниться, при чём точно так же, за каждого из них! — Вспомнив просьбу старика обращаться с воительницей точно также, как и со слугой Магнусом, грозно и без какого-либо уважения рыкнул я, и та, послушно опустив голову, заткнулась и пропустила меня с моей стражей в резиденцию. По видимому, наш с ней статус позволял мне держаться на одну ступеньку выше и то, как она приняла моё к ней обращение говорило, что завтра меня будет ждать настоящее шоу. Уверен, она станет копать, доставать на меня всё, до чего только дотянутся её загребущие руки, и будь разговор только за настоящего меня, переживать было бы не о чем, но вот что успел натворить принц до того как я завладел его телом, это большой и очень пугающий меня вопрос.

Миновав сестру и остановившись в десятке метров от той, обернулся. Женщина, всё так же опустив голову, глядела себе под ноги. Чёрт, кажется, я перестарался...

***

Тон брата и его грубые слова поразили старшую сестру в самое сердце. Она, карающий меч правосудия, с лёгкостью могла обвинить того в чем угодно и заставить заплатить за всё свершённое им сейчас и ранее, вот только прибыла она сюда не за тем. Проверка четырнадцатого принца являлась лишь поводом для того, чтобы покинуть застенки инквизиции, и стать рядом с ним, тем, кого она ещё с детства считала лишь её единственным. Она больше всего хотела быть с Карлом.

То как тот будучи ещё ребёнком, желая причинить ей вред хватался и кусал за грудь, а после, повзрослев, подглядывал за переодевающейся сестрой, заводило девушку сильнее, чем любой из когда-либо встреченных ей мужчин. Его злоба и слова сводили ум Августы с ума похлеще гуши битвы, в которой шанс уцелеть ниже одного процента.

— Он так возмужал... — Не поднимая головы и глядя на свои трясущиеся, взмокшие между ляжками ноги, с красным, переполненным счастьем и стыдом лицом, прошептала себе под нос девушка.

Глава 17 — Человек который всё знал

Мы едва зашли в поместье, как бледный, словно сам мертвец Гвиний, напугано и тяжело дыша, стал чуть ли не молиться за моей спиной. Старик был напуган, и лишь осушив пол кувшина воды, наконец-то пояснил, что было тому виной.

Когда он просил меня общаться с Августой как с Магнусом, он не имел в виду командовать, он ждал уважительного тона, общения хотя бы как с равным. Но даже он не ожидал что я начну тыкать и в такой жёсткой форме осаживать женщину, что в пищевой цепи нашего семейства находилась как минимум на голову выше меня. Именно из-за моих постоянных выходов, что в детстве, что сейчас, принцессе даровали полномочия сдерживать именно мои гневные порывы, способные навредить короне. Её главная цель — я. И только что, показав своё неповиновение, я фактически развязал той руки. Ведь даже в моём мире всех неугодных режиму убирали от греха подальше...

«Пиздец»... — Глядя, как молча и всё также пряча свои глаза за длинной чёлкой, в след за нами тенью брела Августа, мысленно выругался я.

Первым делом отправился в свою личную комнату, ставшую для меня как спальней, так и офисом. Требовалось составить список вещей и тренировок, которыми мы могли бы снабдить нашу сотню. Я не просто хотел оснастить Магнуса и его парней всем необходимым, но и собирался дать им чуточку больше, а именно мои знания и стратегии из прошлой жизни. Сотня Нивграда должна стать этаким отрядом спецназа в средневековом мире. Каждый из моей сотни обязан был уметь плавать, лазить по отвесным скалам, передвигаться скрытно и бесшумно, замечать за собой следы. Из каждого требовалось сделать лучника, копейщика и мечника. Мои бойцы обязаны уметь пользоваться любым оружием вне зависимости от возникшей ситуации!

Я не собирался жалеть на бойцов денег, они моё будущее, ведь, возможно, наступит день и кто-то из вышестоящих братьев отзовёт гвардию, или прикажет той убить меня, и именно в этот момент на мою защиту должна стать сотня лучших из лучших, что даст просратья всему ёбаному шаруку!

Раньше я спокойно мог передвигаться по своему особняку в одиночку. Ведь через каждые пять-шесть метров, у каждой двери дежурил верный мне стражник. Подобные прогулки ранее мне нравились, и даже слегка расслабляли. Но сейчас, когда за мной табуном двигалось с полдесятка закованных в сталь погремушек и даже Гвиний, за коим всё так же брела Августа, это начинало нервировать.

Зайдя в комнату оставил за её пределами всю свиту, надеясь наконец-то побыть наедине, но бесцеремонно вошедшая в след за мной сестра вновь разрушила все мои планы. Игнорируя ту, сел за стол, достал бумаги, прихваченные в мэрии, разложил те и словно той и нет, принялся сочинять всевозможные тактики и приспособы, что могут дать моим парням преимущество на линии фронта. Делать это приходилось крайне осторожно, используя лишь слова этого мира, ведь кружащая по моей комнате Августа, встретив неизвестные ей термины могла посчитать меня подменой, и тем самым получить ещё одну возможность свергнуть меня с должности управленца этих земель. Прошло где-то чуть больше часа, прежде чем я стал забывать об занозе в моей заднице, и, видимо устав безуспешно копаться в множественных книгах стоявших на полках, она сама решила напомнить о себе.

— Ну и долго ты ещё будешь строить из себя порядочного трудоголика? Карл, я знаю тебя лучше всех, ты же отброс... — Зная, что мы наедине, едва слышно кинула в меня оскорблением принцесса. По её лицу, которое та старалась держать максимально безэмоциональным я понимал: сука хочет вывести меня из себя. Но так же я и понимал последствия, что ждут меня из-за подобного... «Нет уж, умирать, когда в моих руках появилась власть, что и не снилась моему отцу — я не намерен!»

— Святой инквизитор опустил до столь гнусных оскорблений? Или, быть может, при церкви перестали преподавать уроки этикета... — Когда та, в след за Отбросом, привела мне ещё пятёрку крайне красочных личностей, коими я мог называться, всё же вынудила меня ответить Августа. Проступившая на лице инквизиторши улыбка дала понять: я проиграл эту битву, отозвался и сделал всё так, как она задумывала. Эта сука играла не по правилам!

— Находясь в столь незавидном положении, да и при инквизиторе, смеешь осуждать действия и учения церкви? — перебирая и используя лишь те слова, что ей были нужны, подошла к моей сидящей за столом персоне, и стала за спиной Августа. — Любого другого сожгли бы на костре и за меньшую дерзость... — Я чувствовал величественную дрожь в её голосе, сквозь одежду ощущал, как ледяная сама душу рука инквизиторши тянется к моей шее. Сумею ли я выбраться из её пальцев, если те сейчас сомкнутся на моей шее, смогу ли хоть пискнуть перед тем, как умру?!

Нервно сглотнув, пытаюсь сохранить самообладание и не обращая внимания на манипуляции происходившие за моей спиной, вновь повис над столом, взяв в свои руки чистый лист бумаги и чернила, коими я не так давно

едва-едва смог овладеть. Вовремя раздавшийся в дверь стук, а следом и появившаяся в двери Лили, по видимому, прознавшая от слуг или самого Гвиния кто у меня в гостях, с дрожью в голосе поинтересовалась, желаю ли я, и святой инквизитор чего-либо ещё. Желая успокоить нервы, я собирался заказать чего-то горячего, но вмешавшаяся в дело Августа всё решила за нас.

— Два кувшина лучшего вина и мяса. Ты же, братец, не откажешь любимой сестре после столь долгого расставания? Нам с тобой предстоит ещё многое обсудить в нашем с тобой дальнейшем будущем, — с некой угрозой в голосе проговорила та.

— В нашем будущем? — боясь спросить насколько же та приехала, проговорил я.

— Разумеется, ведь отныне, я, Принцесса Августа, святой инквизитор церкви нашей, являюсь постоянным паладином и защитником города Нивград.

Как гром среди ясного неба прогремели в моей голове слова «инквизитор и вечный». Да я её блять и недели не выдержу, не говоря уже о вечности. Как знал, что не может быть в моей жизни всё настолько хорошо: и деньги, и бабы, и тут на тебе лопатой по хребту! Может поговорить с Магнусом, Гвинием, и избавиться от старушки, спихнув на разбойников, или ещё кого, как раньше делал Тутлюс...

— Вижу ты не очень-то и рад, братец... — Как-то с наигранной тоской в голосе проговорила инквизиторша.

— А кто будет рад ошейнику надетому на горло, ведь ты же не успокоишься, пока меня со свету не сживёшь, верно? — эти слова, словно подтверждая мои догадки, не вызвали на лице девушки и морщинки. — Да и к тому же, с каких пор инквизитору можно пить?

— А разве когда-то было нельзя? — рыкнула на меня Августа, а после, глянув на замершую служанку, прикрикнула: — Почему ты ещё здесь?! — двери за Лили тот час захлопнулись, а инквизиторша, вернувшись мне за спину, всё так же взглядом упёрлась мне в затылок и прошептала:

— Знаешь, Карл, а ведь всех твоих слуг из прислуги замка отбирала именно я. Каждого, лично, запоминая имена, внешность и повадки. — «Твою мать! — взорвалось внутри меня — и что-то этой голубоглазой трактирной шалавы, я в своих списках не припомню. — Кожаные перчатки с металлическими вставками, соскользнув с рук Августы, с мерзким лязгом рухнули на пол. Ледяные и очень длинные пальцы сестры сначала легли мне на плечи, а после, медленно скользя вдоль воротника, приблизились к шее. — Так скажи мне пожалуйста, мой дорогой и любимый братец, почему, из всех тех, кто воспитывался и взращивался при мне и для тебя. Ты, четырнадцатый по счёту принц, наследник великой империи, пошёл к первому же городскому работорговцу, и вместо того, что бы взять себе нормальных, ещё не использованных аристократок в наложницы, стал поглядывать и присматриваться к тем, в кого даже обычный городской стражник сувать побрезговал бы.

Руки Августы без какого-либо стеснения скользнули под мой воротник, обхватив шею. Такие холодные и пугающие, уверен, сейчас, держа пальцы на моём пульсе, сестра чувствовала моё волнение. Истинный страх, который я испытывал перед женщиной, всё время знавшей об настоящем мне больше, чем я сам. Врать бесполезно, пытаться играть с ней в недосказанность тоже, ибо козырей в её руках уже предостаточно, чтобы отправить меня в строгие комнаты имперского дворца, из коих мне больше никогда не увидеть свободы...

«Кажется... Хотя нет, не кажется, мне точно пиздец!»

Я плохо знал своё настоящее «я», пусть сестра и была всю жизнь этой оболочки рядом, наверняка принц не ценил заботы этой девушки, что лишь по одной ей ведомой причине, ещё не засадила его за решётку или ещё куда. Что-то мешало принцессе, быть может чувство родства или кто-то из братьев, решивший для забавы позволить мне коптить белый свет. Не знаю, сейчас я мог только одно — давить на жалость, каяться, обещая что теперь всё изменится.

— Сестра... — Отложив перо и чернила, положил свои ладони поверх её. — Сейчас, ты лучше меня знаешь, кто я такой и кем должен быть. Тогда, во время болезни в имперском дворце, прошлый Карл, которого ты знала, умер вместе с большей частью всех воспоминаний, которые теперь для меня утрачены, и скорее всего, безвозвратно. — Девушка, замерев, всё также продолжала стоять за моей спиной. Она хотя бы слушала, одно это уже хорошо! — По тому, как глядят на меня все окружающие, с каким презрением мне приходилось сталкиваться, едва я показывался на улицах, я чётко осознал: прошлый Карл был редким подлецом и мерзавцем, а когда я узнал о тех зверолодах, так и вовсе, почему-то нож, или петля, показались мне единственным решением, способным избавить меня от подобного позора. — Руки девушки дрогнули, от чего-то она попыталась вырваться, но я, всё так же держа её ладони в своих не позволил. Сейчас, мешая между собой ложь и правду, для меня было важно, чтобы та не видела моего лица, ведь актёр из меня ну совершенно некудышный.

— Но в день, когда я посетил гильдию авантюристов, а после увидел на рынке и их, женщин в рабских оковах, что пробудили во мне воспоминания о тех муках, которым я подверг всех Зорфов, внутри моего сердца что-то разбилось. Ты права, в тот день я взял двух рабынь, а после, желая хоть как-то заполнить пустоту внутри, силой поимел ту, что сейчас приходила к нам...

— Так это правда, ты трахал грязную шлюху из кабацкого пристанища! — ногти сестры впились мне в кожу.

— Верно, и я не жалею, ведь только она, как в тот раз, так и сейчас, не смотрела на меня, как другие. Я спас её, в её глазах не было презрения, не было того взгляда, который у всех вас, включая тебя. Тот Карл мёртв, и мне, не помнящему всех его грехов и ошибок приходится тянуть его крест. Ни друзей, ни знакомых, у меня нет никого и ничего, лишь две рабыни, обязанные мне своим безбедным существованием, и если ты решишь наказать их, тех, кто первыми пришли мне на помощь, то сделай это, а после подвергни и меня своему справедливому суду... — Руки Августы ослабли, девушка замерла в раздумьях. — Не знаю, почему-то именно ты, та, что пришла меня судить, сейчас больше других кажешься мне тем самым, заботливым, прекрасным и достойным человеком, что уже давно, мог прервать мои мучения, но почему-то делать этого не стал.

Ладони Августы задрожали, кажется, мне удалось повлиять на ту, вот только надеюсь, у сестры фляга не свистанёт и та не прирежет меня прямо сейчас.

— Карл, — зловеще усмехаясь, произнесла моё имя сестра, — одной лишь твоей связи с рабами уже достаточно для казни, но я понимаю тебя и буду защищать, а ещё... — Следуя за усмешкой, рука сестры резко рванула вниз, сквозь рубаху, прямо к моей груди, в след за чем, уже успевшие нагреться пальцы, ловко прихватили меня за соски. — Ещё сестрёнка поможет тебе заполнить ту пустоту, именем господи нашего, я отпущу тебе грехи, но...

— Мы ведь кровные родственники! — встав со стула, вскрикнул я, не понимая, откуда взялся этот напор, но только и ждавшая этого Августа мощным ударом своего металлического сапога откинула кресло в стену, и сделав шаг вперёд, коленкой прижала меня к столу, тем самым ляхой подперев моё сжавшееся от страха достоинство.

— Веками наши предки не имея достойных претендентов женили братьев на сёстрах, дабы не допустить смешивания императорской крови. В этом нет ничего такого! — в одно движение сорвав свой нагрудник и запулив того под кровать, рыкнула та. Звон вызвал волнения у стражи, но стоило тем лишь показаться на пороге, как злобный рёв Августы вернул тех обратно на свои места.

— Я ведь причинил тебе столько боли! — буквально на ягодицах пятясь по столу назад, пробормотал не готовый к такому я.

— Я хочу, чтобы ты сделал мне больно, мой маленький император... — С красным, словно сама кровь лицом и безумными глазами, сорвав с себя рубаху, простонала та, а после, схватившись освобождёнными руками за свою «двоечку», потребовала: — Укуси же их, ну же, ты же видишь как мои соски возбуждились и торчат, они жаждут твоих, и только твоих губ! — насадея и подбираясь всё ближе, окончательно рехнувшись, требовала Августа.

— Совсем ебанутая?! — когда та полезла за мной на стол, уже реально испуганно, крикнул я.

— О да... — Убрав руки с груди и схватившись за свою промежность, застонала на всю комнату сестра, затем попытавшись пальцами как можно быстрее расстегнуть свой ремень, головой рухнула мне в пах и зубами впилась в бляху на моём поясе.

— Оскорбляй меня, унижай, покажи мне своё презрение и злобу, я приму её всю без остатка! — буквально

зубами перемалывая мою стальную пряжку, зарычала та, не сводя с моего лица своих безумных, больших зелёных глаз. Последний рубеж моей сегодняшней целомудренной обороны, издав металлический скрежет, рассыпался в зубах Августы, после чего та, видя моё неподдельное удивление, шагающее рука об руку со страхом, улыбаясь, сплёвывает на землю звенящие кусочки стали.

— Ты грешен брат, и греховность твоя сочтется наружу... — Подобно змее, выползая из своих штанов и пуская слюню на мои брюки, прошипела девушка, а после, всё также играясь и без рук, теми же зубками принялась воевать с моими трусами. — Но я помогу тебе... Приму в себя, частичку твоего греха. Дарую мою милость и прощение.

От подобного напора, стонов и исказившегося в невероятной гримасе лица, кое-чем напоминавшее типичное японское «Ахигао» снизу, ощутил резкий прилив, отчего мой конец, почувствовав скорую свободу, резво выскочил из приопустившегося белья, и покачнулся, слегка стукнув девушку по носу.

— Ах... — Обожгла ствол горячим вздохом Августа, а следом, щекой прижавшись к моему члену прошептала: — Как же долго я об этом мечтала, о дне, когда ты будешь полностью в моей власти, несносный, младший Карл... — Пальцы сестры, дрогнув лишь на секунду, коснулись головки, после чего из рта сестры вырвался клубок обжигающего дыхания. Вспомнив, как та с лёгкостью перекусила сталь, попытался убрать свой причиндал подальше от острых зубов и рта, способного, на мой взгляд, извергать само пламя, но сестра естественно не позволила мне этого сделать. За лёгкими и редкими касаниями последовал захват.

Действуя лишь губами, Августа всасывала головку, язычком стараясь проникнуть в непредназначенную для подобного дырочку. Упёршись в непреодолимую преграду, язычок её, досконально исследовав каждый миллиметр моей плоти, выскользнул из обхватывавшего головку рта и чутка прошёлся по стволу.

— Он такой большой и пульсирующий, должно быть тебе нравится, что я делаю... — Освободив рот, языком прошлась от паха до пупка сестра.

— Ты меня пугаешь. — Когда та, всё больше наползая на меня своими бёдрами, вздымая рубашку стала подниматься всё выше и выше, честно ответил я, и девушка, вновь прикусив губу, издала этот жгучий вздох. — Ты порочна, и сейчас, будучи под властью похоти, готова отдаться тому, кого обязана покарать. — Вновь, как и тогда, при нашей первой встрече у особняка, её глаза спрятались за чёлкой, а ноги, пытаясь сжаться, уткнулись в мои. Заглянув под ту, заметил тонкую и тягучую струйку любовных соков, что вытекая из лоно Августы, заводя меня ещё больше, лились на мою паховую область. — Ты, порочный инквизитор... — Одной рукой сдавив женскую грудь, повысил на извращенку голос я, вновь услышав в ответ лишь мычание.

— Я-я... — Учащённое дыхание, несвязная речь и то, как ту стало пошатывать, пытаюсь прижаться ко мне, дабы не свалиться. Всё говорило о том, что она находясь словно под кайфом, могла в любой момент свалиться в обморок.

— Грязная извращенка, что любит, когда её оскорбляют! — Второй рукой прихватив ту за задницу и подтащив по ближе к своему члену, рыкнул я.

— Я не извращенка... — Выгибаясь и виляя на мне своим задом, она делала всё, чтобы как можно быстрее пристроиться своими нижними губками к моему напарнику, но из-за того, что мы оказались прижатыми друг к другу, сделать было очень и очень не просто.

— Не извращенка? — Прекратив свои посягательства на её грудь и зад, ослабил хватку. — В таком случае, нам не следует этого делать...

— Нет! — Схватив мои руки своими крепкими ладонями, направила те к бёдрам, а после, прижимая к своему упругому заду, прошептала: — давай сделаем это...

— Но обычные девушки о таком у младших братьев никогда не просят. Тогда кто же ты? — Играясь с той, показушно опустил взгляд вниз. — Кажется, кое-кто устал ждать, видимо нам действительно следует прерваться...

— Я извращенка! — Крикнула Августа, заваливая меня на стол. — Я извращенка... — Её безумный взгляд, румяные щёки и слюни, текущие на меня сверху говорили об настоящей одержимости сестры.

— Тогда умоляй меня. Проси, и я войду... — Пальцы моей правой руки скользнули к влагалищу девушки, а следом, зацепившись за одну очень и очень эрогенную зону, принялись ту массировать. Лили в наших упражнениях многое мне рассказала, о том как доставить женщине удовольствие, и судя по тому, как в след за моими движениями запыхтела Августа, методика рабыни работала на все сто процентов.

— Подлец... — Уткнувшись лбом в мою грудь, и всё также пуская на меня слюни, попыталась сесть на член сестра, в ответ на что я, прикрыв того рукой, прижал к своему животу, не позволяя той исполнить задуманное. — П-п-пожалуйста К-карл... — Вновь задрожав, словно лист, произнесла она, не сводя своих зелёных глаз с моей удерживавшей в плену её киску руки.

— Громче... — Став действовать чуть жёстче, и увеличив темп, злобно произнёс я.

— Молю тебя, войди в меня по самое сердце! — Едва эта фраза сорвалась с её уст, как член, скользнув по мокрым половым губкам, на четверть от всего размера, вошёл в узкую, струящуюся пещерку. — Д-а-а-а-а! — Лишь

от одного моего движения, оторвалась от моей груди и дугой выгнулась брюнетка. Её пальцы, напрягаясь до хруста, искали за что бы ухватиться и не найдя чего-либо, опять же впились в грудь своей же хозяйки. Залив все мои брюки своими соками, Августа, облизываясь, постепенно, чувствуя каждый миллиметр, опускалась к самому основанию, и когда её ягодички соприкоснулись с моим пахом, неожиданно выдала: Что же я наделала...

«Стала моей», — обхватив ту за бёдра, сильным движением протолкнул свой член по всей длине её пещеры, отчего растерявшаяся Афина, выпучив глаза, с каким-то удивлением взглянула на меня. «Раньше думать надо было», — движение за движением, словно вбивая свою в плотно облегающий ту грунт, стал наращивать темп. Попытавшаяся чуть приподняться зеленоглазая, хватая ртом воздух, моими же руками притягивается обратно.

— Сжался... — Стонет порочный инквизитор, но сегодня я безжалостен. Чувствуя, что та полностью сконцентрирована на происходящем снизу, резким движением меня нас местами, оказываясь сверху. Чувствуя своё поражение, наблюдая улыбку на моём лице, Августа позорно пытается спрятать свою расплывающееся в экстазе лицо, но я, отбрасывая своей рукой её ладони мешаю, в след за чем, своим языком вторгаюсь в её рот. словно боясь схватить меня за спину, та, махая ладонями перед моим лицом, несколько секунд сопротивляется, пытаюсь отстраниться, но после, сдавшись полностью, опускает руки. Её глаза закатываются от удовольствия, и приходят в норму, лишь перед тем, когда девушка, готовясь кончить, второй раз просит меня приостановиться. «Не дождёшься!»

Афина вновь срывается на радостный крик и пытается обхватить меня ногами по талии, но натыкаясь на выставленные мною руки, лишь спустя пол минуты сладостного экстаза, поднимает голову. По улыбке, дыханию, румянцу, понимаю: она уже готова сдать, дать нам обоим время на передышку. Но, к сожалению или счастью девушки, я ещё не насытился её столь узкой и приятной пещеркой.

— Мы только начали, сестрёнка! — перевернув ту на живот спрыгиваю со стола, а после, рукой держа ту за волосы, начинаю долбить сзади как ту же Бьянку или Лили. Пошлые звуки её хлюпающей киски, в перемешку со шлепками и стонами, заполняют комнату.

— Трахни меня, жёстче, ещё жёстче! — доносится от Августы, и я послушно, одной рукой задрав той ногу к потолку, вплотную прижимаясь к самому лону, ускоряюсь до своего максимального предела. Кульминация близко, и на контроль её, как и на извлечение не остаётся времени. — Кончи в меня мой господин, хозяин, повелитель! — По видимому чувствуя то же, что и я, вседозволяюще кричит брюнетка, и я, всё так же одной рукой задирая той за волосы голову, кончаю. Августу, от каждого моего сокращения потряхивает; маленькая, вмещающаяся в ладошку грудь, сохранившая на себе отпечатки с силой сжимавших её рук, тяжело вздымается. Сама сестра, резким рывком бедра высвободив свою ногу, задницей оттолкнула меня от себя. Кажется, после нашего третьего раза, настроение у инквизиторши резко пошло на спад.

Так думал только я, лишь только она выпрямилась, как её ладонь, схватив меня за ту же рубаху притянула к себе, а после та попыталась совершить крайне неумелый, но наполненный любовью и страстью поцелуй. Безумие исчезло с красивых, зелёных глаз, и ему на смену пришли обычные и очень солёные слёзы. Смахнув их, я прижал ту к себе, и тихонько спросил:

— Ну чего ты так вдруг? — желая узнать причину появления этих неуместных, как на мой взгляд, выделения, лбом упёршись в её лобик, спросил я.

— Карл, пусть мой первый раз, который я всегда хотела подарить именно тебе, у меня и отняли силой, но поцелуй... Мой первый поцелуй в губы, я всё же смогла сберечь и отдать тебе. Прости, я действительно падший инквизитор... — Уткнувшись лбом в моё плечо, навзрыд зарыдала Августа. — Прости, прости меня Карл, за мою потерянную невинность, за тот день, когда не смогла сберечь тебя, и за то, что не помогла с ублюдком Тутлюсом, прошу, прости свою никчёмную старшую сестру...

— Тебе не за что извиняться Августу... — Одной рукой прижимая ту к себе, другой утешающе принялся гладить по чёрным, шелковистым волосам. Сейчас, пытавшаяся всё это время казаться сильной и непобедимой, девушка даже не плакала — она рыдала! Её поведение, жестокость, к которой та привыкла, полностью не соответствовали тому, что сейчас вырывалась из её души и рта. По видимому, сегодня без посторонних ей наконец-то удалось побыть той, кем она всё время и являлась: обычной женщиной, которой ответил взаимность любимый. Кто-то, при дворе императора, или быть может при церковном дворе, где та воспитывалась, посмел осквернить её. Изнасиловать и надругаться над одной из дочерей самого императора!

Понятия не имею, насколько должна быть влиятельной подобная личность, способная на такую дерзость. Но от чего-то, от самой макушки, и до кончиков ногтей ног, я уверен. Пусть пройдет месяц, год или даже десять, но однажды я добьюсь от зеленоглазой правды. И тогда наступит тот самый день, когда у меня, четырнадцатого принца великой империи, наконец-то появится первый, и по-настоящему опасный враг, добившись смерти которого, я, как принц и правитель точно смогу стать сильнее!

Наши с Августой занятия «гимнастикой» хорошо повлияли на резко пробудившийся перед ужином аппетит. Не став навязываться той с глупыми на данный момент вопросами «кто» и «почему», решил дать ей притереться в нашем особняке. Сейчас говорить с ней об обидчике было бессмысленно, даже если та и назовёт имя, что я сделаю? Этот человек точно из свиты императора, тот кто не боится гнева моих братьев обязан являть в себе силу и мощь, способною противостоять нашему роду. Скорее всего это кто-то из церковников: именно святой престол являлся второй властью после императора. Но, как говорилось ранее, сейчас заниматься решением этой проблемы, по факту являясь «принцем одной горошины», я не собирался. Точно так же, как и вводить в курс всех моих дел и планов сестру. О частоте моих профилактических работ со служанками тоже решил умолчать. Пока она не заводит эту тему, я тоже предпочту помолчать.

За трапезой Гвиний, уже прекрасно осведомлённый, чем мы с сестрой занимались, прям таки сиял. Ну ещё бы, столь тесные и «взаимно доверительные» отношения, говорили о ещё одной само собой решившейся проблеме, тяготившей того последние сутки. Единственное, что того слегка смутило, так это информация о том, что сестра не собирается более покидать «моё величество», и планирует занять место Капитана моей гвардии, заменив тем самым здоровяка Магнуса. Дедок одобряюще принял эту новость, а это в свою очередь означало, что мой личный, карманный инквизитор являлся крайне подготовленной фигурой. В принципе, когда та зубами перекусила мою бляху, уже тогда я задумался человек ли она, но, как говорится, поживём — увидим.

Отужинав, решил вынести на свой «мини совет» состоящий теперь из трёх человек, включая меня, вопрос, касающийся следующего дня. А именно: завтра я планировал под видом обычного горожанина, вместе с сестрой посетить таверну. Именно так я хотел услышать, что обо мне по настоящему думают жители, и позволить Августе самой убедиться в последних свершённых деяниях. Как оказалось, что там случилось с рабами инквизиторшу вообще теперь уже не заботило. «Было до было»... — краснея и тупя взгляд, признала свои прошлые речи обычным поводом для визита инквизиторша. Гвиний же напротив, как обычно многозначительно задумался. Старик считал, что данное действие, такому как мне, пойдёт на пользу, вот только опасность подобной авантюры затмевала все возможные плюсы. В итоге, кое как сначала убедив Августа, а после, пользуясь её авторитетом в глазах мага-целителя, мне удалось склонить ворчливого деда на свою сторону.

Утро следующего дня.

Шлёпая подошвами старых сапог по разбитой временем дороге, я с небольшой тоской наблюдал и принюхивался к каждой куче, оставленной на проезжей части вьючными и ездовыми животными. Ведь если людей гадить где попало мне чутка и удалось, то вот животных уговорить не срать где попало вряд-ли удастся. Да и штрафы с поркой в этом деле точно не помогут. Придётся терпеть, пока не найду выход из этого решения.

Двигаясь под пристальным надзором пущенным по новому, специально созданному на сегодня маршруту для моей личной гвардии. Не вызывая подозрений постоянно находился под присмотром как минимум десятка имперцев. К тому же, по соседству от выбранной мною сегодня для «развлечения» таверны, по приказу Гвиния, с частью своих армейских друзей гвардейцев и новоприбывшей ничего не подозревающей толпой добровольцев, свою отставку обмывал Магнус. От чего, прятавшийся под волшебной маской я, маг и инквизиторша, несмотря на задрюпанность и опасность одной из самых неприглядных городских таверн, должны были чувствовать себя в максимальной безопасности. К моменту когда мы соизволили прибыть к двери сего заведения, наши соседи по зданию, включая самого Магнуса, уже порядком так поднажрались, и во всю плотку вопили песни, восхваляющие империю и её гвардию. Сами же мы, молчаливо и прикинувшись странствующими путниками, тихонько забрели в крайне шумное, и также что-то празднующее место.

На первом этаже, с двумя десятками квадратных столов, во всю шёл галдёж. Несмотря на то, что эта таверна и таверна по соседству являлись худшими из худших, мест свободных здесь не оказалось. Справа от входа, на руках боролась пара то ли лесорубов, то ли плотников. Поддерживаемые своими болельщиками, с таким же как и у них повязками на лбу, мужики кряхтя и краснее, пытались не только побороть соперника, но и играя на публику своими бицухами, привлечь сидевших и глазевших на тех из-за соседнего столика женщин. Судя по всему, бабская компания являлась группой портних, об этом говорила их чистая и хорошо пошитая одежда, а также странные шуки на пальцах, которые, насколько я знаю, те использовали при шитье. Наперстники — кажется так они назывались. И зачем те их носили в повседневности? Возможно, чтобы показать свой класс, а может принадлежность к какой-то группе, не знаю...

Слева обстановка была чуть повеселее. Раскрепощённые на все сто процентов, два мужика в странных шляпах, разложив на столе бабу, драли ту в зад и горло, попутно успевая ржать как кони, и чокаться своими глиняными кувшинами. Как только один из них заканчивал, на смену приходил кто-то другой. Отводя шляхе всего минуту на то, чтобы промочить тем же пойлом своё горло и забрать положенную плату, та сама по готовности возвращалась

на стол и раздвинув ноги, подзывала к себе следующего, и что самое странное, у мужиков, глядя на это беззубое, грязное и заросшее волосами тело, стоял, да ещё и как!

Побоявшись сравнивать это пятидесятилетнее чудовище с одной из своих горничных, обратился к Гвинию с вопросом, а как быть дальше — столиков-то нет. На что не растерявшаяся Августа, хмыкнув, решила сама разобраться с возникшей проблемой. Сейчас, женщина в своём старом доспехе и скрытая магией измены лица, совершенно не отличалась от мужчины. Такого же роста как и я, более плечистая, хорошо подтянутая, обычный молодой наёмник. Похожих на неё здесь наблюдалась не мало.

Подойдя к одному из столиков, сестра осторожно сверкнула перед сидевшими по ближе к стойке группой серебряной монетой. Переглянувшись между собой, мужики хмыкнули. Затем в руке сестры заметил ещё одну, уже менее яркую медную, после чего парни, всё так же хмура поглядывая на Августу и нашу компашку, встали из-за стола.

— Аристократы... — Сплюнув передо мной на пол, рыкнул один, и специально зацепив плечом прошёл мимо, на удивление, не став затевать скандала.

Заняв столик, дабы не привлекать лишнего внимания заказали самую обычную по цене еду и выпивку. О чем вскоре я и пожалел. Ведь если бухло оно и в Африке бухлом да хоть как-то, но отдаёт, то жрать какую-то кашу, с хрен пойми какими грибами и овощами я себя заставить не смог. Ибо от неё так тухлятиной несло, что даже не такой уж привередливый Гвиний решил дополнить наш заказ жаренным поросёнком, причём щедро отсыпал местной жопастой прислужнице, попросив несколько самых свежих и хорошо прожаренных кусков.

— Если вы не против... — Без какой либо церемонности, и вообще не понимая, как такую «вкуснятину» можно не есть, пододвинула к себе наши порции Августа.

— Ну не пропадать же добру. — Видя, как лице мага от чего-то появилась лёгкая бледность, так же как и он, глядя на сестру, с улыбкой отозвался я.

Люди в таверне говорили много: выбранное сестрой место позволило нам хорошо слышать все интересующие местных вопросы, что те, постоянно подходя к прилавку, в ожидании своего стола, задавали трактирщику. В основном, большинство приезжих интересовал налог на въезд в город для повозок. Оказывается и такой у нас был... Также, они спрашивали о налоге на продажу, покупку, и о всей другой, кардинально изменившейся системе налогообложения. Все вопросы казались однотипными, и видимо, когда трактирщик уже устал по сотому кругу объяснять одно и то же, не выдержав, вспылил, сказав, что о налогах те могут узнать бесплатно в мэрии. Также удивило и ещё кое кое-какое происшествие.

Когда один из постоянных клиентов, нажравшись, спиной рухнул из-за стола и принялся блевать. В трактире показался коренастый, не типично смуглый для этих мест, лысый мужчина. Что подняв мужика, усадил того обратно к ржущей компании, а сам при помощи щётки и швабры принялся убирать с пола блевотину.

— Это чё, раб? — обратился к трактирщику пивший у стойки мужик. — Хэнк, тыж никогда не держал рабов, говорил, что резать тех ещё на месте надо, а тут...

— Да блять, принц наш, будь проклят со своими ебаными налогами, ты уже слышал, чё замутил? Мол, берёшь себе десяток рабов на обеспечение, и платишь месячный налог на десять процентов ниже. Ладно этим, на полях которые, им на хер десять ртов не усралось, они себя прокормить не могут, а для меня это прям жила золотая! — стукнув кружкой, начислил типу за счёт заведения трактирщик. — Эти смуглые свиньи отлично убираются, моют посуду, стирают, да и к тому же спокойно жрут остатки, прям как настоящие свиньи, да и прикинь, ещё мне спасибо говорят. И гости, что приезжие, что местные, в мою начищенную берлогу чаще приходиться начали. Не хочется признавать, но повезло мне с ними блять, если б тока не эти налоги ебаные... Эй, уроды, если ещё раз его ударите, штраф суки сами платите будете, я вас предупредил! — Вытащив тесак из-под прилавка, пригрозил железякой одному из ударивших раба трактирщик, а после затянув очередную историю для бухающего за его счёт гостя.

— Вы молодец господин... — Улыбнувшись, стукнул своим кувшином об мой Гвиний.

— Я тоже так считаю... — Понимая, что хоть что-то в своей жизни наконец-то сделал правильно, с улыбкой на лице отозвался я.

Глава 20 — Налог на налог от налога!

Поначалу всё казалось более радужным, чем я думал. Несмотря на всю необразованность, местные неоднозначно восприняли каверзное повышение налогов и систему скидок для рабов. Вольные трудяги, зарабатывавшие тем, что пашут на «дядю» ремесленника, случайным образом решились рабочих мест, ведь им «внезапно» предпочли рабов, которые мало что денег за работу не берут, так ещё и работать могут не хуже. Чем дольше мы сидели, тем больше подобных разговоров ходило в таверне. Панацей для некоторых стало появления набора в наёмную сотню Магнуса, но желавших рисковать жизнью ради денег оказалось не так уж много. Большинство местных «прихожан» искало обычную работу, после которой те спокойно могли отправиться к семьям или нажраться.

Как не глупо было о подобном думать, но мне требовалось создать новые рабочие места, точно такие же как на госзаводах, и прочих государственных структурах. Ощувив плюсы использования рабов, более состоятельные граждане всё чаще станут отказываться от работяг, что грозя вызвать массовые недовольство сильно скажется на общественном порядке и безопасности. Действовать требовалось незамедлительно. Думай, Карл, думай... О ком приходит в первую очередь мысль, когда говорят о бюджетниках? Учителя, врачи — не подходят. Далее идут бухгалтера, банкиры какие-нибудь, работники фабрик и цехов, которых у меня нет, ну и конечно же стройбаны, без них то никуда, вот только что мне строить? Дома, крепости? Но для кого...

— Для новоприбывших... — Осенило меня, и я, словно обретя второе дыхание, радостно вскрикнул: — Строители, вот кто спасёт наш город!

Несколько местных, включая трактирщика как-то с опаской поглядели на подскочившего меня, после чего, прихватив за ткань плаща, старик вернул мою задницу обратно на лавку.

— Будьте добры, поясните нам столь обрадовавшую его величество идею...

— Мы отменим налог на въезд и выезд из города. — Уже представляя как того заменю, произнёс я, получив в ответ скоротечное и моментальное:

— Нет. Это плохая идея, ежедневно, городская казна пополняется внушительной суммой и...

— Сначала выслушай Гвиний, — перебил я старика, и тот, не сумев устоять перед огнём в моих глазах, обречённо вздохнув, согласился.

Цель отмены налога заключалась в привлечении большего числа граждан и торговцев. Которые в свою очередь, останавливаясь в городе, будут искать ночлега. Именно здесь нам на выручку и придут рабочие, нанятые мною на стройку. Благодаря их усилиям, мы отстроим множество таверн и постоялых дворов, для всех населяющих Нивград классов. Потом мы активно будем строить и дома для решившей обосноваться у нас знати, ведь городов, позволяющих просто так въезжать и выезжать в свои стены, не так уж и много. На замену же утраченному налогу планировалось ввести новый. Налог на выхлопные газы, ну, или если говорить в понимании этого мира — налог на дерьмо. То самое, которое оставляют после себя все эти многочисленные лошади. Так, к примеру, крестьянин дважды подумает, прежде чем просто так пройти по городу со своим скакуном, ведь если тот испражнится, мужчине придётся либо убрать за ним, либо заплатить маленький налог, что по размеру окажется почти таким же, как бывший налог на въезд и выезд. К тому же, в городе в основном скакунами пользуется зажиточная знать, торговцы и перевозчики, зарабатывающие на доставке грузов деньги. Таким образом, с одной стороны мы не сильно нагрузим не владеющий животными низший класс, и заставим дополнительно раскошелиться богатеи, предложим тем либо разом заплатить за несколько дней, либо постоянно, каждый день тратить своё время на разговоры со стражниками.

— Деньги на лошадином дерьме... Интересно... — Всё так же играя со своими седыми усиками, протянул старик.

— Первый раз слышу подобную чушь, но знаете, в этом что-то есть... — Утерев проступившую от смеха под глазом слезу, проговорила Августа, а после, более сурово добавила: — Вот только торговцам от этого въездного, не холодно не жарко. Им плевать на тот медный при въезде, а вот при нахождении на торговой точке пять-шесть дней, может тех слегка поднапрячь. Не боишься, братец, что таким образом наоборот, потеряешь львиную долю богатого населения?

— Не боюсь, ведь специально для торговцев у меня есть другое предложение. Для них установим такой же налог как и в соседнем, самом популярном среди торгашей городе. А также предложим тем льготы. Мол, покупаете в нашем городе дом за кругленькую сумму, и пожалуйста, торгуйте с налогом ещё на пять процентов ниже, а если учесть сюда ещё и скидку за рабов и прочее... — Начал перечислять все выгоды я.

— Получается весьма серьёзный. Господин, если до этого додумались вы, то и они тоже придут к подобному выводу. Вам не кажется, что сумма, которую потеряет город... — Вновь скептически затараторил старик.

— Не думаю, — перебив того, отозвался я и продолжил пояснять: — Говорить им обо всем мы ничего не

будем, пусть считают себя самыми умными, высчитывая полученную в процентах прибыль. Мы же, как и мэрия, получим своё не от их пятнадцати процентов, а от тех, кого торгошники приведут за собой. Ведь для того, чтобы получить заведомые пятнадцать процентов налоговой скидки, торговцу придётся стать частью нашего города, а это значит купить здесь дом, а вместе с ним и рабов.

— Но так как доступного жилья у нас почти нет, и все новые дома будут построены за ваш счёт, то торговцам придётся покупать строения по завышенным ценам, а также ежемесячно платить налог и за них! — Точно так же, как и я ранее привстав со скамейки, радостно выдала Августа.

— Верно! — стукнул кулаком по столу я. — По первое, мы, получив огромную выгоду уже только за покупку недвижимости, то есть дома... — Видя некое непонимание в глазах спутников, заявил я. — Налоговый процент, что мы ежемесячно будем терять из-за рабов, частично компенсируется налогом за строение и закупкой продуктов питания для рабов.

Несколько редких хлопков, сделанных стариком, ободряюще подействовали на меня и сестру, буквально боготворившую мою гениальность своими глазами.

— Это превосходный план, юный господин, вот только где мы возьмём столько счетоводов, способных вычитать и сложивать проценты, числа и прочее. С одними лишь штрафами за испражнение на улице, мэрия, и местных чиновников, отвечавших за потоки финансов начало лихорадить. Ведь за каждую монету тем предстояло отчитываться лично перед вами, и внезапное появление одной лишней, или наоборот, её отсутствие, может привести к необратимым последствиям. — Дельное замечание старика пришлось к месту. И в правду, где нам взять такое число образованных людей? В размышлениях провёл больше получаса, обдумывая привлечение детей аристократов, самих аристократов, торговцев, но всё это сопровождалось большими финансовыми расходами и рисками. Ведь каждый из них имел за своими плечами громкое имя и своего покровителя, а значит, наказать тех за воровство куда сложнее, чем того же местного жителя.

— Выбора нет, старина, придётся учить крестьян... — От моих слов, что Августа, что сам старик Гвиний, одновременно прыснув, залили весь стол своим вином и слюнями. Кажется, идею обучать крестьян они вообще никогда и не для каких-либо своих целей не рассматривали.

— Карл, это безумие, ни один уважающий себя дворянин не возьмётся учить чернь. Это позор, понимаешь? Величайший позор тратить силы, старания предков, вложивших в тебя свои знания и душу, чтобы обучать какую-то грязную свару. — Как никогда категорично проговорила Августа.

— Поддерживаю вас, мисс. Даже под угрозой телесного наказания редко какой дворянин решится на это, а если даже и вам удастся убедить кого-то, качество проделанной работы оставляет желать лучшего. Да и вообще, я не думаю, что мы найдём в нашем городе хоть одного претендента, готового согласиться на эту работу, — заявил старик.

— Ну а если мы предложим хорошую сумму, такую, которой не заплатит никто другой? — спросил я у того.

— Тогда эта сумма должна быть эквивалентна всем тем годам работы наставника, ибо после подобных занятий с «грязью» ни один мало мальски уважающий себя аристократ не пригласит к своему ребёнку преподавателя, работавшего с рабами и нищими, — всё также холодно проговорил Гвиний, загоня меня с моей идеей в угол.

— Тогда что на счёт церковников и святош, Августа? — обратился я к сестре, потянувшейся к принесённой порции жаренного мяса.

— А что церковники? Ну умеет там читать парочка, считать ещё меньше, их дело молиться, а не дьявольские науки, порочащие людские души продвигать, — отозвалась девушка. — Хотя, к нашим монашкам учителя относятся гораздо лояльнее. Думаю, если взять девиц, находящихся на попечении женского монастыря, что на расстоянии в двух дней пути отсюда, проблем возникнуть не должно. Вот только как в письме убедить настоятельницу отдать своих подопечных...

— В письме? Я думал ты сама за ними съездишь, — скрывая улыбку подшутил над сестрой, получив в ответ ожидаемое «не дождёшься».

По итогу, сошлись реконструкции маленькой часовни, стоявшей у моего поместья. В отличие от имения Тутлюса, где та использовалась скорее для отвлечения внимания, моя же оказалась вполне себе нормальной, без камер пыток и всех тех шукувин, от воспоминания о которых кусок в горло не лез. Проблемой являлся только её измученный вид, прохудившаяся крыша и покосившиеся стены. По хорошему её вообще стоило снести и построить новую, но сестра сказала что «сойдёт», а после добавила:

— Думаю, настоятельница будет в неопишемом восторге, когда узнает, что мне удалось наставить своего брата на путь истинный, и тот, решив приобщить как можно большее число верующих к богу, решил обучать при помощи монахинь люд читать и писать, — повернув разговор в правильное русло, проговорила сестра. Ну а о том, что тех самых, обученных нормальным преподавателем монахинь будут эксплуатировать для учения черни, предназначенной для работы в моих канцеляриях, мы решили в письме умолчать. Главное заманить святош, а там, все в королевстве знают, насколько я жестокий и непредсказуемый правитель...

На этом с налогами, устройством местных безработных на стройку и расширением городских территорий покончили. Лес решили вырубать и возить со стороны шахты: именно на той территории, и её близлежащих землях планировалось мною в дальнейшем создание промышленного городка, и начавшаяся не так давно прокладка дороги от рудника до Нивграда являлась лишь первым камнем, выложенным мною при строительстве «Средневекового города мечты».

Закончив с тяготившими нас обсуждениями, заметили пару гвардейцев Магнуса, что, по видимому переживая, решили от греха подальше проведать всё ли у нас в порядке. Быстро отыскав нас в толпе, один из посвящённых кивнул нам и всеуслышанье произнёс: «и здесь нет», — после чего три громилы удалилось.

Столь внезапное появление гвардейцев не на шутку взволновало общественность, что отвлёкшись от своих тем, принялись перемывать косточки служивых, а вместе с ними и мои. Теории пошли самые разные, и одна краше другой. Ребята помладше, наслушавшись рассказов своих ровесников, чуть ли не восхваляя меня за спасение трёх девушек, говорили о том, что «Я», войдя во вкус охоты на дворян, принялся искать и истреблять всех неудобных и опасных для своего народа. Мол, что именно для этого в город и прибыл сам «Карающий меч» церкви, и теперь, мы вместе боремся с подонками и убийцами. Другие, успевшие наточить на меня свой зуб, жаловались за красные задницы и закон, запрещающий делать «дозволенное небесами», а именно испражняться. Третьи говорили о резко уменьшившемся числе разбойников на дорогах в нашем регионе и об попросту исчезнувшей с улиц Нивграда преступности. Большая часть местных шаек, узнав об убийстве лорда, причём без суда и следствия, тотчас собрали манатки и мигрировали. Ибо не по масти им воевать с имперской гвардией на улицах, да и дразнить того, кто крупную рыбу двумя зубами перекусывает местный криминалитет тоже не хотел.

«Умные ребята поступили по умному», — понимая, что в этом опять помогла моя дурная слава, усмехнулся, и вновь подозвав прислужницу, попросил ещё один кувшин местного пойла.

— Юный гость так много пьёт, а ведь это вредно для мужской силы. — Фактически положив свою грудь на голову сидевшего ближе к проходу Гвинию, проговорила служанка, а после, взяв в свои руки три пустых сосуда, неспешно выпрямилась. — Да для человека в статном возрасте тоже не очень... — Толкнув в плечо старика своим пышным задом, хихикнула женщина возрастом чуть старше тридцати. Дед покраснел, по его проступившим на лице жилкам я понимал: он бы и рад ответить барышне, ущипнуть ту или быть может даже руки распустить, но только не при нас же с Августой, тем более, после всех тех слов сказанных им в сторону черни, которую тот так не любит.

Отвернувшись в сторону окна, предложил туда же взглянуть и сестре, намекая на что-то поистине интересное и делая вид, что отвлёкся от старой и пухлой «какетки», сам исподтишка и косясь, обернувшись, увидел то, что ровным счётом и ожидал.

Старый хер, не сводя глаз с медленно удалявшейся от нас женщины, что специально посильнее виляла задом для привлечения именно его внимания, едва слышно выругался, а после, для попытки восстановления самоконтроля, закрыл глаза и произнёс:

— Вот это женщина...

«Вот от кого-кого, но от тебя-то, Гвиний, я подобной прыти уж точно не ожидал». Глядя как тот всё же решившись, встал из-за стола и резво, словно молодой, двинулся за толстухой, подумал я.

Глава 22 — Очередной трофей

Пообщавшись немного с пухлой служанкой, старый, отвесив пару лишь им с женщиной двоим слышимых шуток, заставил ту громко и искренне ржать на пол трактира. После чего та, бесцеремонно заключив старичка, что был ниже её на полторы головы, в своих объятиях страстно засосала, приподняв его в воздухе. Слегка трэшёвая картина заигрывания двух особ возрастом за пятьдесят, заставила глаз нервно дёргаться. От чего-то данная сценка показалась мне слегка противной, а вот Августа же наоборот, заметив куда я тарашусь, смущено покраснелась и застенчиво переведя взгляд на меня, добавила: «любви все возрасты покорны». За сегодняшний день, проведённый с этими двумя, я намного лучше стал понимать своих придворных. Казавшийся строгим по отношению ко всей черни Гвиний, на самом то деле ничего против данного класса не имел, и вёл себя так с прислугой из-за разницы в классе, на которой и держался этот мир. Старикан отлично чувствовал себя и под личиной простака путника и в должности советника принца. Августа же по факту являлась «Бой бабой», рубящей всех и всё с одного плеча. Бесцеремонная, с отсутствующими манерами, она не могла показать себя с хорошей стороны при общении со знатью, но знала, как следует поступать при ведении дел с обычными людьми, среди которых та, по видимому, и проводила большую часть своего времени. Даже статус принцессы не особо помогал ей, ведь для «священнослужителей» первым в деле был духовный «Сан», имена же, и бывшие титулы отходили на второй план.

— Господин, скажите, мы ещё долго будем в данном заведении... — Вернувшись, со следами засосов на щеках и шее, с улыбкой поинтересовался Гвиний. При этом улыбаясь и постоянно заглядывая себе через плечо. Позади, навалившись на грязную стойку и вывалив на ту свою большую грудь, стояла служанка, кокетливо махая ему платком.

В таверне становилось беспокойно: пялившие рабыню мужики то ли по пьяни, то ли ещё из-за чего, начинали спорить на повышенных тонах, закатывая при этом рукава. Также, к ним вот-вот должен был присоединиться другой, поглядывавший всё это время на шпюху, столик. По видимому те, желая воспользоваться начинающейся заварушкой, решили прикарманить себе столь манящее их женское тело.

— Сопроводи меня до кареты со стражей, и можешь быть спокоен. — Проговорил я, понимая, что одна лишь Августа в случае атаки сразу в нескольких направлений вряд-ли сможет защитить меня от удара клинком в спину, а умирать мне в этом чудесном мире ой как не хотелось.

В след за нами со своих мест поднялся и ещё один столик. После же медленно, стараясь не спугнуть, повели нас к выходу, ни в чем не бывало прощаясь с хозяином и некоторыми постояльцами. Походу, разговоры о покинувшей город преступности оказались преувеличением, или просто парни, при виде тугих кошельков Августы и щедрой оплаты Гвиния, не смогли остаться в стороне. У самого входа дверь резко распахнулась, и в неё влетел какой-то ребёнок. Что стукнувшись об мою стальную Августу, со шлепком отлетел в сторону и плюхнулся на пол.

— Щенок хотел стащить у меня кошелёк... — Переложив руку с меча на клинок, прятаясь под плащом, произнесла сестра, отчего осознавший опасность всей ситуации воришка, с животным страхом глянув на инквизиторшу, с низкого старта рванул обратно к двери. Вовсе позабыв о своей миссии, в след за ним кинулась и Августа. Понимая, что нам нельзя разделяться, дёрнулся за ней вместе с не таким уж и немощным стариком.

Уже через минуту, в первой же подворотни мы нагнали обоих. Одной рукой прихватив воришку за ногу и подняв того над землёй, сестра с победоносной ухмылкой, вытащив клинок, предложила мне самому решить судьбу нашего пленника.

— Пусти, пусти меня плоскогрудая уродина с лицом мужика! — Не теряя надежды высвободиться, и махая руками и ногами, желая задеть воительницу по лицу, верещал коротко стриженный пацан.

— Как ты меня назвал, грязный кусок дерьма? — получив удар по самой больной точке, а именно по внешности, вытянула свой короткий кинжал Августу, а после полоснула пленника по тугой льняной рубашке.

— Отпусти его... — Преградив единственный выход из тупиковой подворотни, басистым голосом проговорил один из мужиков, сидевших неподалёку от нас в таверне. Вытащив свои зубочистки, пятёрка, словно и не воспринимая старика за опасность, медленно приближаясь, концентрировала всё своё внимание на Августе.

— О, гляньте, у Эда сиськи и хвост! — слегка растерянно крикнул один из пьянчуг, ткнув пальцем в всё также висевшего в руке Августы преступника, ну а вернее, как оказалось, преступницу, что, перестав брыкаться, обеими руками смущённо прикрывала не только свою плоскую как доска грудь, но и показавшейся из-под взрезанной повязки хвост. — Так этож что получается, у нас все это время была свободная дырка? — хохоча, вновь проговорил пузатый гангста с ржавым ножиком в руке.

— Вы чего, парни, я же тоже, как и вы! — осознавая, что даже если и освободится, ту ожидает участь не из приятнейших, раздосадовано проговорил воришка.

— Ну так если всё это время ты была одной из нас, то и ножки своим могла для свояков пару раз раздвинуть... Но ничего, все Зорфы мужчины лжецы и скотоложцы, а их суки только на роль шлюх и годятся. Ты обманул нас

Эд, и мы заставим тебя отработать всё сполна... — Почесав яйца, проговорил самый крупный из бандитов, для которых всё уже было кончено. Редкие щелчки тетивы за секунду превратили пятёрку горе грабителей в подушечки для стрел моей гвардии.

Не забывший от греха подальше поднять вокруг нас защитный барьер Гвиний, жестом поприветствовал одно из стражников, что запыхавшись извинился за их с гвардейцами задержку.

— М-маг? — всё так же прикрывая грудь, заикаясь произнесла Зорфа. — Что в подворотне делает настоящий маг?

— Принц Карл, как мы с вами поступим с трупами и этим болтающимся куском мяса? — Развеив барьер и нагоняя страху на нашу пленницу, приблизился к нам старик, при этом не забывая корчить не свойственную тому в быту злобную рожу.

— П-п-п-ринц? — голова Зорфу со скрипом повернулась на двадцать градусов, после чего та с ужасом заметила, как растворяется магия Гвиния, и вместо задрыпанного путника перед зверюшкой предстаёт одетый в дорогие одежды высокородный наследник великого императора. — Принц Душегуб... — Едва испуганные глаза поняли, кто перед ней, как глаза девчонки тотчас закатились, тело обмякло и та, потеряв сознание, опустила руки, в очередной раз продемонстрировав свои молочные железы, к слову которые у той всё же были.

Вновь одно лишь моё имя нагнало такого ужаса на зверюшку, что та даже в сознании не удержалась. Удобная функция для запугивания, в быту грозила стать крайне бесполезной способностью.

— Карликовая Зиф. Интересный экземплярчик, однако... Слышала, что она одна из потомков рода Зифов, который вы, брат, приказали истребить. Мне прирезать её? — поднеся нож к горлу девчонки спросила инквизиторша.

— Карликова? Тогда сколько ей лет? На вид шестнадцать максимум, — удивлено спросил я.

— Нет, судя по сформировавшемуся хвосту, да и достаточно хорошо сложенной груди, думаю, ей уже больше двадцати. Эта порода зверей редко доживает, и уж тем более дорастает до столь взрослого возраста. Полагаю, девчонка довольно умна и сообразительна, раз смогла не только выжить, но и обосноваться в нашем городе в качестве свободного горожанина. — Вмешавшись в наш с Августой разговор, проговорил всезнающий Гвиний.

— Больше двадцати, говоришь... — Потирая руки и присматриваясь к бессознательному телу, проговорил я. — Советник, какое нынче наказание предусмотрено для грабителей и разбойников в нашем краю?

— В зависимости от тяжести содеянного. Но в основном, убийство и грабёж знати чреваты пожизненным рабством и рудником, — накручивая на палец длинный и седой ус, проговорил старик.

— Тогда пришло время кое что изменить, — грозно шикнул я. — Этих пятерых обезглавить, тела и головы насадить на пики и в наизидание другим разместить у мэрии. Также, пусть глашатай изо дня в день, пока на пиках их головы и тела вещает. Отныне, за грабёж на улицах и землях четырнадцатого принца — смерть. За нападение и разбой — смерть. За кражу или мелкое воровство, плети, штраф или при отсутствии возможности выплатить его — рабство и рудник!

— Будет исполнено, ваше сиятельство, — одобряя каждое из нововведений, кивнул Гвиний.

— Так, а с этой то что? — кивнув в сторону болтавшейся в бессознательном состоянии зверушки, спросила сестра.

— А с ней я хочу немного поиграться... Связать и в особняк. Она посмела попытаться обокрасть мою прекрасную сестру, и должна быть за это наказана с особой жестокостью, — произнёс я, а после, глядя на раскрасневшуюся Августу, вновь спрятавшую голову под чёлкой и поджавшей ножки, добавил: — Ты так не считаешь?

— Прекрасную сестру... — Свободной ладонью прикрыв взмокшую между ног одежду, словно одержимая демоном похоти, проговорила инквизиторша, но после, понимая, что на нас смотрят её подопечные гвардейцы, вострепнувшись, кивнула. — Я, великий инквизитор империи, заставлю это грязное животное благодарить за потраченное на неё ваше драгоценное время!

— Не сомневаюсь... — Щурясь и подумывая как можно использовать не только зверушку, но и мою разгорячённую сестру, отозвался я.

Глава 23 — Опять работать?!

Думая о той соблазнительной зверушке с её, с виду, мягким хвостиком, уже представлял, как та со слезами просит меня сотворить с ней и то и это, и другое. От всех этих грязных и поистине злодейских мыслей, во мне даже некое чувство альтруизма пробудилось. Глянув за окошко своей кареты, заметил едва-едва показавшуюся на небе луну, и не успевшее до конца скрыться за горами солнце.

Проскочившая в моей голове парочка «клишированных» идей, подсказала путь к пополнению городского, и в том числе моего бюджета. Будучи задротом и любителем аниме, я много раз видел, как ояши в каждом втором аниме колотят деньги на майонезе и прочей херне. Про первое так я вообще столько раз слышал, что даже сам, отродясь не готовя, знал чего там и столько. Так что, двигаясь попутно в мэрию, прикупил одну разваливающуюся лавку, а вместе с ней, на сдачу, хозяина лавки и всё его семейство. Оставив с теми пару своих гвардейцев, передал им быстро накинутый мною список необходимого для покупок инвентаря и продуктов. Между тем, сообщив о важности данного конечного продукта, велел по готовности первой партии отправить отчёт мне лично в руки. Казалось, не ожидавшие, что им поручат столь важное дело служивые, по началу даже растерялись, но после, понимая, как им «доверяют», с гордостью ответили коронным: «Будет исполнено!»

По факту я то сильно и не переживал за успех данной авантюры. Вся эта излишняя секретность с рецептами и прочим, в мире, где есть магия, как на мой взгляд лишь мешает работать и продвигать свои идеи. К тому же, патент на данный товар, оформленный самим четырнадцатым принцем, вряд ли кто решится оспорить. Просто делай и подавай, считая бабки, с которыми также у меня никаких проблем не наблюдалось. Ведь помимо того, что я собирал с города, «любящий» папочка, сидящий на троне, заботливо присылал своим детишкам кругленькие суммы, лишь бы те только не ссорились и не гавкали на того, кого не положено.

Хочешь войой, хочешь не войой. Занимайся чем только душе угодно, папенька всё для тебя сделает. Вот только не утонуть бы среди этих чужих, кровью заработанных денег, лишившись потока которых, я однажды могу остаться у разбитого корыта. Нет, этому не бывать. Я превращу Нивград в идеальное место для заработка денег. Построю множество городских постоянных дворов, возведу прекрасные бани и купальни, за уши притяну, если потребуется, в город торговцев и другую аристократическую блядь, что поможет поднять имидж моего Нивграда.

Прикинув, что может понадобится развивающемуся городу, черкнул на бумаге несколько важных вопросов, требовавших решения в кратчайшие сроки. Первое — ресурсы. Городу требовалась пригодная для строительства древесина, обтёсанные камни и желательна строительная глина, обжигая которую мы могли получить нечто на подобии кирпича и той херни, использовавшейся для строительства крыш, черепицы кажется. После, мне требовались рабы, очень много рабов. Уже сейчас, с начавшейся вырубкой лесов у рудника, ощущалась сильная нехватка рабочих рук, транспорта и вьючных, тяговых животных, что могли сильно ускорить строительство. Проблемы пригнать тысячу другую из рядом стоящей столицы нет никакой. Вот только где их размещать, в поле? А охранять кто будет? Бюджет для городской стражи и так велик, а по видимому станет ещё больше, поэтому требовалось как можно быстрее начать получать деньги от майонеза, ведь именно они и станут той экспортной единицей, что позволит городу без моих собственных вложений обеспечить себя ещё одной финансовой жилкой.

Заехав в Мэрию, нашёл гонца и одного из местных торгашей, что по нуждам города ездил в столицу и закупил всё необходимое.

Сегодняшней его целью стало приобретение двух сотен кур, десятка коз, двух тяговых быков и телег, на которых тот, собственно, и должен был доставить всё необходимое к руднику. Также велел тому взять десяток здоровых рабов. Ими я планировал перекрыть дефицит шахтёрской рабочей силы, а также поменять их на пашущих при строительстве дорог женщин, которых, в свою очередь, планировал отправить ухаживать за животными. Данное действие должно было позволить шахтёрскому поселению снизить зависимость от провианта и его поставок. Из-за чего и без того ощущающий нехватки рабочих рук и транспорта Нолберт, тратил множество ресурсов и времени на всякую херню. Также велел с завтрашнего дня начать набор местных жителей на строительные работы, сделав упор на постройку сараев для хранения рабов у всё тех же шахт. Именно то место я планировал сделать перевалочным пунктом для всего доступного людского ресурса. К примеру, торговцы, испытывающие банальную нехватку места для размещения своего товара в городе, могли взять в аренду один из барачков, где их товар, под защитой сможет ожидать, когда торговец, продав одну партию, вернётся за второй. Ведь именно невозможность вместить на рыночной площади всех желающих, уже однажды, пусть и очень давно, стала причиной больших недовольств и даже беспорядков в городе. Коих мне, собственно, и следовало избегать в первую очередь.

Столь неожиданное требование о покупке пришлось больше часа согласовывать с главными местными управленцами, следившими за происходящим в городе. Старые хряки, привыкшие к спокойной и размеренной жизни, крайне неохотно соглашались на любое заставлявшее тех шевелить своими задницами действие. Отчего

мне даже пришлось припугнуть тех возможной сменой кадров: «Если столь уважаемые мужи боятся, что не справятся». Как оказалось, дар убеждения у меня всё же присутствовал. Сутки — ровно столько попросили мне дать аристократы при правлении мэрии для возведения нужных загонов для животных и рабов у территории шахты. Велев не жалеть денег из бюджета на найм рабочих в городе, а также найм пары учителей из столицы для обучения «нужных мне людей». Наигравшись в управленца, решил наконец-то направиться домой, ведь помимо всех Нивградских забот, нам с Августой ещё предстояло написать письмо для настоятельницы монастыря.

Выйдя наконец-то на улицу, заметил всё также красную, но только теперь, чуть более светлую полосу вдоль скал.

— Мы так быстро справились, сестра? — перед тем как сесть в карету, произнёс я.

— Это рассвет, брат... — Взяв меня за руку и помогая подняться по высоким ступенькам, с усмешкой проговорила девушка. — Ты хорошо постарался Карл. Я действительно приятно удивлена тому, что ты изменился в лучшую сторону.

— Я тоже Августа, я тоже... — Понимая, что впервые в жизни по настоящему работал, заботясь о нуждах других до самого утра, с переполняющим меня чувством гордости, отозвался я.

Новый день для меня наступил также внезапно, как и закончилось утро. Едва я успел сесть в карету, как меня вырубил, и вот, я уже просыпаюсь от слепящего света, падающего через окно мне прямо в лицо.

Стараясь сохранять невозмутимость при стоящей у моей кровати сестры: Лили и Бьянка, стараясь держаться от меня подальше, помогают лично назначенным горничным Августы привести меня в порядок.

— Который час? — под пристальным, пожирающим мою голую задницу взглядом воительницы, интересуюсь я в момент, когда служанки помогают мне усесться в заранее принесённую купель.

— Полдень, лежебока. — Говорит Августа, а следом, когда её работницы заканчивают меня натирать, хлопком даёт тем команду исчезнуть. — Вы двое останьтесь. — Говорит она моим личным рабьям, — теперь ваш черёд, должны же вы свой хлеб отрабатывать.

Девушки, покрасневшись, кивают и не поднимая головы, в полном наряде горничных, залазят в мою здоровенную «ванную». Горячая вода мгновенно охватывает их белые передники и рубашки, отчего из-под в миг посветлевшей одежды я замечаю их голые тела. Сегодня на них совершенно не было одежды. Прильнувшая ко мне слева Бьянка, взяв мою руку в захват своей большой грудью, берёт переданный подошедшей Августой сосуд с ароматным маслом. Тонкая струйка созданная сестрой стекает по моим плечам, опускаясь в воду, отчего из-за движений так же забирающийся к нам Лили, та начинает слегка пениться.

— С чего бы тебе делать мне такой подарок, сестра? — обращаюсь я отставившей в сторону сосуд с маслом, и принявшейся массировать мне плече инквизиторше.

— Твой дружок так долго стоял по утру, это должно быть невыносимо, когда снизу он, наливаясь кровью, испытывает такие нагрузки, вот я и решила слегка облегчить твои страдания... — Плечом ощутил как Августа, пытаюсь прижаться ко мне своей пещеркой, начинает ёрзать. Зеленоглазая всегда носила обтягивающие до максимум задницу и ляжки штаны, отчего любое её возбуждение хорошо просматривалось, и ощущалось от любого касания или взгляда брошенного мною в её сторону.

Тем временем, Лили, демонстративно устроившись у меня на коленях, пару раз пройдясь руками по моему члену и убедившись, что тот готов, стала ёрзать, пытаюсь в воде поднять потяжелевшее платье.

— Уверена, что не хочешь сейчас быть на её месте? — спросил я у сестры, а после, чутка повернувшись, приставил два пальца к приоткрывшимся от возбуждения половым губкам, всё также находившимся под защитой прочной ткани.

— В отличии от тебя, я не готова делать это в присутствии, и уж тем более при участии грязных животных, в виде этих рабынь, — тяжело и одновременно ахнув с присевшей на моего друга Лили, проговорила Августа.

— Лили и Бьянка люди, и да, насчёт животных, что там с нашей Зорфу, где она сейчас? — чутка сильнее надавив своими на эрогенную точку инквизиторши, спросил я, и следом губами коснулся высвободившейся наружу смуглой груди Бьянки.

— Я кинула ту в камеру. — Двумя руками обхватив мою ладонь и став по собственной воле направлять ту как ей заблагорассудится, ответила воительница. — Брат, ты ведь и с ней планируешь сделать тоже, что и с этими двумя, верно? Хочешь трахнуть это убожество, но, могу ли я тебя от этого отговорить? Не пойми неправильно, ты сын императора и можешь делать всё, но это уже слишком. Она ведь Зорфу, предки её были зверьми, что ничем не отличаются от тех же свиней, коз и овец, которых мы едим. Пусть она и не порочна, я лично убедилась, но всё же. Я не хочу, чтобы ты совал свой член в её звериное влагалище! — Закончив с речью, и задёргавшись, простонала Августа. Теперь, я наконец-то понял, к чему по утру такая щедрость со стороны сестры. Ублажив меня при помощи более приемлемых с её точки взгляда человеческих рабынь, та планировала подавить моё мужское либидо, вынудив отказаться от затеи трахнуть зверюлку. Что же, отчасти ей это удалось, и сейчас, спустив всё в Лили, я действительно под утратил пыла, но, к сожалению для сестры, не настолько, чтобы отказаться от экзотического соития с звероженщиной.

Вспомнив слова сестры о потере невинности и её горькие слёзы в тот момент, выругавшись, распрощался с хорошим настроением. Поступать с той малышкой точно так же, как некогда поступили с Августой, означало уподобиться тому ничтожеству, которое я сейчас так презирал. Блять, будь она хотя бы уже использованной, я бы даже не задумался, а тут такая ситуация.

— Умеешь ты, сестра, испортить настроение, — поднявшись из воды, ответил я, позволяя напоследок Лили язычком пройтись по моему достоянию, а после, выданным Августой полотенцем обтереть меня с ног до головы. — Могу заверить тебя, я не заберу её целомудрие и...

— Всё не так, я говорила не об этом! — с опозданием осознав то, о чем я подумал, резко выдала та, а после, обняв всё ещё влажного меня, добавила: — Ты вообще не должен был думать о подобном, ведь я имела в виду, что она Зорф, и только...

Сказанное сестрой не сильно способствовало возвращению моего хорошего настроения, но тут уж ничего не поделаешь. Может и неосознанно, она всё же натолкнула меня на правильные решения. Эта молодая зверолодка не сделала мне столько зла, сколько я мог бы причинить ей своими действиями в ответ. Так что, придётся мне ждать другую такую, хвостатую, миленькую, и, быть может более опытную зверушку, что наконец-то сможет утолить мои анатомические и похотливые интересы, основанные на изучении разных интимных зон и мест жительниц этого мира.

После мыльно-развлекательных процедур, не завтракая направился к пленнице. Пусть к её телу интерес мой пропал безвозвратно, к её знаниям, умениям и возможностям кое какое любопытство я ещё сохранил. Вне зависимости от того, можно ли ту трахать или нет, она и другим путём могла сослужить мне хорошую службу. Собирая информацию об важных городских личностях, обитающих в подполье, рассказывать местные сплетни, байки, с моего плеча распространять нужные мне слухи. Через эту, как сказал Гвиний, умную личность, я собирался добывать нужную информацию: оставалось только услышать цену, и на этом вопрос закрыт. Так думал я, но всё оказалось чутка сложнее.

Лишь только при виде приближающегося меня, коротышка, чуть ли не визжа забивалась в угол. Чуть ли не взбираясь на стену, та, заливаясь слезами, соплями, в истерике билась, кричала и молила о пощаде. По началу я думал переждать это, и разместившись за прутьями клетки стал ожидать, когда та успокоится. Вот только время шло, а зверушка как плакала, пуская крокодиловы слёзы, так и продолжала рыдать, всё больше и больше уделяя времени слёзным речам и молитвам возвышавшимся к богу. Если первое время это бесило, то через двадцать минут стало даже забавным. Устроившись на стуле напротив клетки, велел прямо сюда принести мне столик и обед, после чего, спокойно, всё также глядя на пленницу не евшю со вчерашнего дня, принялся поглощать свой очень сытный, королевский завтрак. Отчего малышка, видя моё спокойствие и что ту никто не пытается пытать или допрашивать, удивлённо и не теряя ужаса в своих больших, красных, заплаканных глазах, стала поглядывать на меня.

— Вам нравится есть плоть зверолодей перед новыми жертвами? — по видимому смирившись с участью смертницы, глядя на то, как я зубами прохожусь вокруг куриной ножки, пробуя ту с новым специально приготовленным для меня соусом, спросила та.

— Ну да, а ты что, не видишь? — показав той куриную косточку, хмыкнул я. — Будешь? Хочу сказать, мои повара готовят зверочеловеченку так, что пальчики оближешь. — Приняв каждое моё слово за чистую монету, девушка вновь захлопала носом. Её бурчащий живот я слышал даже будучи на большом расстоянии от прутьев и самой девчухи. Не имея ни малейшего представления сколько та не ела, взял в руки кусочек, и выслушав предупреждения от стражника, нацеленные как на меня, так и на девушку, для которой любое резкое движение — это смерть, протянул мясо через прутья.

Не дёргаясь, с текущими по бороде слюнями, девочка, как и требовала стража, двигалась ко мне по свежи устланной соломе на четвереньках. Несмотря на голод, взяв кусок, та сначала принялась, после, лизнула политую мною сверху желтоватую субстанцию, отчего в её животе всё заурчало ещё громче. Ощувив весь вкус жареного мяса и соуса сверху, словно дикий зверь, та впилась зубами в мясо, принявшись отрывать большие куски и не пережёвывая, словно утка заглатывать. «Животное» — прокомментировал происходящее стражник, и в данный момент я мог с ним согласиться, ведь голод из кого угодно мог сделать дикое животное, без принципов и каких-либо нравов.

Глядя на эту облизывающуюся, и едва не мурчащую от кайфа зверолодку попытался вспомнить, какая же из местных кухонь могла бы вызвать на моём лице столь же сильные эмоции. Первым на ум пришла хорошо выжаренная свинина поданная с забористым, алкогольным аналогом кваса. На этом все мои хорошие воспоминания о местной еде и готовке завершились. Слушая как зверёк своими зубами с лёгкостью перегрызает и ломает кость, вспомнил о чипсах, снеках, картошке фри и коле. Как же сильно мне не хватает этого маслянисто-крахмального вкуса. Весело булькающих в сладком напитке газов и булок, что не вмещаясь во рту направляли в желудок перемешанную смесь из овощей, соуса и мяса. Чёрт, хочу в Мак...

— Точно, фастфуд! — выдумав ещё одну достопримечательность для своего города, ударом кулака об ладонь, привлёк внимание разобравшейся с ножкой, и стихшей зверолодкой. Сейчас, та всё также напряжённо поджав под себя ноги, сидела и глядела на меня своими большими, серыми глазами, что не так уж сильно отличались от человеческих.

— Ну и как тебе человечина со стола принца? — отвлёкшись от строительстве бизнеса связанного с фастфудом, спросил я у моей «тихони».

— Очень вкусная курица, ваше величество, никогда не ела ничего вкуснее. — Уткнувшись лбом в пол и попытавшись поцеловать мой сапог, проронила та.

Едва успев убрать ногу, сделал шаг назад. Нет, мне конечно приятно, когда девушки ноги целуют, но не в прямом же смысле этого слова, или, вернее... Чёрт, мысли все попутались.

— Но это ведь мясо зверчеловека, сама же сказала... — Вернув мозгам ясность, а голосу былое величие, ответил я, глядя на и без того убитое горем лицо зверушки, что восприняла моё нежелание позволить поцеловать сапог как личное отвращение к её виду.

— В голодные годы я пробовала мясо людей и зверей, прошу, простите меня за мои выводы и ошибки. Эта курица действительно была самой лучшей едой в моей жизни, — не поднимая головы, проговорила пленница, под которой, на не усланной соломой каменной кладке пола, появились первые тёмные капельки, оставшиеся от её слёз.

Общение с угнетёнными и малоимущими в этом мире являлось чем-то настолько одинаковым, что порой даже начинало заёбывать. Поклонение, обожествление, страх, словно перед всевышним, бог император мать его, сошёл к смертному и теперь тот, пробивая головой пол, должен показать свою преданность и бла-бла-бла... Рыдающей она мне больше нравилась.

— Ты в курсе, что попыталась украсть деньги у святого инквизитора Августы? — капельки слёз перестали падать, сама же девушка, тяжело вздохнув, обречённо выдала: «о боги...». — Но помимо этого, твои товарищи, или друзья, не знаю, кем те тебе приходились, хотели не только ограбить нас, но и, похоже, даже убить. Меня, четырнадцатого принца Карла Людвига Мидчела Четырнадцатого, хранителя и защитника этих земель... — От каждого моего спокойного слова, зверушка будто под давлением гравитации всё сильнее и сильнее прижималась к земле. — Есть что на это ответить?

— Смею молить лишь о быстрой и безболезненной смерти, о, милостливый господин! — в очередной раз удивив меня, решительно, без дольки сомнения выдала зверюшка, после чего, я, решив ещё немного поиграть с той в злого принца, задумчиво сел на стульчик, скушал пару долек нарезанных свежих овощей и выпил бокальчик лёгкого вина.

— Нет, — холодно ответил я. Отчего пленница, обречённо ударившись лбом в пол, вновь начала рыдать. В этот раз её терзания продлились всего несколько минут, и по видимому выплавав всё без остатка, та утерев слёзы рукавом, вновь подняла голову и взглянула на меня.

— Вы чудовище, душегуб и тиран, ваша чёрствая, злая душа никогда не обретёт покоя... — Слыша всё это, стражник было дело хотел заткнуть решившуюся выговориться девушку, но я, наконец-то получив желаемое, с улыбкой глядя на раскрасневшуюся в словесной агонии милашку, того остановил.

— Закончила? — когда та по третьему разу повторила все ей известные проклятия и наконец умолкла, спросил я, но пленница, и так считавшая себя покойницей, даже не кивнула. — А ведь знаешь, я же, будучи принцем, не просто так общаюсь со всяким сбродом, угощаю того едой со своего стола, пытаюсь поговорить. По началу ты мне даже понравилась, и я не собирался «убивать тебя милостливо», как ты просила. Наоборот, я хотел тебя отпустить, но сейчас...

Девушка вновь взмолилась, извинялась, обещала сделать всё, что только может, всем, что только у неё есть искупить свою вину. Главным её козырем стала невинность и промежность между ног. Обещая лечь под кого угодно и столько раз сколько мне угодно, она, отчаянно цепляясь за жизнь, клялась выполнить абсолютно всё, лишь бы выжить. Соблазнение и создание компромата на дворян, помощь в устранении последних городских

преступных банд или, если всё это мне не интересно, проституция и помощь в обслуживании моих солдат. Всё это она предлагала тому, кто ещё не так давно и сам бы не отказался попробовать молодое звериное тельце на вкус. То, как в этом подвале на меня глядит бедная пленница, очередной раз пробудило старые воспоминания о никчёмном Тутлюсе и его забавах. Сейчас уже, глядя на все те обезображенные тела из текущего моего положения и статуса, меня не тянуло блевать или бежать прочь от того места. Лишь отвращение, да и вчерашняя смерть тех пятерых: при мне впервые убили такое количество людей, а я прошёл мимо их тел, словно ничего и не было. Должно быть я действительно начал черстветь...

— Свою дырку между ног можешь пока себе оставить... — Устав рассуждать о «былом и вечном», как-то даже для себя уж слишком сурово выдал я. — Я сохранию тебе жизнь, но в обмен, ты будешь работать на меня. Всё что ты сейчас сказала: имена, компрометирующие действия местных господ и дворян — всё это, ты под запись перечислишь уважаемой Августе, а после отправишься в город собирать для меня информацию. Мне интересен любой, кто нарушает законы моего города или обманом пытается заработать на мне или короне. Я хочу знать кто эти подонки, что жрут, с кем трахаются, когда ложатся спать и даже когда ходят на сортир.

Зверолюдка, всё также глядя на мою обувь, молча слушала и кивала. Будучи напуганной, сейчас она была готова пойти на всё, лишь бы выбраться из этих стен.

— Также, я надеюсь ты понимаешь, что не дай бог я узнаю о том, что ты попыталась покинуть город, или кому-то проболталась о нашей с тобой маленькой договорённости, — к всё так же упёршемуся в пол лицу рабыни прикатилась ещё одна куриная ножка, — я поджарю тебя, как это мясо, а после, тебя же заставлю его жрать, ты поняла?

— О большей милости не смею и молить, о, прекрасный принц. — Под девушкой образовалась лужа. Кажется, мои слова крайне впечатлили ту. К сожалению, мне требовалось выглядеть в её глаза угрозой, ведь все эти гопники и гопницы, что в моём мире, что в этом, произрастая из не самых благополучных мест, ценили только силу, грубость и жестокость. По началу я забыл это, точно так же, как и то, кем сейчас я являюсь. Но сейчас всё будет немного по-другому.

К ногам пленницы прилетел мешочек с парой серебряных внутри. Огромная сумма для этих мест предназначалась для завоевания алчного сердца.

— Эти деньги тебе на расходы. Можешь напрямь нищих попрошаек, малолетних воришек и прочую нечисть, а также купи себе новые штаны. За работу на меня ты будешь получать жалование. Если нароешь что-то дельное, эта сумма покажется для тебя пылью, — от моих слов девушка впервые взглянула на меня не со страхом, а с неким обоготворением. — Не знаю, есть ли у тебя семья здесь или за пределами империи, но если сможешь меня обрадовать, думаю, я помогу тебе с ней воссоединиться...

На этой ноте велел страже открыть клетку, а сам отправился обратно к своему кабинету. Ведь впереди у меня было ещё много, очень много работы...

Глава 26 — Первая компания командира Магнуса

Решив немного позабывать своих поваров со своей мечтой о картошке «Фри» и прочем, понял: данная кухня, со свежими ингредиентами, включая булки, котлеты, соусы и прочее, станет по карману только высшим слоям общества и торговцам. Моя забегаловка грозила стать одним из самых дорогих ресторанов моего Нивграда. Что особо и не мешало мне продолжать дегустировать получавшиеся из обычной картошки «чипсинки», а также кетчуп, над воспроизведением вкусовых качеств которого работала вторая половина моей кухни.

Огромное число тратящегося на готовку масла, соли, свежих ингредиентов сильно истощило запасы моей собственной резиденции, о чём в спешке меня и поспешил оповестить мой личный повар, получив в ответ что-то типа «всё ок, деньги есть». Деньги и вправду были, но как оказалось и у принца они имеют свойство заканчиваться. Сейчас, я владел примерно восьмьюдесятью процентами суммы, находившиеся у меня после договорённостей с тринадцатым принцем. С учётом того, что я всего навсего приобрёл пару десятков рабов, чутка помог городу и неплохо так разорил городскую казну своими туалетами и убирающими их рабами, ситуация казалась не слишком удручающей, но всё же напрягала. Ведь впереди были самые главные траты, а именно: возведение камнетёсных и плотницких мастерских, все ресурсы с которых пойдут на обустройство города. Следом требовалось найти местонахождение глины и начать её добычу, обжиг и поставку как в город, так и за пределы, а это тоже материалы, транспорт, одним словом — деньги. Помимо этого, рабы, их мне сейчас нужно было столько, сколько в столице и то наверно за день не продают, а ведь ещё у меня под боком боевая сотня Магнуса собиралась!

В общем, кошелёк мой в преддверии наступления следующей недели плакал алмазными слезами. Уже сейчас я пытался подсчитать, потяну ли всё сразу, и в случае форс-мажора смогу отказаться. В самом крайнем случае планировал отправить «любимому папочке императору» прошение о денюжке на развитие близлежащих земель. О существовании торговой реки на которых я благополучно позабыл.

— Точно, река... — Выдав фейспавн, откинулся я в кресле. Именно через неё, лежащую не так уж далеко от города, проходила главная торговая артерия. Через которую я мог распространять информацию о снизившихся в Нивграде налогах и «чудо условиях» созданных для всех торговцев. Требовалось построить целую информационную сеть по рекламированию моих земель и завлечению в них кого только можно. Учителя, ремесленники, толстосумы из знати, обычные работники и даже простые путники. Каждый из них, проходя и останавливаясь в моём городе увеличивал товарооборот, оставляя в моих карманах свои деньги.

— Деньги, деньги, деньги... — Рассуждая, поднялся со стола я, и выглянул в окно. И без того короткий сегодняшний день в моих размышлениях пролетел как миг. На улице стоял поздний вечер, а я, продолжая про себя твердить проклятое слово «деньги», думал, что могло бы привлечь усталых или наоборот бодрых гостей, отдохнуть в моём чахлам городке.

«Бордели!» — Чёрт, как я сразу о них не подумал. В столице о них я слышал много, но здесь не было ни одного. Более того, причиной этого как раз и являлась ранее Августа, из-за тщательного надзора которой, старый Карл и боялся вызвать гнев сестрички, а вместе с ней и церкви. Ведь возведение таких заведений всегда становилось камнем преткновения между аристократическими и религиозными общинами. Если пускаться во все тяжкие, рядом с подобным заведением следовало возвести и легальные игорные дома. Посадить в них картёжников той мелкой зверушки, о которых Зорфа наверняка знает, и пусть себе зарабатывают, ну и изредка другим заработать позволяют, ну а напротив, как вишенка на торте, кабаре, с самыми жгучими рабынями и лучшей музыкой, главное, чтобы работницы данного заведения чётко понимали, что они не проститутки, а танцовщицы. Возможно придётся даже собирать коллектив не из рабынь, а местных, не выделявшихся особых красотой женщин.

Когда я уже было собрался наконец-то расслабиться, пойти принять ванную и вкусно поужинав, улечься пораньше, с неожиданным вечерним визитом ко мне появился Магнус. Как оказалось, причиной тому явилась «внезапно» сформировавшаяся боевая сотня, а также прибывшая из столицы группа авантюристов, что узнав о том, какие деньги я готов заплатить умелым воинам своей сотни, тотчас отказалась от своих жетонов, переметнувшись под крыло нового командира. Именно деньги и стали причиной визита здоровяка, чьей основной сотней стал костяк вчерашних наёмников и ветеранов, каждый из которых так или иначе владел боевым опытом и необходимой для вылазки сноровкой.

Выслушав мои предложения по обучению бойцов альпинистским навыкам, снабжении их нужной экипировкой и лошадьми, бывший капитан лишь улыбнулся. Он искренне благодарил меня за такие «щедрые дары», но сейчас, по его же словам, всё это было лишним. В первую очередь, в ближайшее время он планировал закалить командный дух в боях. Именно первые несколько сражений должны были показать, чего стоят эти люди и он сам. Сейчас им требовалось всего пара десятков скакунов, и то лишь для разведки и завлечения врага на свою территорию. Больше число лошадей — простая трата финансов. Львиная часть его бойцов — это пешие, никогда не обучавшиеся бою в седле. В ближайшие дни, сотник планировал со своей группой отправиться грабить и жечь

земли мятежных лордов, восставших против своего графа. Пусть те люди и были ни в чем не повинны, но именно подобное действие по его предположениям могло вынудить врага отправить часть сил на защиту своих земель. Эти действия, Магнус и Августа, уже успели между собой согласовать. Сестра не возражала, а вот я напротив.

— Займитесь не гражданскими, а обозами снабжения, идущими из вражеских крепостей. Разведайте, отправьте необходимый минимум для грабежа, пустите одного-двух выживших с информацией о следующем месте нападения. Заманите вражеское подкрепление, что придёт за вами, и если их число будет достаточным, уничтожьте, и лишь после отступайте. — Подкинул пищу для размышления сотнику я и пояснил: — Меня не сильно волнует, проиграет по итогу граф, или нет. Его деньги, это да, хорошая прибавка для вас и меня, но ваш боевой опыт и выживание приоритет. Пусть враг держит осаду, после ваших атак разделяет силы для сопровождения, и уже только потом, когда они и так будут разделены, принимайтесь грабить их земли. В первую очередь уничтожайте посевы и съестные запасы, забирайте у местных аристократов и жителей всё золото, а после налёта возвращайтесь в Нивград. Если враг, даже разделившись на три части, будет достаточно силён для осады и тем более штурма крепости Графа, ваши смерти при попытке снятия осады ничего мне не дадут, а так, мы просто компенсируем жертвы и траты на компанию путём пополнения казны за счёт грабежа. Кстати, если придётся в конце концов дать бой и вы победите, соберите по возможности вражеское оружие. Ты ведь наёмник, а наёмники, как известно, люди алчные, пока им платят участвуют в битвах, и за тех и за других. А если одни перестают платить, так и вовсе могут занять в конфликте третью сторону. Так что, даже можете прихватить пару именитых пленников. Когда будете прятаться, размещайтесь в наших землях и лесах, но подальше от нашего города. Ни одна тварь не посмеет сунуться в мои владения с армией, но и прятаться за моей спиной тоже не следует, не дай бог кто-то в горячке решится сжечь Нивград. И да, прошу, без лишней жестокости к населению и пленным, если нужно убить — убивайте. Мучать не желательно.

— Я понял. Отличное решение, ваше величество. Сиюминутно встречусь с госпожой Августой для обсуждения вашей стратегии, — поклонившись, всё с той же суровой миной на лице, покинул комнату Магнус.

Может хоть теперь мне удастся помыться и поесть...

Семь дней спустя.

Окрестности родового замка графа Ливидия Первого.

Магнус Еркинсон.

Мой отряд, собранный из тридцати лучших вырожденцев Нивграда, бесшумно приближался к разбившим в поле лагерь мятежникам. Пригибаясь и прячась в поднявшихся побегах пшеницы, мы медленно и осторожно приближались к поставленным вокруг лагеря часовым, после снятия которых уже ничто не помешает нам разбить врага. Юный господин, его величество Карл и его план, превзошли мои всевозможные ожидания. Сначала, мы с лёгкостью уничтожили несколько обозов с провиантом, собранным крестьянами для своих, осаждавших замок графа господ. После, когда враг послал за нашими парнями полсотни своих рыцарей, мы совершили практически невозможное: загнав преследователей в ловушку перерезали всех и каждого, не потеряв и человека. Наши атаки, частые, резкие, в разных местах, на деревни и снабженцев вынудили лордов сначала отвести часть своей армии от города, а после и вовсе этой же армией доставлять провиант к осаждающему лагерю. Эти тупорылые свиньи даже и подумать не могли, что загнав Ливидия и его свору в ловушку, кто-то начнёт хозяйничать в их тылах. И как самый итог, две резиденции лордов были разграблены с разницей в один день, а их семьи, включая жён и наследников, стали нашими наценнейшими заложниками.

Компания близилась к завершению. По тем редким данным, попадавшим в мои руки от пленников, вражеские командиры, не зная сколько нас и где ожидать удара, находились в смятении и растерянности. Пусть за эти несколько дней мы и потеряли при штурмах поместий два десятка человек, итог наших действий превзошёл любой, даже самый смелый прогноз, сделанный мной на эту компанию. Принц, коего я считал отбросом и не достойным даже капли крови императора, в тактике, стратегии и даже в любви к своим солдатам, на голову превзошёл меня, вызвав чувство неподдельного стыда у воина, что никогда ещё до этого не ошибался.

Я, Магнус Еркинсон, некогда один из сильнейших капитанов при дворце Богоподобного императора, кровью искуплю свои греховные выводы, и любой ценой завоюю победу и славу для своего командира и хозяина, ещё до конца не осознавшего истинную силу бывшего капитана Имперской гвардии его величества!

Вместе с ночным порывом ветра, прошедшимся по верхушкам колосков, используя магию перемещения телепортировался за спину двум зевавшим рядом друг с другом патрульным. Острый имперский меч, блеснув в свете редких факелов, вернулся обратно в ножны. Брызнула кровь, две головы, постепенно отделяясь от туловищ, сползли по плоти, а после рухнули в мною подставленные ладони. Шлемы этих мертвецов из составных деталей и при падении могли создать ненужный шум. Ну а тела... Бил так, что те, упёршись друг в друга, беззвучно сели на задницы.

До этого лишь наблюдавший со стороны за действиями своих подопечных, я, убедившись в их навыках и умениях лично, решил тряхнуть стариной и показать как «надо делать». Оглядевшись по сторонам, заметил выбранных мною для подобных действий авантюристов, при поддержке наёмников также отлично справлявшихся с поставленной задачей. А значит, можно было приступать к постепенной зачистке вражеских шатров.

Использовать авантюристов и их грязные трюки, мне, имперскому капитану, да ещё и для того, чтобы резать ни о чём неподозревающих, спящих воинов — позор. Вот только, я больше не имперец, а эти трусливые крысы, восставшие против своего господина, не воины. В принципе, для предателя смерть от удара во сне не должна быть такой уж страшной. Куда лучше, чем на дыбе или инквизиторском костре.

Пробравшись в первый шатёр, куда наш маг уже успел напустить сонного дыма, кивком дал разрешение: действуем.

Бродя от одной лежанки до другой, мы резали спящим горло, пробивали сердца и головы острыми кинжалами. Разбирались с теми, кому уже никогда не удосужится проснуться. Один шатёр, затем другой и третий. С моими навыками, прирезать и пятерых селян патрульных дежурящих у костра не сложнее, чем кухонный нож заточить, и я сам, в одиночку да в чистом поле, мог в честном бою одолеть половину этих выbleядков, но всё же господин велел мне стать командиром и достойным сотником, что будет уметь пользоваться не только собственной силой, но и тех, кто ему служит. Достойный приказ и слова достойного человека: «Ваше высочество, я Магнус Еркинсон, с гордостью в сердце и верой в ваше доброе имя, выполню приказ!»

Более нескольких часов собирая кровавую жатву, бродили мы по лагерю, от шатра до костра, от костра до сторожевого поста и обратно. Заливая кровью поля, удобряя телами примятые побеги пшеницы. Командиры и их походные шлюхи, разведчики, снабженцы и полевые повара. Всех ждало неминуемое наказание, что для предателя может быть лишь одно — смерть. В эту ночь, из ста семидесяти воинов, состоящих на службе у мятежных лордов, рассвет увидел лишь один. Мальчишка поварёнок, с виду обычный раб, над коим в момент расплаты решил надругаться вышестоящий по званию солдат. Как и просил господин, я не стал убивать неповинного, впервые в

своей жизни оставил свидетеля своим деяниям, и самолично дал тому наказ оповестить лордов о произошедшем. Я видел ужас в его глазах, когда тот смотрел на залитого с ног до головы кровью меня. Видел, как темнеют снизу его штаны, стучат от страха зубы и трясутся ноги. Именно такой человек, молодой трус, беглец затаивший обиду на своих братьев. Именно он, бросивший мёртвое воинство для спасения своей никчёмной жизни, лучше всего подходил для запугивания уцелевших, а также наведения ужаса на командующих.

— В этом лагере из выживших только ты, — вслед за этими словами, протянул тому руку с тремя именными медальона, — а вот это принадлежит нашим пленным. Передай безделушки лордам и сообщи: если не снимут осаду, в следующий раз мы пришлём им головы сыновей, дочерей, их пожилых матерей и отцов.

Трясаясь, как лист на ветру, тот схватил украшения, тотчас вскочив на стоявшего рядышком коня, пустив того в галоп. Через полдня пути в таком темпе он загонит лошадь насмерть, после побредёт пешком. Всего путь займёт сутки. Вполне достаточно для того, чтобы мы со всеми парнями находились достаточно далеко от этого места. Подав знак остальным, ожидавшим в укрытии бойцам, взглядом встретился с авантюристом магом. Молодой парнишка, привыкший сражаться разве что с чудовищами и бандитами, с полными безумия глазами глядел на свои руки и посох. Именно его сонное заклятие помогло нам так легко разбить мятежников.

— Ты на войне, солдат, и не убей сегодня мы их, завтра они убили бы тебя в поле, а твоих товарищей, оставшихся в крепости, ждала бы ещё более мучительная, голодная смерть. — Маг встрепенулся, а после, переведя взгляд на лежащий рядом труп, наконец-то понял, что значит настоящая война.

— Прошу простить моё сомнение, — проговорил тот.

— Прощаю, но только на этот раз. Если во время боя допустишь ту же ошибку, что сейчас передо мной и задумаешься «убивать или нет» — умрёшь. Запомни мои слова... — Стукнув того по плечу, двинулся к махавшему мне рукой бывшему командиру авантюристов. Кажется, парни наши что-то ценное, возможно даже деньги или жалование, предназначавшееся для тех, кто сейчас находился на передовой.

Три дня спустя. Нивград.

— Магнус, ну блять, я же просил без жести... — Глядя на пять отрубленных голов привезённых и положенных на мой стол вместе с добрым и увесистым мешком монет, проговорил я.

— Я действовал согласно вашим указаниям. Эти лорды были убиты не мной, а их же товарищами, теми, чьи семьи мы взяли в плен и чьи жизни за содействие было решено сохранить. На данный момент, двое из семи лордов уже покаялись перед Графом, а также получили в благодарность за содеянное полное помилование и часть от земель мятежников, — гордо отчитался командующий.

Этот мужик и его выходка у вражеского лагеря дорого обошлась лордам. Случайным образом перехватив вражеское жалование за последние несколько месяцев ведения боёв, Магнус упростил поднятие мятежа в «мятежном» лагере, и как итог: Граф жив, миссия выполнена и перед нами целый мешок серебра.

— Хорошо, Гвиний, отправь письмо уважаемому Ливидию с благодарностью за плату, — черкнув пару строк, передал бумагу придворному магу, но тот даже брать её в руки отказался.

— Прошу прощения, юный господин, эти деньги не от графа. Здесь выкуп, а также та сумма, что шла в армию врага, — позволив себе скупую улыбку, обрадовал меня сотник. Вот это действительно подарок так подарок. — Как вы и приказывали, мы собрали всё вражеское оружие и ценности. Сейчас авантюристы, привыкшие заниматься продажей трофеев, бродят по торговцам и рынкам, пытаются сбавить добытое, и как только у них это получится, мы, высчитав сумму за боевые действия и пополнение наших рядов, остаток передадим его величеству. — Весьма обдуманно и разумно дополнил свои слова командующий.

— Отличная работа Магнус. Выдели из этой суммы каждому пару лишних медных в качестве подарка от меня. Пусть парни выпьют за мой счёт! — от столь приятных новостей у меня аж привстал.

До этого лишь уходившие из моих карманов деньги, наконец-то стали возвращаться. Разведка в моих землях на наличие всё той же нужной глины, особых успехов не принесла. Не особо желавший заниматься «раскопками» Гвиний, всего-то пару раз ёбнув в некоторых местах по земле своей магией, дал знающим в глине толк ремесленникам немного покопаться. В принципе, если нам удастся найти нужный даже для создания посуды ресурс, будет уже не плохо, а пока, мы рубили лес, рабыни у рудника осваивали животноводство, и наконец-то начала действовать моя первая общественная баня. Облюбовавшая её с ходу молодая знать нашего города, с радостью устраивала там целые оргии с молодыми, местными горожанками, что за монету и возможность стать частью семьи знати душу продать готовы были. Простому классу, к сожалению, опять ничего не досталось. Но, деньги та приносила отличные. По моим самым скромным подсчётам окупится та уже через месяц, после начнёт приносить чистый доход. Исходя из этого, велел подыскать мне ещё пару пустующих или продающихся домов. Требовалось как можно быстрее расширяться.

Помимо того, вот-вот из столицы должна была прибыть партия, состоящая более чем из двух сотен рабов и рабынь. Основная часть из которых также отправится в шахтёрский городок, а приблизительно четверть направлю на обустройство таких заведений, как первый Нивградский бордель и «игральный клуб». Именно так мы назвали моё маленькое городское казино. Благодаря Эдриан, так звали мелкую Зорфу, мы за сутки взяли за яйца всю подпольную преступную группировку, и поставив перед фактом, заставили принять наши условия, а их у нас было два: либо их трупы по утра находят вдоль реки, либо они начинают работать на меня и приобщаться к обычной, городской жизни. Карты, кости, монетки, я через подставных людей дал им возможность и дальше промышлять всем этим, но только на легальной основе и в специально выделенном для этого месте. Ведь как и ранее, без лицензии за подобные игры полагался огромный штраф или порка, ну а теперь ещё за обход налогов и нарушение моего прямого приказа — смертная казнь.

Город строился, отданный мною приказ на возведение жилых домов активно исполнялся. Но всё шло слишком медленно. Через день, то и дело я видел в отчётах или же прямо на улицах, всё новые и новые мастерские, открывающиеся повсеместно. Торговцы, заезжавшие к нам со своими рабами, быстрее всего пронюхивали о выгодах, и из-за того, что упивающиеся вусмерть местные почти за бесценок продавали свои дома, неплохо так наживались. Также стали поступать меньше пьющие цеховые рабочие, что лишившись из-за хлынувших в город рабов стали брать у мэрии ссуды на открытие собственного дела. Процент там был грабительский, но, пока ещё никто не жаловался. Более того, львиная доля торговцев, идущих в столицу и останавливавшихся у нас, тут же и распродалась. Инструменты, строительные материалы, в том числе бумага и чернила забирались с ходу мэрией. Еда и корма для животных скупались местными цеховиками для поддержания рабов и скота в надлежащем виде. Лишь ткани, посуда, всякие аристократические штучки, типа редких гребней для волос и прочих дорогих безделушек, отправлялись дальше.

Экономическое чудо Нивграда происходило прямо на моих глазах. Но сейчас, именно сегодня, стоя у ворот, я

ожидал совершенно другого. Записавшаяся в сопровождение до ворот Августа, поглядывая на моё довольное, нахальное лицо, заметно нервничала. Она хорошо знала человека, которого описывала в письме и которому уже давным-давно пришёл ответ с почтовым голубем. Порядочный, вставший на путь исправления принц, описанный ей и Карл развратник — это два совершенно разных человека. И сейчас я, набравшись опыта у двух весьма мастеровитых жриц любви, а также одной хмурой и ревливой воительницы, собирался опробовать свои чары на молодых послушницах, что вот-вот должны были показаться на нашем пороге.

Размещать и обучать их было решено прямо в моей резиденции. К сожалению или счастью, щедрая настоятельница попросила не отправлять её пасту в шумные постоянные дворы нашего города. Часовня, в которой мы изначально планировали разместить девушек, отменялась. Ведь изначально мы просили прислать нам хотя бы пятерых, но это самое «хотя бы» переросло в целые три десятка. Старая монахиня, прикрываясь господом, решила на халяву и за наш счёт обучить как можно больше своих послушниц. Что же, если она считает что это «бесплатно», то пускай. Одна или быть может даже парочка из них точно мне всё отработают, а быть может и не только своим телом. Всё же моя сила убеждения заключается в деньгах и тех благах, коих многие святоши лишены. Требовалось взять на прицел самых слабых духом; при помощи вина и удовольствий сломить их, сделать своими придворными марионетками, что оставшись под моим началом, всё в той же рясе понесут знания тем, на кого я укажу пальцем.

И вот, потратив на томительное ожидание более получаса, на горизонте наконец-то кто-то да появился. Первым из низины вынырнуло поднятое вверх белое полотно с тремя точками, точно такими же как и родинки на под правым глазом сестры. Подойдя к той поближе и бесцеремонно взяв её покрасневшее лицо в свои ладони, пригляделся. Не смотря на отвлекавшие меня зелёные глаза, в панике бегавшие из стороны в сторону, и шаловливые руки сестры, успевшие дотянуться до моего паха, понял — это не родинки, а тату. Тату в виде трёх точек, символ местной церкви. Как я раньше только этого не понял. Дразня ту шепнул: «хочу её прямо здесь и сейчас», отчего ноги инквизиторши вновь сомкнулись, а во взгляде стала разгораться похоть. Она так любила уделяемое мною внимание, а из-за того, что ей нравилось, когда с ней общаются по строже и даже игнорируют, оттого и выкидывал я всякие провоцирующие ту пакости очень и очень редко, добиваясь тем самым наилучшего эффекта.

Коротая минутки в кокетливых заигрываниях с сестричкой, едва не проморгал момент, когда требовалось встречать гостей с самым что ни на есть серьёзным выражением лица. Тридцать женщин, укутанных от макушки до самых пят, выстроившись ровными рядами, словно роботы замерли по команде одной из стоявших в центре. Расступаясь, словно солдаты, перед несущей знамя олицетворявшее их веру, дождались, пока передо мной станут двое, а после рухнули в своих чистых мантиях на колени.

Нёсшая знамя сестра, трясущимися от напряжения и усталости руками, передала его стоящей рядом, а после, тяжело вздохнув, также рухнула передо мной на колени. «Она всю дорогу в одиночку несла его в дань уважения нашему богу» — прошептала мне на ухо Августа.

— Четыре дня? — не веря в слова сестры спросил я, и та, видя, как женщина, слегка покачиваясь, поднимается лишь кивнула, а после, подталкивая меня вперёд, намекнула, что мне предстоит общение с...

«Святые угодники»... — Дёрнувшаяся и вытянувшаяся по струнке монахиня глядела на меня своими большими, голубыми глазами, и этими, не побоюсь слова ОГРОМНЫМИ бидонами, висевшими на её плечах Ничто в этом мире, включая плотную рясу, не могло спрятать этот шестой или может даже седьмой размер от моих глаз. Забыв как дышать, и пытаюсь разглядеть талию монашки, не сразу заметил, как та, чуть ли не падая с ног, в ожидании глядит на меня. Девушка совершила практически невозможное, скорее всего, в своём походе она даже спала опираясь на флаг, мне стоило по быстрее загнать кобеля внутри меня куда подальше и отправить их на отдых.

— Принц Карл, — коротко представился я, протягивая руку.

— Катрин Дэримэ... — Чутка присев, прошептала монахиня, а после, как только мои губы коснулись её руки, замерла с широко отрывшимся ртом и глазами. Перечитав этикет этого мира дважды, досконально разобрал пункт с данной фишкой. Женщины этого мира обязывались целовать руку разве что императору и правящему церковью Папе. Касательно меня и других аристократов, это делалось для выказывания должного уважения и разницы в статусе. Сейчас, действуя первым, я надеялся завладеть инициативой и показать этой пышногрудой голубоглазке, что мы на равных, и я с тем же почтением, как равную, приму её в своём доме, но увы, едва успев подхватить падающую в обморок девушку, по перешёптываниям монахинь и ударившей себя по лицу сестре, понял — я опять сделал что-то не так.

Работа после визита этой зазнобы совершенно не клеилась. Привыкнув получать всё, чего только пожелаю, сейчас кусал локти, вспоминая в своих руках эти колышущиеся из стороны в сторону подвижные холмы. Под вещами талия казалась куда пышнее, но как только мои пальцы соприкоснулись с её бёдрами и лопатками, я хорошо ощутил, где что начинается и заканчивается. Эти чёрные одежды, будь они прокляты, прятали под собой настоящее сокровище, коего я даже ни у одной рабыни, привезённой к нам на аукцион, не видел. Какая досада и трата, а исходя из того, что она сознание от одного лишь моего поцелуя потеряла, и то, как за ту после вступилась сестра, преодолеть данный барьер целомудрия и воздержания придётся долго и упорно, да ещё и не факт, что получится.

От проблем рабочих и прочих, меня отвлекла постучавшаяся в двери Бьянка. Чувствовавшая моё волнение и кое что другое лучше других, она постоянно, иногда уместно, а иногда и нет, предлагала мне свои услуги. При этом оставаясь всё время вторым номером среди моих рабынь горничных. Осознавая причину её визита, решил воспользоваться временным отсутствием сестры, отправившейся помочь своим «сёстрам» обустроится в особняке. К тому же, смуглая грудь Бьянки пусть и уступала той церковнице, но тем не менее она являлась очень и очень внушительной.

Строя из себя всего такого на пафосе, пальцами подозвал ту, и чтобы той было удобнее работать, повернулся в кресле. Объяснять служанке, что нужно делать не пришлось: с лёгким румянцем на смуглых щеках она моментально оказалась у моих колен. Не вставая, жестом предложил той всё сделать самой и горничная, повинувшись, припала к земле. Принявшись своими взмокшими от нервов ладонями высвобождать из-под ремня моё достоинство. Это у служанки получалось куда лучше, чем в первые дни нашего знакомства. Несколько секунд и мои яйца в её ручках, а член уже во всю вспоминает вкус её приятных уст. Движение за движением, такие же как и ранее, не несли былого кайфа.

— Не так, — вставив, словно кукле, в рот два пальца и высвободив свой член, проговорил я. Следом, запустив влажную руку той под одежду, вытащил наружу сначала одну, а после и другую коричневую грудь. Потянув служанку к себе, вставил член в узкую щель, возникшую между прилегающими друг к другу холмиками. Бьянка победно улыбнулась, понимая, что никто, кроме неё, подобного в особняке сделать не сможет. Грудь Августы и Лили слишком мелкие для такого, а вот её, пусть и с натяжкой, но вполне справлялась. Всего несколько секунд наблюдения за удовлетворённым, показушным постаныванием кареглазой, и моё накопившееся за пару дней семя, взрываясь, вырывается наружу, заливая той лицо, рот, а следом скатываясь на грудь.

Стук в дверь, а после и резкое её открытие застают меня врасплох. Буквально схватив рабыню за голову, затягиваю ту под стол, и уже спустя секунду в комнате появляется Августа в компании той самой монахини, что сменив одежды на более лёгкие и светлые, стала ещё сексуальней и аппетитней.

— Ваше высочество, вы примете нас? — приподняв одной рукой собственную грудь, отчего та стала ещё больше и чутка подпрыгнула, в полупоклоне проговорила монахиня, когда я, воспользовавшись её отвлечением, жестом попытался показать сестре, что им следует удалиться. Моё молчание и резко переместившийся с сестры взгляд на ту самую Катрин, воспринялись как нежелание общаться. Но та настойчиво решила идти до конца и не дождавшись, пошла на сближение и в наступление. — Понимаю, я даже не представилась вам, но прошу простить меня, тогда я была с дороги, и едва могла стоять на ногах.

Глядя как краснеют от волнения эти белые щёки и как плавно из стороны в сторону двигаются обтянутые более узкой тканью бёдра, внутри всё вновь стало наполняться. Переведя взгляд на сестру, понял — эта давящая лыбу сучка всё знала. И то, что у меня сейчас гостя, и то, что форма этой монахини как минимум мала!

Распинаясь и всё также описывая свой долгий и тяжёлый путь, монахиня продолжала возбуждать меня своими резкими жестами, спровоцировав на движения и кое-кого другого.

На моего друга тонкой струйкой полилась горячая слюна Бьянки, после чего её язык вновь прошёлся по всему основанию прибора. Началась какая-то нездоровая муть. Служанка, словно играясь, искала новые, не испытанные ею до этого движения, принялась гнуть, водить вдоль и поперёк своей упругой грудью по моему члену.

— Чёрт... — Подперев голову локтем, чуть лбом не стукнулся об стол я, когда головкой ощутил касание её двух соединившихся сосков, коими она принялась со мной играть.

— Простите... — Извинилась и умолкла в ответ на мою ругань церковница.

— Да я не о том, мне льстит ваш визит и то, что столь прекрасные дамы решили прийти к нам на помощь. Честно... — Вновь опустив взгляд в стол, проговорил я. Бьянка снизу только распалась. Видимо устав играть, она решила вернуться к прежней тактике с одним небольшим изменением. Теперь, помимо обхвата моего члена грудью, она подключила к работе язычок и ротик.

— А вы не такой, как о вас говорили, — улыбнувшись, застенчиво произнесла светловолосая.

— А каким же меня рисуют другие? — пытаюсь не кончить, спросил я.

— Злым, алчным, невоспитанным, садистом и бабником, что постоянно насилует девиц и даже во сне мучает их своей порочной ментальной магией. — «Было бы неплохо, конечно, но силы постоянно насиловать кого-то у меня, к сожалению нет. Тем более уж по ночам». — Но сейчас я вижу, вы очень порядочный и заботливый человек, что не оставит путника голодным и не бросит нуждающегося в беде. — В момент, когда я запустил руки под стол, загнав свой член служанки по самое горло и кончил, так неуместно проговорила про все эти хорошие качества монахиня. Взгляд её смущённых глаз опустился на талию, точно так же, как и её левая ладонь легла на место, где я ту прихватил во время падения.

— Позвольте вашу руку, — приклонившись, попросила светловолосая. Я в спешке обтерел ту от слюней Бьянки, вытянув из-под стола. Губы церковницы коснулись моей тыльной стороны ладони, и задержавшись на ней пару секунд, оставив лишь воспоминание на коже, оторвались. — Вне зависимости как вы относитесь к нам, мы, ваше величество, никогда не станем с вами равны. От того прошу, больше не шокируйте нас своей доброжелательностью и ведите так, как полагается человеку вашего статуса. Ну а мы в ответ сделаем всё, что в наших силах для того, чтобы вам за это отплатить. — Всё также держа мою руку в своих точно таких же как и у Бьянки взмокших кистях, проговорила Кэтрин, и после, вновь откланявшись, покинула комнату.

Медленно приблизившись, сестра обошла стол со стороны, а после, взглянув на облизывающую руки смуглую рабыню, едко произнесла:

— Голодным, значит, ты никого не оставишь. Да, братец?

Серой тенью бродила за мной весь день Августа, повторяя: «я голодная, я голодная». Её лёгкий троллинг, усиленный склонностью к садомазо, создавали гремучую смесь, способную польхнуть в любой момент. Оттого после ужина, так и не насытившего инквизиторшу, мне пришлось принять в своём «главном офисе» и с использованием подручных средств (в данном случае ремня), наказать. Отхлестал худую, но оттого не менее привлекательную задницу. Ладно если бы это было наказание, но видя, как та от каждого удара радостно стонет, мне даже как-то не по себе стало. Требовалось запомнить, что этой садистке ни в коем случае нельзя было доверять доминирующую позицию, а то не дай бог прикуёт к кровати и в порыве страсти придушит своими сильными руками.

Утро следующего дня выдалось более резвым и бодрым. Договорившись со слугами и Гвинием, подобрали нашим «агнцам» подходящие для обучения комнаты, туда же отправили и первых учителей, что при виде числа учеников, которых им придётся обучать, сразу же начали кривить носы. Именно по этой причине я, в лице принца, Гвиний, как уважаемый маг и Августа в роли очень злобной инквизиторши, одним лишь своим присутствием заставили двух высокомерных стариканов от начала и до конца провести начатое ими занятие, и наверное уж лучше бы мы этого не делали. Речь монахинь, их некоторые вопросы и то, как они держались в общении с наставниками аристократами, выдавало в женщинах повадки и замашки вчерашней черни. Хоть мы и просили Катрин, чтобы та передала просьбу задавать вопросы только в крайнем случае — это не помогло. Нас раскусили, и, по-видимому, лишь из-за моего статуса те завершили свой первый и последний в моём особняке урок.

— Вы можете лишить меня положения в обществе и жизни, ваша светлость, но моего достоинства и чести вам не отнять. Чернь должна обучать чернь и точка. Желаю успехов вам в ваших начинаниях. — Максимально презрительно выделив последнее предложение, бледный как смерть и на трясущихся куриных лапках, укатил в закат последний из этих ряженных павлинов. Гвиний говорил, что эти ребята были самыми почтенными и терпеливыми в Нивграде. Однако, их «почтенность» точно такая же, как и у прошлого Карла. В течении суток мы рассылали через гонцов свои прошения, но к сожалению сарафанное радио, пущенное этими двумя пенсионерами, полностью дискредитировало все мои начинания. Всего за день каждый учёный муж города знал с кем ему придётся работать и ссылаясь на полную занятость, счёл своим долгом поддержать бойкотировавших меня учителей.

Оно и неудивительно. Жаль лишь, что я понял это слишком поздно. Знания в этом мире — деньги. На одном лишь умении хорошо считать и писать человек мог занять хорошо оплачиваемое место. При дворе купца или той же мэрии, при чём, если счетовод окажется из черни, оно ещё и лучше, ведь такому можно меньше платить и он покорней и более кропотливо будет выполнять свою работу. Тем самым отняв вакантное место у очередного маменькиного аристократа, не привыкшего долго и тяжело горбатиться. Аристократам попросту не выгодно массовая образованность горожан, ведь тогда они не просто потеряют возможность в мелких торговых вопросах облапошивать крестьян, но и на одну ступеньку опустятся вниз по социальной лестницы, потеряв тем самым очередной пункт в их с крестьянами бесконечном споре, где одни пытаются доказать свою значимость другим.

— Сука... — Стиснув зубы от злобы, стукнул со всей силы по стене. Думаю я об этой проблеме больше и позови кого из столицы ранее, вполне возможно выиграл бы ещё пару дней для обучения этих женщин. Да и Августа, кажется, переоценила уважение окружающих к церкви. Быть может её и дам благородных кровей куда охотней принимали в столице, а тут... — Гвиний, сколько у нас времени до встречи с представителями торговых гильдий? — разминая плечи и потягиваясь, спросил я у старика, что выскользнув в коридор и проверив время на курантах, коротко доложил о трёх свободных часах.

— Что ты собрался делать? — одёрнув меня за рукав, недоумевающе спросила Августа, когда я направился в класс.

— А ты как думаешь? — отмахнувшись от той, отозвался я и во всеуслышание обратился к взволнованно начавшим шептаться между собой монахиням:

— Так, дамочки, отставить панику, вернуть на столы листки, перья и чернила. У нас тут, как вы видели, произошли небольшие трудности. Старики в наши годы так часто страдают недержанием и, ну вы видели... — В шуточной форме описав причину ухода аристократов, вызвал в учебном классе лёгкий смешок, что чутка позволил разрядить повисшую в воздухе неловкую атмосферу.

— Все вы проделали долгий путь, некоторые ещё и со столь тяжёлой ношей, так что я не могу просто так признать свой провал по найму учителей и отпустить вас домой. — Проговорив это, выдержал неловкую паузу и вновь шуточно добавил: — Ой, кажется я уже это сделал. — Вновь лёгкий смех, но только теперь чутка громче. Выставив себя с не лучшей стороны и позволив надо мной посмеяться, я смог завоевать себе немного симпатии. В принципе, точно такой же тактики я придерживался и в любой другой онлайн-игре. Строил из себя дурочка,

смеялся со всеми, шутил и как-то умудрялся даже поддерживать минимальные коммуникативные навыки. Однако, сейчас личина дурачка мне не подойдёт. За шутками последовал серьёзный тон и серьёзное объяснение происходящего. Говорил и о не желающей учить чернь знати, и о том, собственно, зачем они все были мною сюда вызваны. Без тайн, оговорок и прочего. Как мне казалось именно сейчас, когда от них после долгой дороги отказались, наступил самый лучший момент для признания. За которым и последовало моё предложение своей кандидатуры на роль учителя. Да — не опытного, да — туповатого, но того, кто будет их учить. Я предлагал им знания, получив которые и оплатив мне за доброту своей помощью, они смогут распоряжаться как захотят.

Когда я закончил, в зале повисла неловкая пауза. Женщины, не двигаясь, просто сидели и смотрели на меня. Отчего я в очередной раз в своей жизни почувствовал себя клоуном. Постыдную паузу прервал резкий хлопок в ладоши, вслед за чем ещё один и ещё. Хлопая словно на представлении, девушки взорвались овациями и выкриками: «Славься Принц Карл, Славься Император». Опять эта старая полуживая оливка, ничего не сделав делила со мной все достижения, при чем мне казалось, что его титул выкрикивали даже чаще. Первой, кто оживил публику была та самая пышногрудая Катрин Дэримэ, что по-видимому либо крест знамя обратно тянуть не хотела, либо просто по доброте душевной выступила на моей стороне. В любом случае я не желал зла этим дамам и кажется мои мысли дошли до их чутка завешанных лапшой ушей. Да, я обязался отпустить их после отработки на все четыре стороны, но вот только помимо меня эти женщины ещё и кое-кому другому в церкви служат. Но, как говорится, есть вещи, о которых порой полезно умолчать...

Начались наши занятия, ну а вернее продолжились с изучения алфавита, с перерывами на решение математических задачек минимальной сложности. Понаблюдав за теми двумя «недоучителями» заметил, что ребята совершенно не уделяли никакого внимания тому, как их многочисленный класс решил тот или иной пример. Дед просто зачитывал пример и давая немного времени зачитывал ответ, после чего они двигались дальше. Ни доски для вызова учащихся и записи примеров или слов, ни банальной проверки в конце часового занятия. Все и во всём верили друг другу на слово. Даже оценок в конце занятия не давали, никакого сервиса!

Да и сам я, честно говоря, знал в науках лишь столько, сколько положено компьютерному задроту. С правописанием ещё кое-как справлялся, местами позволяя себе косячить, а вот пунктуация шла лесом. Так же как и алгебра вместе с геометрией, но, к нашему совместному счастью, она тут и нахер не сдалась. Пусть архитекторов и прочих в столице обучают, а у нас тут совсем другое шоу. Моё требование оставаться на своих местах после того, как Гвиний оповестил о том, что мне пора в очередной раз за последние несколько часов, удивил монашек. Подойдя к каждой я лично проверил все продиктованные мною примеры, и «о чудо», больше половины местных даже записать их правильно не смогли. Мне определенно требовалась доска и мел. Мы опаздывали, старик нервничал, а я, наслаждаясь вниманием каждой из благодарных мне девушек, помогал тем самым исправить и решить их примеры. Ушло на это не так уж и много времени, но удовольствия от их льстивых речей хватанул на весь оставшийся день. По крайней мере я так думал.

Уже на подъезде к Мэрии, видя огромное скопление солдат с незнакомыми мне гербами, сердце тревожно забилось. Такие же рослые, облачённые в хорошую, начищенную сталь ребята, с вызовом глядели на моих немногочисленных гвардейцев. Соотношение коих сейчас было приблизительно один к двум. Два враждебных воина, один мой.

— Это не люди графа Ливидия, — только я открыл рот, чтобы спросить по поводу графа, которому мы не так давно помогли, досрочно прервал меня Гвиний, и шурясь, стал всматриваться в странный по форме герб, слабо отличимый от имперского на большой дистанции.

— Ну разумеется, не графа. Эти доспехи принадлежат людям Герцога Бэгского. Совсем ослеп старый хер, вон же, чёрная отметина на наплечнике, — нервно поправив свой клинок, отозвалась сестра.

— Прошу заметить, уважаемая инквизитор, ваше общение с принцем Карлом не идёт на пользу вашим манерам... — Обволакивая всю карету в защитный магический купол, с обидой проговорил старик. Но мне было не до их внутренних распрей. Сейчас меня больше всего интересовало, что в моём городе забыл главный стратег второго принца...

Глава 31 — И рухнул мир на пополам

Высокий, подкаченный мужик лет пятидесяти, с седыми висками и густой, чёрной бородой, встретил меня испытующим взглядом. Всем своим видом тот выделял уверенность и спокойствие, в отличии от моих советников, что успев чуть ли не обделаться, молча глядели то на меня, то на нашего незванного гостя, о визите которого мне никто не докладывал.

Как и полагается более низкому по статусу, мужчина встал первым и преклонившись, представился Герцогом Дунканом Бэгским. Вот только горцев мне тут сегодня не хватало...

Ответил ему той же почтенностью, а после предложил вернуться за стол. Не сводя с меня глаз, тот дождался, когда я займу место, а после опустил и сам. Этот хрен с взглядом убийцы пугал меня даже больше, чем подземелье Тутлюса. Какого хуя он вообще забыл у меня в городе и на моём совете?! Неужели кто-то из братьев чем-то недоволен или, быть может, произошло то, что требует моего внимания или визита? Его немая мина нервировала и по-видимому ощутив это, тот всё же первым начал разговор.

— Могу ли поинтересоваться, что заставило принца опоздать на заседание собственного совета?

— Если бы мой совет делал всё как полагается и присылал мне тех, кто готов работать, а не кичиться своим положением, данной оплошности бы не произошло. Но всё же прошу меня простить, я не ожидал увидеть здесь столь достопочтенную персону, Герцог Дункан, — спихнув часть вины на ни о чем не подозревающий персонал, а за другую часть извинившись, злобно выдал я, тем самым вызвав лёгкий басистый смешок у гостя. — Не поделитесь, какими судьбами вас занесло в наши не столь популярные края?

Слегка помурьжившись и словесно походив вокруг да около, Дункан Бэгский заявил, что просто держал путь в столицу из своих земель. Прими я подобное заявление, это означало бы, что меня напрямую назвали идиотом. Путь в столицу из земель Дункана пролегает по другую сторону реки, через тракт. Чтобы, как тот говорил «по пути заехать в Нивград», ему пришлось бы либо сделать недельный крюк вокруг гор, либо спустившись вниз по реке на торговых кораблях, перевозить на которых лошадей, да и к тому же в место находящееся на ещё большем отдалении от конечного маршрута, совершенно нецелесообразно. Дав тому понять, что я ознакомлен с нашими географическими регионами, вновь вызвал басистый смешок и извинения. Этот дядька зачем-то проверял меня. Хитрый, опытный, умный, не говоря о своих истинных целях он спрашивал о моих успехах в городе, о торговле и строительстве. Ресурсы, их нехватка, перемешивались с каверзными разговорами об отсутствующей у меня как у наследного принца армии, а после, разговор и вовсе заходил о женщинах. Этот дядька всасывал в себя информацию, как губка, причём мне даже порой и рта открывать не приходилось для того, чтобы тот получил свой логический ответ. Все собравшиеся здесь чиновники для него являлись одной большой и сочной котлетой, они видели в нём некоего героя, порядочного властителя соседнего, более крупного города, а вот я наоборот, всё больше и больше подмечал в том змею, способную с лёгкостью покончить со всеми моими начинаниями. Прибыл он сюда не из вежливости, а для прощупывания почвы привлекающей торговцев, и если те всё меньше идут к нему, человеку, у которого под командованием целое войско, его интересы к «отсутствующей» с моей стороны армии вполне понятны. Наверняка тот потребует какой-то процент за «защиту», некую помощь в ресурсах, за которую мне придётся плотить в тридорога, ибо по другому он сделает так, что через мои земли вообще ни один торговец не пройдёт... Сука, ненавижу столь скользких и умных для этого времени людей.

В конечном итоге, когда тому за час другой, разговаривая сразу с несколькими собеседниками удалось запутать даже меня, я не выдержал и потребовав личной аудиенции, выгнал из кабинета распиздевших о всех наших проблемах стариков. Коих мне сейчас саморучно хотелось удавить за их длинные языки. В огромной зале остались лишь он, я и моя свита, посчитавшего того слишком опасным, дабы оставлять нас наедине. Мужчина, к слову, чувствуя себя в полной безопасности, лишь в очередной раз подметил мои опасения насчёт него, завуалированно очертив свою доминирующую позицию в обществе.

— Вам следует избавиться от этих старых лизоблюдов, их языки даже для чистки сапог не годятся, — заказав еды, проговорил мужчина, а следом, получив на стол жаренное мясо и мой «новый» соус, с неподдельным интересом поглядел сначала на меня, а после на свою тарелку, принявшись с большим рвением работать челюстями.

— Полностью согласен, но к сожалению на данный момент подходящих кадров у меня нет, — разведя руками и почувствовав вкус своей первой победы над мужиком, явно заинтересовавшимся мазиком, проговорил я.

— И по этому на места счетоводов и купцов вы решили посадить святош и праведников? Наслышан о вашем поиске наставников, — чавкнув и обтёршись, проговорил Дункан, попросив ещё добавки. — Даже если вы найдёте такого, юный принц, поверьте на слово более старому и опытному человеку, людей, занимавшихся торговлей и обманом всю жизнь, заменить на молодых и праведных не получится. Хотя бы потому, что у одних есть деньги, связи и оружие, а у других только дырка между ног, да вера в господя, что за последние пару тысяч лет никого ещё

не защитил.

— Не богохульствуйте, Герцог. Если не забыли, я ещё инквизитор и за подобное могу спросить ответа с любого, — вступила в словесную перепалку разгневанная Августа. Вынудив тем самым меня её успокаивать. Этот мужик откуда-то знал об учителях, скорее всего, шпионские сети им были раскинута ещё задолго до моего появления в Нивграде, и внезапно возросшая активность в городе вынудила того вмешаться лично разузнать, что здесь и к чему.

— Прошу простить, принцесса Августа. Но таков факт. Молодой Карл должен сначала собрать в городе армию и лишь после начинать зачистку знати. Вы, кстати, слышали о Графе Ливидии? Он тоже хотел побороть коррупцию в своих кругах, лишь чудо спасло того. Вы, к слову, не знаете, кто именно стоял за этим самым «чудом»? — Герцог всё знал. Сукин сын слишком хорошо осведомлён.

— Видимо наёмники. Слышал, они сейчас пользуются спросом у тех, кто хорошо платит. Кстати, слышал о появлении одного из вербовщиков в нашем городе, могу у своих людей полюбопытствовать, если желаете кого-то нанять, — приняв правила игры в недомолвки, проговорил я, отлично понимая, что Герцог сейчас меня фактически предупредил о возможном перевороте, что могли устроить аристократы.

— Я человек самостоятельный, сам найду, — усмехнувшись, проговорил тот. После, облизнувшись, взглянул на новоприбывшую порцию курицы и соуса. По словам того же Герцога, он был огромным любителем вкусно и качественно покушать. Постоянные походы и еда, которую он предпочитал всегда делить со своими бойцами, сильно изматывала и удручала и без того не особо богатую на разного рода житейские удовольствия жизнь Дункана. Вечная возня с сыновьями, ссоры с женой и бесившими того до глубины души дочерьми, вынуждали правителя покидать собственные земли под предлогом охоты или важных военных советов в столице. Вся эта информация, вылившаяся из его уст меня, конечно, немного радовала, вот только я всё понять не мог, к чему этот дядька так ярко изливает мне свою душу и проблемы. Наверняка, всё это сказанное он мог и любой прикроватной подстилки описать. Может, он вёл образ порядочного семьянина? Но на тот случай парочка генералов у него точно должно было найтись. Для общения там и прочего...

— Вкусно, — покончив со второй порцией и отодвинув практически вылизанную тарелку, выдал Герцог, тем самым выдернув меня из моих размышлений о его истинных целях. — Карл, вижу ты парень чутка лучше, чем о тебе говорят, по крайней мере на первый взгляд, поэтому и скажу напрямую. Моя жена и дочери заебали меня настолько, что мне уже не терпится погибнуть где-нибудь в битве, посему, собственно, я и прибыл к тебе.

— Не понял... — Честно выдавил из себя я.

— А тут и понимать нечего. Я давно обсуждал этот вопрос со вторым принцем и мы с ним пришли к соглашению. Ты женишься на одной из моих дочерей, тем самым чутка облегчив мою участь...

Глава 32 — Дурное предчувствие

— А, э, не, как это свадьба, когда, зачем, я не хочу... — Поднявшись из своего кресла, заикаясь и отрицательно кивая, растерянно выдал я.

— Да подожди, ты же парень умный, взвесь все плюсы... — И сам слегка растерявшись от моей категоричности, начал Герцог. — У меня есть земли, золото, войска, ресурсы, частью из которых я с тобой с радостью поделюсь и...

— Не-не-не, себе оставь, дочерей тоже, — почувствовав лёгшую мне на плечо руку Гвиния, явно в этом вопросе выступавшего на стороне Дункана, быстро выдал я.

— Карл, если мы хотя бы объявим о помолвке, у меня будет повод сослать к тебе моих женщин. Ранее я думал, что отдам принцу садисту «младшую», у вас с ней есть пара общих тем, типа ненависти к Зорфам и прочим тварям. Но сейчас, глядя на твои успехи в городе и то, как ты достойно держишься среди этих старых пней, могу даже свою старшую отдать. — «Не любит Зорфов, это сейчас антиреклама такая была?!»

Видя моё категорично настроенное настроение, тот разочарованно вздохнул и завалившись обратно в кресло, проговорил:

— Ранее я думал кто-то вроде тебя будет подобному только рад. Да и с братом твоим мы уже давно всё решили, извини парнишка, у тебя нет выбора. К тому же, если ни одна из моих тебе не придёт по вкусу, то через полгода-год просто разорвёшь помолвку. Хотя я и жена наверняка будем всячески тебе в этом мешать, ибо скандал это последнее, что нужно человеку моего статуса, — словно вознеся надо мной меч воздержания и целомудрия, готовый спуститься на Карла младшего, заключил Герцог.

— Слышь, Маклауд, ты это, завязывай, я тебе ещё раз повторяю «нет»! — стукнув кулаком по столу, взвёлся не на шутку я. Не собираюсь я плясать под их дудку. А как же молоденькие Зорфы, эльфийки и прочие прелести этого мира? Я что бя ради кайфа и физиологических экспериментов должен буду от жены по подвалам прятаться? Не хочу я!

— Кто, прости... — Непонимающе переспросил меня Дункан.

— А бя, ты ж не в теме. Короче, Герцог Дункан, ты моё слово услышал. Ни о какой помолвке и свадьбе речи быть не может. Хочешь, устраивай мне торговое эмбарго, хочешь, город в осаду бери, плевать! Я отлично понимаю, что последствий не ты, не уж тем более второй принц не выгребете. Наследный первый брат с радостью ликвидирует второго, только повод дай. Поэтому, если хочешь отдохнуть от своих женщин, присылай их ко мне в город. Я размещу их в резиденции бывшего градоначальника и распорядюсь, чтобы тех встретили, защищали и приглядывали за ними как за самыми дорогами и почётными гостями, но другого ты от меня ответа не услышишь. — Наше неформальное общение и грубое тыканье друг другу заставили старого Гвиния распрощаться с последними не седьми волосками на своей бороде и голове. Августа тоже вся побледнела. Рука инквизиторши не покидала рукоятки меча.

— Принц, — поднявшись и приклонив голову, произнёс Герцог, — позаботьтесь о моих женщинах. — Как-то уж совсем зловеще проговорил мужчина, а следом, не удосужившись хоть что-либо мне пояснить, покинул комнату. Вместе со своей стражей он двинулся по дороге, шедшей к столице.

Последние слова этого серьёзного дяди звучали как прощание. Желай он мне зла, вряд ли отправил бы своих беззащитных подопечных на стопроцентное пленение. Какая-то уловка, чтобы после обвинить меня в заточении наследниц почётного рода? Если так, то он безумец, на коего совершенно не похож, а значит в империи что-то намечалось. Нечто страшное, в чём даже личная свита принцев не могла чувствовать себя в безопасности. Возможно ли что в столице что-то готовится? Кто-то хочет начать войну за смену порядка наследования престола или, быть может, и вовсе при дворе готовится мятеж? Чёрт, в любом из подобных случаев мне, как находящегося рядом со столицей принцу, не поздоровится. Армии нет — начнутся беспорядки в столице. Денег от отца я тоже не получу, придётся выкручиваться самому и даже, возможно, вместе со своими людьми отстаивать свой город на стенах. Проклятый Герцог, усложнил же ты мне жизнь своим визитом...

— Гвиний, у нас в городе есть оружейки, производящие боевые длинные луки? — мой резкий вопрос заставил старика задуматься, и вместо него положительным кивком ответила Августа.

— Немедленно отдай приказ об том, чтобы все свободные руки, способные производить луки и стрелы, принялись за работу. Все без остатка! Пусть считают это личным требованием и приказом принца. За материалы и прочее расплатимся позже! — действовать требовалось как можно скорее, сутки у Дункана до столицы, через сколько начнутся в ней проблемы — не знаю. Одно лишь чётко мне известно: в моём городе напрочь отсутствует армия, способная отстоять стены, и именно эту проблему я намеревался решить в первую очередь. На подготовку ополчения уйдёт масса времени, ещё больше на нахождение и найм наёмников, которым ещё и надо платить, поэтому требовались те, кто сильно не напрягаясь и не тратя много времени на затыкивание чучела копьём, будет

тренироваться «не выходя из дома».

Лучники ополченцы. Эдуард Первый, один из Английских кого-то там, был первым из тех, кто превратил обычных крестьянок и крестьян в опаснейшее средневековое дальнобойное оружие. Мужик обязал всех своих подданных от мало до велика раз в неделю обучаться стрельбе из лука, а как известно пуля, в данном случае стрела, — дура. Ей плевать кто её выпустил, свою брешь в броне, щель между щитами она всегда найдёт. Поэтому я и собирался заставить всех горожан моего города иметь в своих домах луки и стрелы. Создал массовость на стене, а также плотность огня при штурме, оставалось лишь следить за особо опасными участками, где враг мог использовать лестницы-тараны и крюки-кошки, перенаправляя туда свою сотню и имперскую элиту.

Уже сейчас следовало начать готовить стены и врата к осаде, проехаться по городу и поглядеть на улицы, выбрав самые подходящие для возведения баррикад участки. Утрата стен ещё не конец, если есть куда отступить и за чем спрятаться. К тому же, размещение ловушек и контратакующих групп кавалерии в городе могут способствовать не только стремительному уничтожению разрозненных отрядов пехоты, ворвавшихся на улицы, но и крайне успешной контратаки по тылам других, менее успешных вражеских соединений, застрявших на иных направлениях. Всё это требовало обдумывания и моего личного внимания. Сейчас, настоящая жизнь предоставляла куда больше опций и возможностей, чем механики тех же компьютерных игр.

Провизия, состояние городского водоснабжения, состояние стен, врат, количество необходимых ресурсов для отражения штурма, будь то обычные камни или кипящее масло. Пусть даже существовал и минимальный шанс, что город будет осаждён, а на меня начнут охоту, я обязан это предусмотреть и к подобному подготовиться.

Сам того не понимая, я думал, что Герцог лишь с издёвкой пытается меня обручить на одной из своих дочерей, а тут вон оно как. По хорошему, стоило бы вообще не принимать этих женщин, но сказанного не воротишь, собственно, как и жизнь... Думаю, если меня припрёт к стенке армия одного из старших принцев, геройствовать из-за женщин, которых я не знаю, и губить весь свой город, а вместе с ним и себя я точно не буду. Подкинул же ты мне проблем, чёртов Дункан...

Бегаю из-за Герцога по городу, словно сраный веник, с инспекцией посетил все ворота, стены, зернохранилища и даже городские общественные колодцы. Всё, как полагается: заполнено, пополнено и отремонтировано. По ходу дела пришлось навестить мастеров и изготовителей луков и стрел. Работяги чуть в обморок не падали при виде «самого Меня» в своих чahlых избушках, а одного так и вовсе чуть ли не откачивать магией пришлось, когда его мелкий спинагрыз лет трёх-четырёх, назвал меня «дядей павлином». Кажется, именно так его родители, тыкая в подобных мне пальцем, называли нас за спиной. В принципе, ничего плохого, но удержаться от обратной колкости в сторону горожанина я всё-таки не смог.

Взяв мальчика на руки, испытующе поглядел на бледного, как сама смерть, трудягу. Мужик рухнул на колени, сложив под взором моей очень внушительной стражи в молебной позе. Насытившись этим животным страхом, достал из мешочка жёлтую лимонную конфету. Здесь они являлись крайне дорогим и редким лакомством, которое мог себе позволить не каждый аристократ. Просто жёлтый шарик с обработанным сахаром, неким столичным красителем и лёгкой кислинкой мог стоять как целая корова, и дай я хозяину последнюю, он обрадовался бы гораздо больше, однако, коровы у меня с собой не было.

Вложив сладость малышу в руки, с неким величием и гордостью наблюдал, как он обсасывает её и краснея, как только может описывать эмоции ребёнок, рассказывает «папе» о этом «божественном» угощении.

— Постарайтесь объяснить своему мальчугану, что павлины — это птицы. А я... — Отпустив радостного и довольного ребёнка на землю, он сразу рванул в объятия отца и вытащив изо рта конфету вложил тому в рот.

— Простите, простите... — Заливаясь слезами и прихватив мальчика за голову, кланяясь, повторял трудяга.

— Не извиняйся, кузнец. Ты, это место и твоя «семья» приглянулись мне, поэтому я жду от тебя хороших результатов. Нужны будут материалы и лишние рабочие руки. Обращайся в мэрию и помни, мне сейчас очень и очень нужны стрелы. — На пол перед склонившимся пал мешочек с серебряными. Что всего на пару монет был тяжелее таких же, выделенных мною всем местным кузнецам. Сейчас я не мог себе позволить промедление рабочих, связанное с нехваткой времени на поиск средств для закупки материалов. Приходилось тратиться и слегка мотивировать местных трудяг.

После кузнецов посетил районы аристократов, торговцев, а следом за ними и рыночную площадь, где как и всегда во всю кипела жизнь. Именно уход с улиц торговцев или их значительное сокращение, является одним из первых звоночков перед началом войны и прочего.

Здесь, всё также весело, звонко и бодро. Прилавки полны товаров, а «подиум», созданный для продажи рабов, ожидаемо пустует. В городе остро чувствовался дефицит рабочих рук, и пусть с каждым днём торговцев, вёзших свой товар из столицы и прочих регионов становилось всё больше, насытить мои улицы рабами им по-прежнему не удавалось.

Игорный клуб и первое кабаре пока ещё строились. Изначальная планировка парочки зданий пришлась бывшим хозяевам улиц не по вкусу, и те, используя собственные силы, средства и влияние, принялись их «облагораживать». Что же, пускай. Зато бордель уже во всю принимал своих гостей, завлекая в свою обитель проходящих мимо путников. Как и в случае с баней, заметил сильное влияние аристократов на данное заведение. Именно эти ребята, в более или менее солидных одеяниях могли спокойно пройти мимо здоровенных ребят, собиравших у входящих оружие. Простые же люди были вынуждены справлять свои потребности в углах и подворотнях, используя для этого крайне убогих и отталкивающих одним лишь своим видом шлюх.

Проезжая мимо и наблюдая, как парочка крестьян трахается прямо в грязи у дороги, велел карете остановиться, а страже убрать с моих глаз «это». Я приказал открыть бордель именно для того, чтобы убрать подобные картины с улиц, таверн и переулков, где обитали все эти похотливые личности, и подобное отныне придётся пресекать. Ведь я создаю не город порока, а город возможностей, что будет стараться собрать в себе все умы и культуры империи, а как их собирать и заставлять думать о работе, когда вокруг тебя все и везде шпилятся?!

Пара резких движений моих ребят в доспехах и вышибалы, кланяясь в ноги, отдыхают в сторонке, а я вместе с Гвинием и Августой по задымлённым неким дурманом извилистым лестницам подымаюсь на третий этаж в кабинет хозяина данного заведения.

Крепкий плечистый дядя, не отрывая головы от пола, молчаливо выслушал все мои требования и наставления, а также провёл экскурсию по своим владениям. Рассчитывавший увидеть здесь Зорфов и другие расы, я был крайне разочарован, что очень сильно сказалось на взмокшем от страха лице местного владельца. Предупредив того о том, чтобы в этом месте не было никакого дурмана, спросил насчёт болезней, связанных с женщинами. В ответ на что получил какой-то странный взгляд и категорическое «все здоровы». Кажется, этот мир ещё не успел познать все «прелести» передающихся половым путём заболеваний. Что ж, так только интереснее. Пусть я и не собирался совать во всё, что движется, но подрядить кого-то на поиски интересных лотов всё же собирался. Попросив свиту

оставить меня наедине с хозяином борделя, получил категоричное «нет», что от старпёра, что от сеструхи. Пришлось изливать мои желания при помощи глубоко завуалированных речей и фраз. О необходимости перенимания других культур, навыков и знаний. До конца не уловивший ход моих мыслей дядька, при всепожирающих взглядах моей свиты, в тупую и напрямую поинтересовался, нужны ли мне только мужчины умельцы или ещё подойдут и женщины. Просто идиот. Как он вообще умудрился занять подобную должность, не читая атмосферы!

Смирившись с его тупостью, кивнул. Подойдёт любой раб из чужих земель, что попадёт на прицел его парней и будет представлять из себя хоть какую-то ценность. Основной упор же делал на свиту звероловцев и, разумеется, на длинноухих долгожителей, любивших свои сказочные леса. Мужик как тому и положено, кивая, нихера не понял, в отличии от полыхавших ко мне со спины злобой инквизиторши, в принципе не терпевшей другие расы и Гвиния, всей душой ненавидевшего Зорфов. Их предрассудки и стереотипы продолжали ставить мне палки в колёса, и с этим требовалось уже что-то делать. К тому же, если в ближайшее время всё грозит наебнуться медным тазом, то почему бы и не пуститься во все тяжкие? А ещё...

— Нам бы не помешало вновь посетить таверну, что на это скажете? — желая послушать людские байки и сплетни, в коих всегда можно найти частичку правды, обратился я к своим спутникам. «Как пожелаешь» — ответила сестра. «Таверна будет та же»? — слегка повеселев, переспросил советник.

От автора: Ребят, если вы по какой-то причине это читаете, значит сие творение вас чем-то да зацепило. По этому, прошу, поддержите лайком и подпиской. Вам не трудно, а меня это пипец как мотивирует работать больше и дольше!

В этот раз посещение оказалось не столь продуктивным, как в прошлый. Люди сплетничали о причинах визита Герцога, обсуждали увеличившееся число торговцев, что всё чаще стали не просто заселяться на постоянные дворы, а на долгие сроки закреплять за собой целые этажи местных гостиниц. Так стали поступать самые ушлые торгаши, прибывавшие к нам из близлежащих городов. Притянув с собой десяток рабов и для виду показав тех проверяющим, те пытались выдать себя за местных, и благодаря удачно переданной проверяющему взятке, могли спокойно продать дорогие товары, предназначенные для знати с куда меньшим налогом на выручку. Всё это являлось лишь слухами, так как о таком ни один из моих городских министров не докладывал. Однако, данная молва среди недовольных горожан пошла не просто так, а это значит, что что-то подобное уже было.

За разговорами о стремительно богатеющих ремесленниках и торгашах, краем уха зацепил и тему рабов, продававшихся чаще всего ещё на подъездах к городу. Самые ушлые торгаши, вылавливали идущих в другие города торговцев, забирали за полцены товар, что ещё даже не успел попасть в столицу, а после продавали его в Нивграде в тридорого.

Поговаривали, что местное сообщество купцов даже слух пустило. Якобы в моём городе невозможно продать раба, лишь бы ажиотаж и вся эта «рабская лихорадка» продлилась чуточку подольше. Вот в этот вопрос, в отличие от махинаций с недвижимостью и налогами, я лезть не собирался. Рабы из столицы привозятся? Привозятся. Переплачиваю я за них? Нет. Тогда и в разборки местных лезть нет мне никакого резона. Пусть воюют между собой, обманывают и режут — до лампочки. Рано или поздно что столичные, что приграничные доберутся до Нивграда, и к этому времени я уже обязан буду построить как можно больше постоянных дворов, обычных домов и мастерских, которые, в свою очередь, после буду либо сдавать в аренду приезжим, либо продавать. К сожалению, какую именно вести политику в отношении недвижимости я пока не решил.

Дверь таверны со скрипом приоткрылась. В проёме показался знакомый, невысокий и тощий силуэт оборванки, хорошо загримированной под юношу. Эдриан или как Зорфа сама называла себя — Эд, увидеть здесь я точно не ожидал, поэтому и удивился. После чего, взглядом указав сестре на незваного гостя, попросил ту пригласить зверюшку за наш стол.

Едва моя лазутчица щёлкая клювом поравнялась с нами, как Августа, внезапно схватив ту за рукав, резким рывком усадила на скамейку рядом, а после, незаметно приставив той клинок к ляжке, предупредила: «чтобы без глупостей». Сегодня наши магические маски совершенно отличались от прошлых, но даже это не помогало избегать ненужного внимания. Весь город гудел о смерти «весёлой троицы», любившей стрясти деньги с заезжих богачей, а после той ночи и уж тем более дня, когда их головы украсили пики торговых кварталов, ко всем приезжим с крупными суммами стали относиться очень и очень осторожно.

Зорфа вела себя сдержанно, молчаливо, рта без команды не открывала, да и с виду казалась самым спокойствием. Чувствовалось, что девушка не впервые в подобной ситуации, оттого и ведёт себя весьма уверенно, хотя по дрожи в пальцах, которую та пыталась скрыть, сжав кулаки, было понятно, насколько она нервничает в новой компании.

— Костлявый, убери ковырялку, — первой подала голос Зорфа, — ибо еслипустишь мне кровь, живым отсюда точно не выйдешь. Здесь каждый второй меня знает и каждый третий за меня заступится. — Блефуя и желая своей хрипотцой в голосе напугать Августу, прошептала оборванка.

— Полегче, гангста, — жестом попросив мага вернуть мне голос, произнёс я, после чего коротко стриженная неряха от удивления и одновременного испуга, головой в сидячем поклоне таранит стол, пытаясь попросить прощения у «моего высочества», но рука Августы вовремя успевает залепить той рот.

— Господин, зачем вы вновь сюда пришли, сейчас все местные обсуждают ваш прошлый визит, пытаюсь понять, кем же были те незнакомцы? — шёпотом, с огромными, круглыми от удивления глазами, прижимаясь к столу, словно мышка, пропищала Зорфа.

— Пусть обсуждают. Что нового, Эд? — на мой вопрос бродяга попросила в очередной раз убрать нож и перестать держать ту за шиворот, словно какую-то помойную кошку. На что Августа резонно заявила, что та такой и является и не ей диктовать условия святому инквизитору. В общем, добродушная сестричка осталась при своём, вынудив Зорфу приступить к своему внеплановому отчёту.

Говорила она и о нервном хозяине борделей, предполагавшем, что принц будет посещать его заведение с целью истребления специальных «лотов», которые стоят очень дорого, и о ребятах, что должны были того защищать от любых других проблем, но, по-видимому, не от меня. Банды открестились от каких-либо прямых конфликтов с имперской гвардией, и даже сказали: если я буду чересчур много требовать с владельца «дома наслаждений», даже обратятся ко мне с какой-то с письменной петицией, но уж никак не с ножом, хотя кто его знает. Также, она говорила и о начавшейся в соседних лесах охоте. В роли дичи четвёрка тёмных эльфиек,

умудрившихся как-то при помощи темной магии разрушить антимагические кандалы и убить своего хозяина, а вместе с ним и десяток бойцов. По рассказам очевидцев, со стражей поступили весьма и весьма жестоко. Местный лорд, которому, собственно, и предназначались тёмные как подарок, осознал всю опасность клана убийц, практикующих древнюю магию, поэтому отправил за ними в леса все свои силы и даже больше, после того, как четвёрка навестила одну из его деревень и вырезала население, оставив лишь детей. Он, кусая локти, принялся искать наёмников. Ведь не дай бог по его вине беглые рабы устроят хаос в имениях соседнего Герцога или уж тем более моих. Простым извинением ему уже не отделаться.

Тёмные эльфийки — это хорошо. Особенно если они как в аниме с размером груди таким четвёртым или и вовсе пятым, хотя вряд ли такие заметные личности смогли бы стать убийцами. Но попробовать поймать тех всё же стоило. Требовалось отправить на столь экзотическое задание Магнуса и его ребят. Пусть соберёт отряд из авантюристов и своих лучших охотников, а после, вместе с местными присоединиться к охоте. Четыре раба со смуглой кожей и длинными ушками возомнили себя вершителями правосудия, принялись резать моих сограждан, одного этого уже было достаточно для того, чтобы не церемониться с ними и поступить немного жёстче. Ведь если к рабыням и прочим угнетённым, лишённым и на какое-то место слабым я и испытывал жалость, ровняя тех со своим старым, беспомощным я. То в жёстком обращении к тем, кто привык убивать других и оставлять детей сиротами я почему-то сострадания не испытывал.

Безусловно, я знал, что идёт война. На границе одни убивают других, но чёрт... Кажется, я впервые задумался о том, что и сам имею «двойные стандарты», а также свои взгляды на термин «справедливость». «Прям таки злодей»... — Хмыкнув и усмехнувшись про себя, подумал я, и выбравшись из мечтаний о горячих и страстных эльфийских телах, перевёл взгляд на заинтересованно следившую за моим настроением Зорфу.

— При... Господин, — взгляд Эд при виде моего нездорового блеска в глазах слегка помрачнел, — скажите честно, вы ведь ищите редкие для людей виды не просто так, верно? — за пронизательность десять баллов. Киваю той в ответ. — Зачем вам представительницы других рас?

— А сама как думаешь... — Предложив бродяге озвучить свои идеи, холодно проговорил я.

— Коллекция, — опустив взгляд на стол, обречённо проговорила Эдриан. — Лорд Тутлюс собирал жизни и страдания чужих молодых жён. Вы же, по-видимому, коллекционируете немного другое. Жизни Зорфов в этих краях не ценятся, оттого наигравшись с нашим видом, чьи тела по вашему приказу утопили в крови весь тракт, вы принялись за другие, не изученные вами...

Нож Августы, вплотную прильнув к горлу бродяги, вынудил молодую девушку заткнуться. Сестра едва сдерживала свой гнев и даже пустила бедняге немного крови.

— Забыла с кем говоришь, ёбаная шавка. Думаешь, если госп... — Будучи готовой свернуть зажмурившейся бедняге шею, сквозь зубы процедила сестра, вынудив меня ту прервать.

— Отпусти девчонку, — проговорил я, а после, заглянув в испуганные и уже приготовившиеся к смерти глаза, добавил: — частично она права. Я ведь действительно хочу собрать коллекцию, вот только не из чьих-то голов. — С этими словами, глядя на непонимающе глядящую на меня тройку, прокашлялся и принялся давать заднюю. И так лишнего себе позволил сболтнуть. — Хотя, ха, в принципе, головы у них всех, как бы, тоже есть... Забудь всё, что слышала Эдрина, тебе достаточно знать лишь то, что пока ты служишь мне, тебе не придётся ходить голодной и думать, где завтра достать кусок еды. Возникнут проблемы — я помогу их решить. Просто делай свою работу и сообщай нам об обстановке в городе, хорошо?

Коротко стриженная оборванка вновь взглянула на меня неким странным, полным смешанных чувств и мыслей взглядом.

— Ну что из сказанного тебе ещё не понятно? — чуть грубее переспросил я.

— Лишь то, зачем четырнадцатому принцу великой империи запоминать имя такого мусора, как я, — взглянув сначала на всё также пышущую гневом Августу, а после и на мага-целителя, едва слышно отозвалась Зорфа, а после, едва заметно откланявшись, исчезла у выхода, так и не добравшись до стойки.

От слов вчерашней Зорфы, весь последующий вечер и ночь испытывал жуткий дискомфорт. Ещё не так давно, ни одна из девушек на меня и поглядеть бы побрезговала, а сейчас, ебать копать, принц этой империи, при бабле, связях и власти, жених номер один! Бесит, что одним всё достаётся с рождения, отчего на их шею штабелями вешаются, а другим... Другие как я, чёртовы задроты, только и могут, что фапать и слушать «какие они хорошие».

А ведь раньше, фантазируя, как бы поступил, стань вдруг королём или принцем, я видел себя совершенно по-другому. Думал, появлюсь такой в тронной зале и как начну продвигать инновационные идеи о равноправии, толерантности и терпимости, а тут какая к чёрту толерантность? Да меня даже за попытку отменить рабство в своих землях лорды на вилы поднимут или и вовсе как еретика инквизиторы на костре сожгут. Спать с Зорфами нельзя — не по статусу. Рабов в наложницы тоже нельзя. За стол с теми не садись, этим руку не подавай, тем не кланяйся, веди себя как хмырь и павлином ряженным броди. Бесит блять, я же принц и по идее могу делать, что хочу и где хочу, откуда столько сраных нельзя?! Ещё эти бабы Герцогские на голову свалились, и без того мозг всякой хернёй загружен, так и эти добавят проблем.

Одно радовало с утра. В этой забытой часовни, вместе с стоявшими на коленях перед знаменем монашками я мог побыть как и раньше, таким же как и все. И пусть я не верил в бога, но отвлечься от дел и побездельничать в скромной и простой компании всяко приятнее, чем в кругу мерзких и лживых толстосумов из мэрии.

— Господин, кажется сегодня вы не в духе, — обратилась ко мне Катрин, что закончив утреннюю службу, принялась заворачивать в тряпки мощи, а как по мне обычные «остатки» какого-то бедного «святого» в тряпочку. Вот кому-кому, а этому покойничку, коего даже после смерти всюду тягают за собой и заставляют работать, я точно не позавидую. Ну, был он хорошим человеком, помог обществу, ну отпустите вы его уже, с хера ли он и после смерти должен делать то, до чего у большинства не доходит желание и руки?

— Да, множество проблем, уважаемая Дэримэ, — понимая, что вновь начинаю закипать, тяжело вздохнув, отозвался я.

— И не смотря на это, вы нашли в себе силы уделить нам время в совместной молитве. Это весьма похвально, ведь обычно люди из верхов предпочитают в такое время отлёживаться и отдыхать в объятиях демонов распутства и пьянства.

«Хотелось бы, да некогда».

— К сожалению, Катрин, ваша шумная и необразованная компания стала единственным местом, где я могу побыть самим собой.

— Ну что вы принц, большая часть из нас всего лишь освобождённые от рабского клейма женщины. Как можно сравнивать общение с нами и отдых, вы же учитесь и присматриваете за нами...

— Таков долг мужчины — присматривать за женщинами, — приобняв эту пышногрудую по талии и заметив на её щеках проступивший румянец и улыбку, впервые за сегодняшний день обрадовался своему положению и тому, что имею возможность отпускать такие пафосные речи. Каким-то образом эта грудастая простушка, с лёгкостью и без применения своего крайне сексуального тела могла подарить мне некое наслаждение, которое я, в свою очередь, всё больше утрачивал при постоянных ласках в обществе рабынь. Возможно так на мне сказывалась обыденность и лёгкость, с которой я мог приказать тем сделать что угодно, и то, что именно с этой вот особой, подобного себе я позволить не мог, вернее мог, но ебанутая на всю голову инквизиторша после подобного точно поджарила бы мои яйца на костре, а это для меня весьма весомый сдерживающий фактор.

— Скажите принц, а занятия сегодня будут? — обратилась ко мне проходившая рядом монахиня, в чьих больших и восторженных глазах я видел собственное отражение. Многие из них боготворили меня за наши занятия. Приятное чувство, но со временем радость от него слегка подзатупилась, но её с лихвой компенсировала компания Катрин. Порой мне даже начинало казаться, что главной целью старшей сестры Дэримэ являлся даже не контроль за сёстрами, а попытка через меня добиться для них более приемлемых условий. Ведь даже когда я по-настоящему глупо шутил и делал какую-то немыслимую глупость, она всё равно мило улыбалась и никогда не делала шаг в сторону, когда я позволял себе ту приобнять. Безвольная и очень красивая кукла, с очень праведным взглядом на жизнь и полной грудью любви ко всем её окружающим. Мне не хотелось из-за своей небрежности ломать такую красоту, поэтому сам порой старался держаться от монахини подальше, хотя при этом вряд ли она не замечала тот стояк, который в этих лёгких шпанах мне периодически не удавалось скрыть подручными предметами.

— Разумеется, — жестом указав по направлению к резиденции, — прямо после молитвы и приступим.

Девушки перешептывались, подсчитывали несложные математические задачи. Пока мы зацепились за плюс и минус, перейдя к трёхзначным числам. На данном этапе и этих знаний вполне хватило бы для работы в канцелярии и мэрии, но помимо математики ведь была и письменность, в которой всё было ну прям пиздец, как

плохо. Как у меня, так и у этих дам, что сейчас у доски, с трудом могли прочитать обычные слоги. К сожалению, именно письменность стала для всех нас одной большой проблемой, ведь в отличие от тех же сложений и вычитаний, которые можно было практиковать при подсчёте и стирке грязного белья, овощей, уборке (многие монахи считали взмахи своей метлы) с письменностью дела обстояли куда сложнее. Там требовалось запоминать.

Пока те зубрили и повторяли по десять-пятнадцать раз за самыми преуспевающими ученицами записанное на доске, я мог спокойно заниматься работой взятой «на дом». После своего прошлого похода, Магнус ещё не полностью восстановил численность своего отряда, да и к тому же одним из немногих раненных в бою оказалось его доверенное лицо, выполнявшее роль заместителя. Поэтому, сейчас тот с большой неохотой согласился отправиться в леса за темными эльфийками, обосновывая это нехваткой людей, которым мог бы доверять. Но, приказ есть приказ.

Ко всему прочему предстояло наращивать производство майонеза. Как и ожидалось, товар пришёлся по вкусу столичным купцам, что лишь попробовав поспешили сделать предзаказ. Хорошей рекламой для данного продукта являлось фраза «соус из секретных кулинарных книг одного из принцев», которую я просил распространять своим торговцам при каждом удобном моменте. Также из плюсов прошедших дней стоило отметить чутка разгрузившееся направление в сторону рудника. Теперь повозок, затаривавшихся провиантом, а также волочивших камень в город на рыночную площадь, стало гораздо меньше. Пусть мы и теряли пару медяков на камнях, но благодаря тому, что рабы вполне справлялись с работой в две смены и не тратили время на транспортировку лишних грузов, этот недостаток как-то перекрывался. Тем более, у нас строилась дорога, причём, весьма и весьма качественная. Инспектировавшая работы Августа заявила, что та не уступит по надёжности даже королевскому тракту, путешествуя по которому я себе всю задницу отбил. Сомнительный стандарт качества, но что поделать, другой технологии у меня нет, я ведь не дорожник и уж тем более не строитель.

Жизнь шла своим чередом, казна постепенно пополнялась. Дома строились, в город прибывало и оседало всё больше и больше рабов, мастеров и торговцев, а вместе с ними и денег. Недочётов, проблем или каких-то страшных невзгод, что внезапно могли уничтожить меня и город ждать не приходилось. Разве что чёртов горец Дункан мог поднастрять на моём пороге, выкинув в столице какую-нибудь глупость. Хотя в это сильно то и не верилось. Что он может? Поднять мятеж? А дальше? У первого принца армия на добрую сотню тысяч больше, чем у второго. Пусть часть её и на границе, столицу войска старшего брата отстоят без проблем. Да и папкина инквизиция вместе с имперской гвардией стоять в стороне не будет. А ведь есть ещё и маги, об обучении которых в своём городе я благополучно забыл. Работы — поле не паханное. Самое главное — это моё местоположение. Никто, ни одна тварь не могла нарушить моего покоя, при этом не опасаясь за свою жизнь.

Я мог спокойно развивать Нивград, не опасаясь набегов и грабежей, инвестировать в него все свободные деньги, попутно истребляя коррупцию и наращивая боевую мощь, превращая его в самый передовой средневековый мегаполис, что в скором времени мог посоперничать даже с портовыми торговыми городами. Всё шло слишком хорошо, заставляя расслабиться, и как обычно, удар пришёл оттуда, откуда его не ждали.

В непроглядной ночи, когда тучи заволокли луну и звёзды, в Нивград прибыл едва живой посольный. Загнав по дороге четырёх лучших лошадей, тот бледный и измученный, тихо произнёс то, чего не ожидал никто, включая меня.

— Богоподобный император умер. В ходе переворота второй принц сместил первого с очереди на престол и узурпировал трон, за ночь вырезав всю имперскую гвардию и верных первому наследнику людей.

Улицы столицы залились кровью, всех неверных узурпатору ждала смерть. Старые лорды, их жёны, дети, внуки, крепостные и даже рабы. Подвергались преследованию и немедленной казни. За один день, боевая мощь и поддержка первого принца в столице сократилась практически до нуля и теперь, тот будет вынужден снимать своё воинство, сражающееся против Зорфов и направлять на город в отчаянной попытке вернуть то, что принадлежит ему по праву.

Величайший и богатейший город из когда-либо принадлежавших людям ждала долгая осада, ибо за тысячелетия, что тот существует, ещё ни одному смертному так и не удалось покорить его крепкие стены. Если первый принц решится дать бой под стенами и уничтожит свою, самую крупную человеческую армию, то империя, понеся невероятные потери, распадётся на множество кусков, так как больше в ней не останется той тотальной превосходящей всех и во всем живой мощи. Некому будет успокаивать беснующуюся знать, некому будет защищать приграничные земли от морских варваров, эльфов, Зорфов, Орков и прочей нечисти только и ждущей нашего распада. Каждый попытается урвать кусок от раненного зверя, и никто из жителей империи, будь то крестьяне или знать, не сможет остаться в стороне.

Настают самые тёмные, кровавые и жестокие времена, в которые человечеству придётся сполна заплатить за века угнетения и порабощения других народов.

Конец первого тома.

